

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2025

Том 25

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Покатов Д. В. Социологическая теория властвующей элиты
Ч. Р. Миллса: актуализация социально-политических воззрений
в современной реальности

242

Островский А. Н. Социальный конфликт как предмет
медиации: теоретико-методологическая концептуализация
в плоскости социологического подхода

249

Ясин М. И. Представленность детности семьи
в коммерческой рекламе

259

Воронова К. А., Шляпина А. С. Роль социальных проектов
в развитии семейных ценностей на российских малых
территориях (по результатам социологического исследования
в Пермском крае)

265

Могилевич Б. Р. От лингвистического поворота в социологии
к нарративу

276

Слово молодым социологам

Минин А. А. Социологический анализ трудовых практик
иностранцев студентов, обучающихся в вузах
Саратовской области

282

Русанова Е. И. Современный рынок юридических услуг
в России: институциональная структура, акторы,
особенности функционирования

290

Политология

Казаков А. А. Три года СВО: динамика изменения
отношения молодежи (в контексте влияния медиа)

303

Мурашова-Росс А. В. Трансформация экологической
политики Российской Федерации в контексте обострения
международных отношений

314

Цыплин В. Г. Прогнозы и сценарии арктической стратегии
администрации Д. Трампа: второй срок

323

Слово молодым политологам

Анциферов М. Е. Государственная политика воспитания
патриотизма российской молодежи как фактор обеспечения
национальной безопасности: мнение экспертов вузов

331

Барановский Н. С. Смысловые неопределенности
в государственной стратегии политического воспитания
молодых граждан

338

Гандилян М. М. Способы противодействия негативным
последствиям политизации спорта в оценках участников
экспертного опроса

344

Азаренкова А. А. Внешняя политика Румынии между
глобальными амбициями и ограниченными возможностями

351

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Ковалева Наталья Владимировна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2025.

Подписано в свет 29.08.2025.

Выход в свет 29.08.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 82-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: muninaov@sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Pokatov D. V.** Sociological theory of the ruling elite of Ch. R. Mills: Actualization of socio-political views in modern reality 242

- Ostrovskii A. N.** Social conflict as a subject of mediation: Theoretical and methodological conceptualization in the plane of the sociological approach 249

- Yasin M. I.** Representation of family fertility in commercial advertising 259

- Voronova K. A., Shlyapina A. S.** The role of social projects in the development of family values in Russian small territories (based on the results of a sociological study in the Perm region) 265

- Mogilevich B. R.** From the linguistic turn in sociology to narrative 276

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

- Minin A. A.** Labor employment of foreign students in universities of the Saratov region: A sociological analysis 282

- Rusanova E. I.** The modern market of legal services in Russia: Institutional structure, actors, features of functioning 290

Politology

- Kazakov A. A.** Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth (within the context of media influence) 303

- Murashova-Ross A. V.** Transformation of environmental policy of the Russian Federation in the context of the aggravation of international relations 314

- Tsyplin V. G.** Forecasts and scenarios of the Trump administration's Arctic strategy: Second term 323

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Antsiferov M. E.** State policy of education of patriotism of Russian youth as a factor of ensuring national security: Opinion of university experts 331

- Baranovskiy N. S.** Semantic ambiguities in the state strategy of political education of young citizens 338

- Gandilyan M. M.** Ways of counteracting negative effects of politicization of sports in the assessments of expert survey's participants 344

- Azarenkova A. A.** Romania's foreign policy between global ambitions and limited opportunities 351

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakh K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

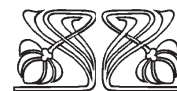
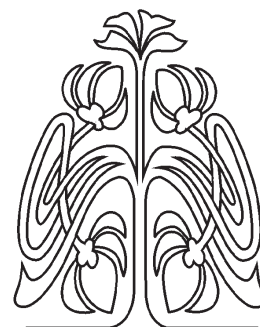
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

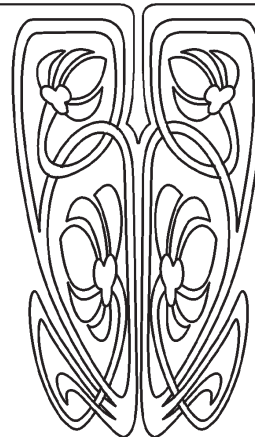
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 242–248
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 242–248
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-242-248>
EDN: CAREZK

Научная статья
УДК 316.342.5

Социологическая теория властвующей элиты Ч. Р. Миллса: актуализация социально-политических воззрений в современной реальности

Д. В. Покатов

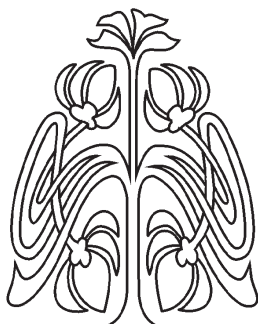
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9193-1555>

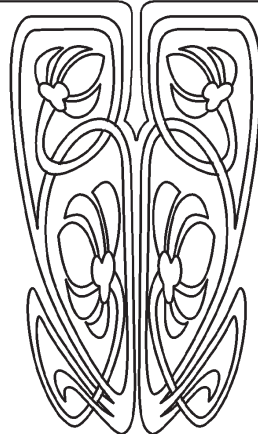
Аннотация. В статье рассматривается созданная известным американским социологом Ч. Р. Миллсом социологическая теория властвующей элиты. Хотя появившаяся в прошлом веке теория и являлась достаточно важным для своего времени шагом вперед в изучении данной социальной общности, сегодня анализ ее базовых положений не так часто можно встретить в современных исследованиях. Вместе с тем многие положения теории не только не устарели, но и являются отражением современного портрета элиты и протекающих в обществе социально-политических процессов. В противоположность утвердившемуся в социологии и политологии рассмотрению элиты как особой социальной группы, в трудах Ч. Р. Миллса представлен взгляд на нее как разновидность социального института. В этой связи в ряде работ подход Ч. Р. Миллса рассматривается как институциональный. В настоящей статье теория властвующей элиты Ч. Р. Миллса представляется как особый вариант социально-институционального подхода, так как сам Миллс рассматривает элиту как группу индивидов, представляющих ведущие институты общества (прежде всего политические, экономические и военные), принимающих все решения, влекущие за собой важнейшие последствия. В качестве несомненных достоинств подхода Ч. Р. Миллса отмечается его попытка определить границы элитной группы, дать характеристику структуры элиты, социальных слоев и групп, образующих ее. Не потеряли своей актуальности даваемые ученым определения политического деятеля и анализ двух ведущих прослоек, составляющих ядро властвующей элиты, – профессиональных политиков и политических «аутсайдеров». Также рассматривается не потерявшая своей актуальности тенденция в элите, связанная с постепенным замещением категории профессиональных политиков администраторами-бюрократами, выходцами из корпоративных и «аутсайдерских» групп, в том числе представителей экономической и военной элиты.

Ключевые слова: элита, властвующая элита, Ч. Р. Миллс, социально-институциональный подход, политический деятель, политический «аутсайдер»

Для цитирования: Покатов Д. В. Социологическая теория властвующей элиты Ч. Р. Миллса: актуализация социально-политических воззрений в современной реальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 242–248. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-242-248>, EDN: CAREZK
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Sociological theory of the ruling elite of Ch. R. Mills: Actualization of socio-political views in modern reality

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9193-1555>

Abstract. The article examines the sociological theory of the ruling elite created by the famous American sociologist Ch. R. Mills. Although the theory formulated by him in the last century was a rather important step forward for his time in the study of that social community, today the analysis of its basic provisions is not so often found in modern research. At the same time, many of its provisions are not only not outdated, but are also a reflection of the modern portrait of the elite, and the socio-political processes taking place in society. In contrast to the established in sociology and political science consideration of the elite as a special social group, the works of Ch. R. Mills present a view of it as a kind of social institution. In this regard, a number of works consider the approach of Ch. R. Mills as institutional. The article defines the theory of the ruling elite of Ch. R. Mills as a special version of the socio-institutional approach, since Ch. R. Mills himself considers the elite as a group of individuals representing the leading institutions of society (primarily political, economic and military), making all decisions that entail the most important consequences. The undoubted advantages of Ch. R. Mills' approach are his attempt to define the boundaries of the elite group, to characterize the structure of the elite, the social strata and the groups that form it. The definitions of a politician and the analysis of two leading interlayers that make up the core of the ruling elite – professional politicians and political “outsiders” – have not lost their relevance. The article also considers the trend in the elite, which has not lost its relevance, associated with the gradual replacement of the category of professional politicians by administrators-bureaucrats, who come from corporate and ‘outsider’ groups, including representatives of the economic and military elite.

Keywords: elite, ruling elite, Ch. R. Mills, socio-institutional approach, politician, political “outsider”

For citation: Pokatov D. V. Sociological theory of the ruling elite of Ch. R. Mills: Actualization of socio-political views in modern reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 242–248 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-242-248>, EDN: CAREZK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы среди исследователей, представляющих различные направления и школы социального и гуманитарного знания, не ослабевает интерес к элитной проблематике. Это не является случайным, так как различные элитные группы не только занимают ведущие позиции в институтах и сферах общества, но и во многом направляют их деятельность, обладая значительным материальным и символическим капиталом. При этом в ракурсе внимания исследователей, занимающихся элитной проблематикой, находятся не только данные социальные группы, но и теории элит, развиваемые различными школами и направлениями. Однако не всем из них уделяется на современном этапе должное внимание. Это в полной мере относится и к теории властвующей элиты крупного американского социолога Чарльза Райта Миллса. Хотя созданная им в прошлом веке теория и являлась достаточно важным для своего времени шагом вперед в изучении данной социальной общности, сегодня анализ ее базовых положений не так часто можно встретить в современных исследованиях.

Следует отметить, что Ч. Р. Миллс являлся очень разноплановым ученым, который занимался изучением особенностей социологического воображения, выявлением базовых черт и роли средних слоев общества. Отдельная его

работа была посвящена пользе истории. При этом в целом ряде своих работ, как и выдающийся отечественный социолог М. М. Ковалевский, он отстаивал необходимость применения историко-социологического подхода к изучению многих явлений. В одной из своих работ он подчеркивал, что «вся социология должна называться исторической социологией» [1, с. 168].

Среди важных направлений исследований Миллса, конечно, особое место занимает теория властвующей элиты. Как уже отмечалось выше, несмотря на ее значимое место в исследовательских проектах ученого, в современных исследованиях не так часто можно встретить ее анализ. Так, достаточно интересная работа А. М. Никулина посвящена рассмотрению автобиографической социологии ученого. При этом автор, на наш взгляд, верно разграничивает этапы жизненного пути Ч. Р. Миллса: методологический, стратификационный и памфлетистский. Первый этап, по мнению А. М. Никулина, связан с изначальными интеллектуальными интересами Миллса, второй – посвящен анализу социальных страт американского общества, третий – связан с политологическим анализом международной обстановки в условиях холодной войны в конце 1950-х гг. прошлого века [2, с. 166–167]. Давая характеристику данных этапов, А. М. Никулин сосредоточивается в

большей степени на воззрениях Ч. Р. Миллса на природу и роль среднего класса и место, занимаемое в обществе прослойкой интеллектуалов, чем на рассмотрении особенностей властвующей элиты.

Очень краткую и даже фрагментарную характеристику воззрений Ч. Р. Миллса представил в своей монографии известный отечественный философ, социолог и политолог А. Г. Дугин. По его мнению, Миллс не сказал ничего нового, и его теория – это не что иное, как применение принципов В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса к американскому обществу. Фактически главное достижение Ч. Р. Миллса, по убеждению ученого, заключается в том, что он дал достаточно детальное описание политического класса, элиты и олигархической верхушки США. Однако данное суждение не согласуется, на наш взгляд, с теорией Миллса, который в своих работах был противником отождествления правящего класса и властвующей элиты. И если В. Парето, Г. Моска и Р. Михельс рассматривали элиту как особую социальную группу, то Ч. Р. Миллс – как особый институт [3, с. 374]. Не затронутыми оказались взгляды ведущего американского социолога и в недавно изданной коллективной работе «История отечественной элитологической мысли». Хотя исследование и посвящено отечественной элитологии, но в разделе об элите приводится изложение воззрений родоначальников теории элиты Г. Моска и В. Парето [4].

От данных исследований существенно отличается работа М. Л. Хазина и С. И. Щеглова, в которой в форме диалога читателя и теоретика (по примеру работ Платона) освещаются отдельные положения социологических воззрений на сущность и роль властвующей элиты в обществе [5, с. 244–249]. Достаточно краткую характеристику воззрений Ч. Р. Миллса дали в своих работах М. М. Мадалиев [6] и А. В. Дука [7]. При этом А. В. Дука, рассматривая имеющиеся в социологии интерпретации элиты, отнес подход Ч. Р. Миллса к конфликтному [7, с. 14]. Рассматривая семантическое понятие категории «политическая элита», затрагивал отдельные базовые признаки властвующей элиты, разрабатываемой в трудах Миллса, М. С. Дмитриев. При этом к заслугам американского социолога он отнес то, что своими выводами ученый предвосхитил появление теории политических сетей [8, с. 140]. Из работ последнего времени

(в том числе и авторских) можно отметить анализ одного из сегментов властвующей элиты – слоя политических «аутсайдеров» [9].

В целом, как показывает анализ имеющихся по теме исследований, рассмотрение социологических воззрений Ч. Р. Миллса хотя и представлено в научной литературе, но крайне фрагментарно. Нет полного и целостного изложения его взглядов на базовые характеристики властвующей элиты, ее структуру, качественный состав и сегменты, образующие ее ядро. Именно этому и будет посвящена данная работа. Для анализа социологической теории властвующей элиты автор статьи опирался, прежде всего, на сравнительно-исторический и генетический подходы. Сравнительный анализ элитных групп (в первую очередь, политической элиты) основан на проведенном автором контент-анализе 695 биографий представителей отечественной политической элиты (включая Президента РФ, представителей Администрации Президента РФ, Правительства РФ, депутатов Федерального Собрания РФ, лидеров ведущих политических партий).

Созданная Ч. Р. Миллсом социологическая теория властвующей элиты является достаточно своеобразной. Ее нельзя отождествлять, как это делают некоторые исследователи, ни с одной из представленных до него концепций. Как уже отмечалось выше, сама элита в целом и политическая элита в частности анализировались до Ч. Р. Миллса как особые социальные группы. Данный подход достаточно хорошо был представлен в работах идеологов так называемой «макиавеллистической» школы (Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса), а также ценностного и плюралистического направлений. При этом представители первого направления рассматривали элиту в основном как сплоченную группу, в большинстве своем занимающую властные позиции. Единственное различие заключалось в том, что Г. Моска трактовал элиту как правящий и политический класс, отличающийся сплоченностью, профессионализмом, организаторскими способностями, а В. Парето, уже использовавший понятие политической элиты, считал ее более широким образованием, которое представлено лицами, проявившими наиболее высшие достижения в какой-либо области. Представители ценностной и плюралистической теорий отрицали саму сплоченность элиты (Р. Даль, К. Мангейм, Д. Рисмен, О. Штаммер и

др.), видели в ней конкурирующее взаимодействие различных элитных групп, считали, что она отличается особыми ценностями и харизматическими чертами, духовно-нравственным потенциалом. Все это не противопоставляет, как они полагали, элиту и основную массу населения.

Анализируя современное ему общество (прежде всего американское), Ч. Р. Миллс пришел к выводу, что многие из подходов, в рамках которых анализировались представители высших прослоек, не соответствуют современной реальности. По его справедливому мнению, необходимо всегда стремиться к исторической конкретности. Этого Миллс не обнаруживал ни в марксистской концепции, ни в либеральных теориях, ни в теории политического класса Г. Моски. Так, представители марксизма, по его мнению, упрощено считали, что реальными вершителями власти являются лица, занимающие господствующее положение в экономике. Либеральные идеологи, в свою очередь, все сводили к тому, что ведущая роль в системе политического господства принадлежит политическим лидерам. О такой же обособленной группе лиц, монополизирующих власть, говорил в своих работах Г. Моска. Стремясь избежать данной упрощенности, Ч. Р. Миллс и предлагает заменить понятие «правлящий класс» термином «властвующая элита», которая рассматривается им как группа индивидов, представляющих ведущие институты общества (прежде всего политические, экономические и военные), принимающих все решения, влекущие за собой важнейшие последствия [10, с. 47, 381].

Ряд исследователей [7], исходя из этого, считают данный подход институциональным. Думается, здесь лучше определить его как социально-институциональный. Это связано, прежде всего, с тем, что само понятие института в социологии достаточно неоднозначно. Под ним понимается и совокупность устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих определенный круг общественных отношений, и совокупность организаций, представляющих конкретную сферу общества, и т.д. [11, с. 370]. Как видим, определение Ч. Р. Миллса не совсем подходит под трактовку института, но, тем не менее, ученый видит в элите ведущих представителей важнейших общественных институтов (в первую очередь, политических, экономических и военных).

Рассматривая сущность властвующей элиты, Ч. Р. Миллс останавливается на достаточно важной и дискуссионной проблеме границ и состава данной группы. Как уже отмечалось выше, ряд исследователей (Г. Моска и др.) видели в элите очень ограниченный круг лиц. П. А. Сорокин при определении элиты считал, что число elites 1 ранга в обществе очень невелико. В «Системе социологии» П. А. Сорокин писал, что по «Nouvelle Biographie General» Didot Перикла до 1850–1870 гг. из 45 000 000 000 людей, живших на Земле за это время, лиц, оставивших после себя историческую память, было всего около 100 000, что дает в среднем одного elite на 450 000 человек, или одного великого человека на полмиллиона лиц [12, с. 589]. Правда, в других своих работах он утверждал, что общество не сможет эффективно развиваться, если его элитные круги будут составлять 50% от всего населения.

Ч. Р. Миллс, стремясь определить границы властвующей элиты, отмечал, что она зависит во многом от того, на каком уровне будет проведена разграничительная линия. Если она будет проведена на слишком низком уровне, то к элите будут отнесены лица, которые ее не составляют. Если провести данную линию на слишком высоком уровне, то в нее, как это делал Г. Моска и некоторые другие его последователи, будет включен уж слишком узкий круг людей [10, с. 44–45]. Исходя из этого, американский социолог констатировал, что властвующая элита – это, прежде всего, те политические, экономические и военные круги, которые через достаточно сложную сеть взаимосмыкающихся клик принимают решения, имеющие общегосударственное значение. Давая характеристику властвующей элите, Миллс указывал на ее достаточно большую степень сплоченности, которая обеспечивается благодаря тесному общению и взаимодействию, особой системе семейного воспитания, образования. Он отмечает, что многие представители властвующей элиты учились первоначально в колледжах при престижных Гарвардском, Йельском и Принстонском университетах, часто именуемыми в США колледжами Лиги Айви (Лиги Плюща) [10, с. 107]. Даже в современных условиях это присуще, хотя и в меньшей степени, для многих западных стран. Что касается отечественной элиты, то проведенные нами ранее исследования показали, что только 6,44% политиков окончили различные факультеты и институты

престижного Московского госуниверситета имени М. В. Ломоносова, при этом лидирует экономический факультет (1,16%). Далее идут Санкт-Петербургский государственный университет (2,77%), МГИМО (2,48%), Национальный исследовательский Томский государственный университет (1,02%), Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина и Алтайский государственный университет (по 0,88%) [13, с. 100].

Также сплоченности властвующей элиты способствуют заключаемые браки, которые закладываются в том числе в годы обучения в престижных учебных заведениях, посещение общих досуговых заведений, также отмечается и практика наследования. Хотя Ч. Р. Миллс и писал в большей степени о наследовании в рамках системы корпоративных экономических институтов, но сегодня можно говорить о системе политического наследования. И это не только Северная Корея, где правят потомки Ким Ир Сена, или Индия с семейством Ганди – Неру, но и сами США, в которых известны политические династии семейств Кеннеди, Даллесов, Бушей, Клинтон и др.

Постепенно институализируясь в обществе, властвующая элита обретала особую структуру. На самом вершине оказывался относительно узкий слой лиц, представляющих политическую, экономическую и военную элитные подгруппы. Они окружены, по мнению Ч. Р. Миллса, множеством идейных вдохновителей, советников, имиджмейкеров, которые составляют то, что обычно называют околоэлитным окружением, противостоящим основной массе населения. В отличие от представителей ценностного подхода и теории демократического элитизма в изучении элиты, которые считали, что между элитой и массой нет каких-то существенных границ, Ч. Р. Миллс подчеркивал, что американская элита гораздо более сплочена и могущественна, а низы в целом разобщены. В этой связи в главе «Властвующая элита» своего одноименного труда он констатировал, что само появление властвующей элиты является, по сути, следствием превращения общественности США в политически пассивную массу [10, с. 409].

Поскольку на самом высшем уровне элиты находились группы, представляющие ведущие политические, экономические и военные институты общества, то в работе представлен достаточно интересный и, самое главное, не потерявший своей актуальности и сегодня их анализ.

Среди таких групп важное место занимали политический и экономический сегменты. Давая характеристику политической элите, Ч. Р. Миллс выделял в ней две базовые разновидности: профессиональных политиков и политических «аутсайдеров». Политическим деятелем ученый считал индивида, регулярно играющего известную роль в политических институтах и считающего данную роль одним из основных видов своей деятельности [10, с. 312]. В представлении Миллса можно говорить о двух разновидностях таких профессиональных политиков: партийных политических деятелях, чья политическая карьера связана преимущественно с партиями, и бюрократах-администраторах, прошедших значительную школу административного управления различными корпорациями, организациями, работавшими на низовых и средних уровнях государственного аппарата.

Последняя группа, администраторов, связывает профессиональных политиков с таким сегментом политической элиты, как политические «аутсайдеры». Политический «аутсайдер» – представитель элиты, который большую часть своей сознательной деятельности проводит вне сферы политики, в том числе деятельности политических институтов и организаций, и который либо самостоятельно (что проявляется крайне редко), либо по протекции, часто без выборов, вовлекается случайно и на короткое время в сферу политической деятельности [10, с. 312–313]. Именно последняя категория лиц, политических «аутсайдеров», которые практически не представляли политические партии и мало работали в местных и федеральных законодательных органах, не избиралась и была представлена в элите того времени в США. По подсчетам Ч. Р. Миллса, только 36% представителей политической элиты получили свои посты в результате выборов, в то время как 50% чаще назначались, чем избирались [10, с. 316]. Средний стаж работников американского государственного аппарата составлял, по подсчетам Миллса, 29 лет [10, с. 328]. К данной группе аутсайдеров примыкали и представители интеллектуальных прослоек, деятели шоу-бизнеса, многие из которых действительно обладали необходимыми талантами, однако у некоторых их символический капитал был создан посредством рекламы, в том числе в СМИ. И здесь как не вспомнить и отечественный опыт, особенно 90-х гг. прошлого века,

когда действовала целая группа таких политиков, чей образ был искусственно создан СМИ.

Снижение доли профессиональных политиков приводило к увеличению таких сегментов элиты, как экономической и военной, концентрирующих в своих руках важнейшие материальные и символические ресурсы. Особенно на первые позиции выдвигались члены экономической элиты, представлявшие на городском уровне, по мнению Ч. Р. Миллса, 400 известных семейств. Наиболее влиятельны представители экономической элиты – это руководящая верхушка, которая занимает высшие посты в 100 крупнейших по своему обороту и капиталу корпорациях. В конце 1940-х гг. только около 165 тыс. чел., или примерно 0,1% всего взрослого населения США, получили, как отмечает Ч. Р. Миллс, 42% всех прибылей корпораций. Проведенный ученым анализ показал, что жизненный путь 68% экономического сегмента элиты не выходил за пределы мира корпораций, в то время как 1/3 часть ведущих администраторов корпораций прошла через три формы начальной карьеры: самостоятельный предприниматель, администратор в семейном предприятии, лицо или работник свободной профессии [10, с. 166, 179–180]. Рассматривая высшие прослойки американского общества, Миллс делал вывод, что не профессиональные политики, а заправилы корпораций через своих агентов и представителей во властных структурах все больше сосредоточивают властные полномочия.

Наряду с ними к сегменту политических «аутсайдеров» относится и военная элита. Ч. Р. Миллс, современник президента-генерала Д. Эйзенхауэра, достаточно положительно относится к данному слою, отмечая, что нет другой такой группы, которая имела бы подготовку, относящуюся одновременно и к политическим, и к экономическим, и военным делам. Среди других достоинств военного сословия он отмечает значительный опыт, связанный с ответственными решениями, готовность к усвоению и использованию полученных знаний [10, с. 272–273]. Положительную сторону использования военных на государственной службе ученый видит в том, что они не связаны открыто с чьими-то материальными интересами. Причины появления военного сегмента в элите весьма оправданны, как считает Ч. Р. Миллс, поскольку представители гражданских служб зачастую не справляются со своими задачами.

Также отсутствие настоящего профессионального корпуса гражданских чиновников в США того периода также объективно приводили к появлению военного сегмента в элите.

Отмеченные выше черты характерны не только для американского общества. Ряд из них проявляется сегодня и в России. Так, проведенный автором контент-анализ 695 биографий представителей отечественной политической элиты (включая Президента РФ, представителей Администрации Президента РФ, Правительства РФ, депутатов Федерального Собрания РФ, лидеров ведущих политических партий) говорит о том, что сегодня доминирующие позиции (37,8%) в составе федеральной политической элиты сохраняет прослойка так называемых хозяйственников (руководители базовых отраслей промышленности и сельского хозяйства, коммерческих структур, банковско-финансовой сферы). Также значительны позиции, занимаемые выходцами из корпоративных военных кругов, служб безопасности и правоохранительных органов – 18,8%. Несколько увеличилось, до 33,0%, представительство научной, педагогической и творческой интеллигенции, представляющих слой так называемых аутсайдеров. Однако данная группа, не имея важных ресурсов, прежде всего политических, играет подчиненную роль в современной элите. Относительно стажа административной деятельности, в отличие от американской элиты, отечественной элитной группе более свойственен управленческо-административный стаж в 20 лет (у 23,8% представителей элиты) и свыше 10 лет (у 19,0%)¹.

Подводя итог нашего исследования, можно говорить, что многие высказанные в середине прошлого века Ч. Р. Миллсом идеи не потеряли своей актуальности и сегодня. По сути, ученый продолжает начатую выдающимся отечественным социологом М. М. Ковалевским линию на синтез истории и социологии. Ученый стремится с присущей исторической социологии скрупулезностью выявить базовые черты

¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Президент РФ : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.03.2025); Правительство России : [сайт]. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 15.03.2025); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2025); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

элиты, ее структуру и дать характеристику направлениям деятельности. Не потерял своей значимости объективный социально-институциональный подход. Весьма продуктивна идея о пересечении различных сегментов элиты, политического, экономического и военного. Достаточно верным и обоснованным представляется и анализ групп профессиональных политиков и политических «аутсайдеров». Единственное, что несколько диссонирует с научным анализом, – некоторый радикализм и категоричность ряда оценок, более свойственные публицистике.

Список литературы

1. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина. М. : Стратегия, 1998. 261 с.
2. Никулин А. М. Автобиографическая социология Чарльза Райта Миллса // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 165–177.
3. Дугин А. Г. Чарльз Миллс: властвующая элита // Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М. : Академический Проект ; Трикста, 2010. 564 с. (Технологии социологии).
4. История отечественной элитологической мысли : энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. М. : ИНФРА-М, 2024. 676 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
5. Хазин М. Л., Щеглов С. И. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М. : РИПОЛ классик, 2016. 622 с.
6. Мадалиев М. М. Концептуальные основы исследования категории «Политическая элита» в современной политической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16, № 6. С. 33–36. EDN: WHCGDT
7. Дука А. В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4 (81). С. 5–23. EDN: VKQMGT
8. Дмитриев М. С. Семантическое своеобразие понятия «политическая элита» // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 135–146.
9. Покатов Д. В. Политическое «аутсайдерство» как социально-политическое явление общества постмодерна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 52–55. <https://doi.org/10.23672/w5724-1468-9113-v>, EDN: PNTVDQ
10. Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. 543 с.
11. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.
12. Сорокин П. А. Система социологии / вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М. : Астрель, 2008. 1008 с. (Социальная мысль России).
13. Покатов Д. В. Интеллектуалы в отечественной политической элите: особенности современной статусы и социально-политической роли // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 6. С. 93–105. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2024-6-93-105>, EDN: PJHEJG

Поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025;
принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025;
accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 249–258

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 249–258

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

Научная статья

УДК 316.485

Социальный конфликт как предмет медиации: теоретико-методологическая концептуализация в плоскости социологического подхода

А. Н. Островский

Российский государственный университет социальных технологий, Россия, 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, стр. 2

Островский Антон Николаевич, кандидат медицинских наук, заместитель декана факультета юриспруденции, a-ostrovsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

Аннотация. В статье представлен ретроспективный метарефлексивный анализ взглядов мыслителей на социальные конфликты и подходы к их урегулированию: от классиков древности до наших дней через призму оценки социальных конфликтов как предмета медиации – подхода к профилактике и разрешению конфликтов с участием независимого нейтрального посредника (медиации). Целеполаганием исследования стал поиск теоретико-методологических первооснов медиации в плоскости социологического подхода. Воспроизводимые многими авторами суждения: о социальном конфликте как о неискоренимой норме жизни; способе трансформации личности и группы; ресурсе для достижения единства; о согласовании интересов как способе преодоления конфликта; о безусловности права; о важности перефокусировки в разрешении конфликта от частных интересов к общественному благу – фактически являются базовыми теоретическими основами медиативной практики.

Ключевые слова: социальный конфликт, профилактика и разрешение социальных конфликтов, медиация

Для цитирования: Островский А. Н. Социальный конфликт как предмет медиации: теоретико-методологическая концептуализация в плоскости социологического подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 249–258. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social conflict as a subject of mediation: Theoretical and methodological conceptualization in the plane of the sociological approach

A. N. Ostrovskii

Russian State University of Social Technologies, 49/2 Losinoostrovskaya St., Moscow 107150, Russia

Anton N. Ostrovskii, a-ostrovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5666-658X>

Abstract. The article presents a retrospective meta-reflexive analysis of the views of thinkers on social conflicts and approaches to their resolution: from the classics of antiquity to the present day through the prism of assessing social conflicts as a subject of mediation - an approach to preventing and resolving conflicts with the participation of an independent neutral mediator (mediation). The goal of the study is to search for theoretical and methodological foundations of mediation in the plane of the sociological approach. The judgments reproduced by many authors on a social conflict as an ineradicable norm of life; a way of transforming an individual and a group; a resource for achieving unity; the way of coordination of interests as a way to overcome a conflict; the non-unconditional nature of law; this importance of refocusing in resolving a conflict from private interests to the public good, in fact, is the basic theoretical foundations of mediation practice.

Keywords: social conflict, prevention and resolution of social conflicts, mediation

For citation: Ostrovskii A. N. Social conflict as a subject of mediation: Theoretical and methodological conceptualization in the plane of the sociological approach. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 249–258 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-249-258>, EDN: CPJQOY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние десятилетия в Российской Федерации особую актуальность приобрел способ разрешения социальных конфликтов с участием независимого нейтрального посредника – ме-

диация – одна из форм регламентированных законодательством примирительных процедур. Данная технология позволяет гражданам; представителям властных структур и организаций,

выступающим сторонами конфликта, самостоятельно в диалоге конфликтующих сторон найти взаимоприемлемое решение по существу спора при условии соблюдения базовых принципов добровольности участия в процедуре, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. При этом специфической особенностью разрешения споров в социальной сфере – социальной медиации – выступает фокусировка сторон на достижении социальной справедливости и общественного блага. В то же время в основе урегулирования иных частных споров лежит согласование коммерческих или иных материальных интересов участников конфликта.

Принимая во внимание указанную выше специфику рассматриваемой категории споров, мы ведем системную работу по концептуализации понятия «социальная медиация» – практики по работе с общественно значимыми конфликтами, возникающими в социальной сфере, основывающейся на организации конструктивных коммуникаций конфликтующих сторон. При этом в рамках представляемого исследования медиация рассматривается не в форме собственно технологии работы с теми или иными частными противоречиями, спорами или конфликтами, а в виде отдельного подхода к конфликторазрешению, удовлетворяющего существующему общественному запросу и имеющего свои социально-философские основы. Таким образом, целью статьи выступает поиск теоретико-методологических первооснов медиации путем метарефлексии идей о ее базовом предмете: самой дефиниции «социальный конфликт»; о причинах его возникновения, о подходах к его разрешению, в частности, консенсуальных механизмах достижения социальной справедливости при профилактике и урегулировании социальных конфликтов.

Имманентность социального конфликта всем периодам и формам общественных отношений подтолкнула нас к исторической ретроспективе эволюции суждений авторов, в той или иной степени касавшихся рассматриваемой проблематики, а также к анализу актуальных течений мировой социологической мысли минувшего столетия (и конкретно – его последних десятилетий), давших общественным наукам наиболее яркие исследования феномена социального конфликта. При этом проведенная нами в плоскости социологического подхода теоретико-методологическая концептуализация

понятия «социальный конфликт» и подходов к его разрешению не ставила своей задачей проведение всеобъемлющего обзора социально-философских воззрений на данные явления, позволяя сосредоточиться исключительно на оценке социального конфликта в качестве ресурса для его разрешения в диалоге конфликтующих сторон через поиск единого для них самих и значимого для общества блага.

Наряду с большинством общественно значимых сюжетов, социальный конфликт впервые находит место в размышлениях классиков древности, в первую очередь, в виде неизбежности, если и преодолеваемой, то исключительно посредством трансформации самих членов общества, их отношений и государственного устройства, регулирующего эти отношения. В частности, Конфуций, разрабатывая свое этическое учение, призванное гармонизировать общественные отношения, полагал причинами социального конфликта неравенство, а путями его устранения – улучшение нравов и искоренение пороков [1, с. 67].

Гераклит считал, что все в природе, включая человеческие отношения, происходит и развивается через вражду и противоречия. «Война – отец всего и царь всего. Одним она определила быть богами, а другим – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными» [2, с. 21].

Платон в своих рассуждениях также исходит из того, что конфликт присущ миру изначально: «...от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» [3, с. 626]. Рассматривая несовершенные формы государства (олигархию, тиранию и т.д.), он считает конфликт закономерным следствием их неидеальности. Государство потенциально конфликтно, ведь внутри него существуют и противостоят друг другу два враждебных государства: бедных и богатых [4, с. 422–423]. Платон, пожалуй, первым из мыслителей признает бесполезность борьбы с источником социальных конфликтов в реальном государстве, моделируя возможность бесконфликтного состояния только при идеальном надличностном общественном устройстве. Одним из залогов таких общественных отношений он видит добродетель справедливости наряду с мудростью, мужеством и благоразумием, наличие которых обеспечивает индивиду возможность преодолеть свое несовершенство через занятие оптимального положения в обществе [4, с. 433].

Таким образом, именно в работах Платона зарождается симбиоз понятия «конфликт» с термином «справедливость» как возможным способом преодоления конфликта в условиях государственного регулирования.

Аристотель, будучи учеником и последователем Платона, считал государство основополагающим элементом общественной жизни, а также механизмом обеспечения справедливости. Рассуждая о формах протекания и пресечения конфликтных ситуаций в различных видах государственного устройства, Аристотель в солидарности со своим учителем приходит к убеждению о неискоренимости социального конфликта. Социальная система может быть бесконфликтной только в условиях отсутствия различий, тотального единообразия, а это даже не идеал, а утопия. Нравственное совершенствование, предложенное Платоном в качестве социальной панацеи, по мнению Аристотеля, не годится в виде механизма конфликто разрешения: человек подвержен страстям, и природа его испорчена. Именно с Аристотеля берет начало представление о конфликте как следствии социального расслоения – неравенстве в доступе к социальным благам, а также коррумпированности правящего класса, неравномерном распределении власти, неэффективности управления наряду с личной ненавистью, этническими противоречиями и пр. По его мнению, истоки конфликтности, в первую очередь, лежат в социальных отношениях и недостатках управления, происходящих из неравенства и несхожести интересов различных слоев общества, богатых и бедных, порочных и добродетельных: «...из людей одинаковых государство образоваться не может» [5, с. 531]. Общество состоит из различных неоднородных элементов; государство, объединяя их в единое целое, становится территорией конфликтов. Разные представления о способах и механизмах достижения счастья и справедливости толкают различных представителей социума к борьбе за власть с целью установления своей формы правления. Конфликты власти являются естественными, ведь никто не может претендовать на власть, опираясь на безусловное право [5, с. 467]. Сомнение в безусловности права при регуляции общественных отношений и профилактики социальных конфликтов является еще одним концептуально близким нам мотивом, имеющим глубочайшие исторические корни.

Тема справедливости в контексте профилактики и разрешения социальных конфликтов в общественном поведении находит свое развитие в работах римского мыслителя Цицерона: во-первых, никому не наносить вреда, если только тебя на это не побудили противозаконием, и, во-вторых – пользоваться общественной собственностью как общей, а частной – как своей [6, с. 20]. Цицерон считал отправной точкой конфликта саму природу человека, принуждающую его к общественному существованию и мотивирующую стремление к общему благу и пользе: «...одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена» [6, с. 26–27]. Впервые у Цицерона мы встречаем посыл к поиску единого общего блага в виде стремления к лишению почвы для возникновения социальных конфликтов через согласование общественных интересов: «...государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию самых несходных начал...» [7, с. 69]. При этом «нравственно-прекрасными», по мнению Цицерона, в социальной жизни выступают четыре качества гражданина: знание истины, величие духа, умеренность и опять же – справедливость.

Прорыв в обществоведческой сфере, связанный, в первую очередь, с именами Э. Роттердамского, Ф. Бэкона, Д. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и других социальных философов-гуманистов, стал возможен только в связи с секуляризацией мировоззрения с наступлением Нового времени и эпохи Просвещения. Эразм Роттердамский в стремлении осудить и в попытке предотвратить бушевавшие социальные (крестьянские) и религиозные войны и смуты затронул некоторые ключевые моменты природы социального конфликта. Отправной точкой его рассуждений было исторически неоригинальное, но для своего времени ценное признание имманентности конфликтогенности окружающего природного и социального мира: «Жизнь человеческая не что иное, как непрерывная борьба» [8, с. 90]. Э. Роттердамский впервые отмечает наличие собственной объективной логики протекания конфликта, не зависящей от сторон-участников; способность конфликта к расширению и затягиванию в свой водоворот новых социальных групп и

слоев безотносительно их желаниям. Также он, в свойственной его сатире едкой манере, в одном из писем касается использования единой идеологической платформы для обоснования правоты противоборствующими участниками конфликта, доводя до абсурда аргументацию противников, привлекающих на свою сторону христианское учение, до такой степени противоречивую, что «кажется, Христос воюет сам с собой» [8, с. 72–75].

Т. Гоббс продолжает сквозную историческую тему неизбежности социального конфликта, ибо «мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих – жажду славы» [9, с. 86]. Именно у Гоббса в нашем экскурсе в эволюцию социологических взглядов в контексте первопричин социальных конфликтов мы впервые встречаем столь важный для нас термин «недоверие» в виде антонима другому значимому для нас термину «доверие» – одному из инструментов построения консенсуса конфликтующих сторон. Недоверие в формате основы конфликта в логике Гоббса иллюстрируется метафорами, актуальными времени написания его трудов: «...что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного» [9, с. 85]. Между тем нельзя не отметить справедливость авторских выводов о том, что именно эти факторы создают атмосферу взаимного страха, которая заставляет людей нападать друг на друга. Какими бы ни были их мотивы, нанесение удара первым является более безопасным вариантом, чем стояние в обороне.

Гоббс утверждает, что худшее, что может случиться с человеком, это состояние анархии, когда общество раздирается социальным конфликтом, возведенным в абсолют, – «войной всех против всех». Гоббс невольно вторит идеям Цицерона о необходимости согласования общественных интересов под эгидой государства, будучи убежденным в том, что люди, несмотря на то, что являются преимущественно рациональными существами, желающими не конфликтовать, а сотрудничать, не могут заключать и поддерживать соглашения о сотрудничестве без принуждения со стороны государства. В этой связи единственный источник предотвращения и разрешения конфликтов – это суверен, обладающий абсолютной властью. Какое бы зло

ни принесла такая неограниченная власть сама по себе, по мнению Гоббса, это необходимый риск, потому что зло, возникающее из-за отсутствия такой власти, гораздо больше.

Локк, вслед за Гоббсом продолжающий разработку концепции социального договора, также высказал несколько оригинальных мыслей относительно природы социальных конфликтов и способов их урегулирования. Пережив, как и Гоббс, английскую революцию, он анализировал ее глубинные предпосылки: «...фундаментальной причиной того, что английское общество в XVII веке разваливалось по швам, было то, что оно не могло договориться о том, какая теория должна быть основой деятельности правительства» [10, р. 17]. Это привело Локка к мысли о поиске способов предотвращения социальных конфликтов через установление морального консенсуса. «...Все, что нужно обществу, чтобы достичь морального и, следовательно, социального консенсуса, это чтобы все или большинство его членов верили в существование Бога и терпели различия в других религиозных верованиях людей...» [11]. Локк считает, что религия – это совокупность ценностей, в том числе социальных, и дело истинной религии – регулировать жизнь людей, основываясь на правилах добродетели и благочестия. Сегодня, когда секуляризация информационного пространства является практически подавляющей, идеи Локка могут показаться архаичными. Между тем наличие дискурса вокруг социально-ценностной и зачастую проистекающей из нее нормативной основы для общественной жизни, в том числе в качестве базы для профилактики и разрешения социальных конфликтов свидетельствует об актуальности ее поиска, хотя и ставит под сомнение возможность единообразного подхода в решении данной задачи.

Развитие идеи социального расслоения в формате первопричины социальных конфликтов было продолжено в работах французских просветителей Вольтера, Монтескье и Руссо. В частности, по мнению Вольтера, природа социального конфликта есть производная от всеобщего и неискоренимого социального неравенства, при котором человеческой природе свойственна неудовлетворенность своим социальным положением: «Не существует людей, чьи желания совпадали бы с насущными потребностями, а потребности с возможностями их удовлетворения» [12, с. 122].

По мнению Монтескье, механизм запуска социального конфликта работает только в сложно организованной социальной системе: «...отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества» [13, с. 166]. Способом предотвращения и регуляции социальных конфликтов он считает законы, но при этом, вслед за Аристотелем, полагает, что право не может управлять всей совокупностью социальных отношений. Так же, как и Локк, с удовлетворением для нас он предлагает основной акцент сделать на моральном аспекте регулирования: «...не следует законами достигать того, чего можно достигнуть улучшением нравов» [13, с. 415], своими идеями во многом перекликаясь с трудами древних: Конфуцием, Платоном, Аристотелем и Цицероном. Кроме того, Монтескье, пожалуй, впервые говорит о способности общественной саморегуляции в этой области, в противовес своим предшественникам-социальным мыслителям, отдававшим прерогативу в управлении разрешением конфликта государству. Монтескье видит внутренние ресурсы для установления социальных норм: люди «чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления» [14, с. 333].

Руссо, наряду с упомянутыми выше его соотечественниками, считал, что проблема социальных конфликтов есть следствие «человеческой разделенности», которая, в свою очередь, порождена самим существованием социальных отношений. При этом в качестве «лекарства», способного сохранить природную целостность общества, он видел сами социальные отношения. В основе концепции разрешения социальных противоречий и конфликтов Руссо в близкой для современной медиативной практики парадигме инициации личностно ориентированного диалога конфликтующих сторон лежит проблема правильного построения человеческих взаимоотношений – возможного способа восстановления общественной и внутренней целостности. «Мы, – объясняет Руссо, – ...лишь наполовину социальные: мы не в состоянии избавить себя от перманентного желания социальных отношений, но в равной степени не в состоянии выполнить их строгие требования. Поэтому наша жизнь определяется диспропорцией между тем, что хорошо для нас, и тем, что от нас ожидается: ...связать

все с другими и никогда ничего не связывая, кроме себя одного», «колеблясь между своими наклонностями и своими обязанностями», следуя «среднему направлению», которое только усиливает наше недовольство, мы умираем «не имея возможности привести себя в согласие с собой и не став хорошими ни для себя, ни для других» [15, с. 28–30]. Руссо связывает социальную взаимозависимость с восстановлением внутреннего единства.

Это примирение становится целью более широкой социальной повестки дня, но не личного желания. Чтобы восстановить нашу первоначальную гармонию, мы должны найти способ устранить противоречия, заложенные в основные институты общества, нейтрализовать ключевые источники межличностного разделения и социального конфликта. Руссо развивает и радикализирует эту линию аргументации, утверждая, что рациональные частные интересы не способны разрешить те социальные конфликты, которые они создают. Гражданское общество вводит «динамику с нулевой суммой», при которой выигрыш одного человека всегда идет за счет другого и, таким образом, «обязательно заставляет людей ненавидеть друг друга пропорционально конфликту их интересов» [16, с. 37]. Он утверждает, что первопричиной социального конфликта является то, что человек во все времена направляется двумя противоположными хозяевами: интересами и обязательствами, желанием и долгом, страстями и разумом, служением себе и обществу. Это заставляет его в той или иной ситуации разворачивать свои усилия одновременно в противоположных направлениях, фактически их нивелируя. Руссо пытается сбалансировать различные и, казалось бы, несовместимые силы и обязательства, составляющие социальную жизнь через концепцию «Общей воли», при которой истинное благо общества достигается тогда, когда общественные интересы превалируют над индивидуальными. «Общая воля» Руссо является не суммой индивидуальных потребностей, а продуктом их гармонизации в интересах общего блага, помогает преодолеть социальные конфликты и способствует созданию более справедливого и гармоничного общества.

В конце XVIII – начале XIX в. метафизические отвлеченно философские подходы к анализу общественных явлений уступают место детальным, конкретным, прикладным систе-

мам знаний, с подачи О. Конта получившим общее родовое имя «социологии». В течение последующих полутора столетий институализировалась самостоятельная отрасль – социология конфликта, теоретико-методологический инструментарий которой сегодня представляет особенный интерес для научной рефлексии самого явления социального конфликта и разработки механизмов его разрешения. В результате объективных социально-исторических процессов практически все существующие сегодня общепризнанные в теоретико-методологической рефлексии подходы и парадигмы социологии конфликта сложились в западноевропейской и североамериканской социологической традиции с акцентом на рассмотрение наиболее злободневной антиколониалистской или антиимпериалистической повестки и особым фокусом на этнических и расовых разногласиях.

Первой базовой проблемой современной социологии конфликта выступает его место и значимость в общественной жизни. При этом в основе дифференцированности подходов к социальному конфликту различных социологических школ лежат воззрения на само общество. Апологеты одних из них полагают, что общество является целостным образованием; подчеркивают его политическое единство, базирующееся на идее государства; культурную и историческую общности, зачастую презентующиеся через понятие «нация»; существующие социальные связи между его членами, их социализацию. В соответствии с данной точкой зрения общество также может рассматриваться в качестве образования, состоящего из стратифицированных социальных классов с возможностью вертикальной/горизонтальной социальной мобильности их представителей. Специфика этих подходов заключается в том, чтобы минимизировать или не признавать социальный конфликт в форме антагонистических отношений между двумя или несколькими социальными акторами. В наиболее выраженных и идеологически окрашенных вариантах такие подходы сводят социальную жизнь к стремлению к гармонии, например в некоторых текстах современной китайской социологии [17].

Напротив, другие подходы в центр анализа общественной жизни ставят феномен противоборства. Наиболее радикальные из них базируются на социал-дарвинистских, спенсеровских представлениях [18, р. 186–199]. Некоторые, хотя и не прямолинейно двигаясь

по этому пути, не сомневаются в обоснованности идеи конфликта между этническими группами или расами [19].

Не принимая в полной мере любой из этих двух типов видения проблемы в их самых крайних вариантах, можно выделить относительно диверсифицированную социологическую традицию, стремящуюся предоставить значительное пространство для концепции конфликта. В частности, Маркс, описывая общество состоящим из стратифицированной пирамиды социальных классов, в основном говоря о классовой борьбе и центральном социальном конфликте, характерном для капиталистических обществ, где пролетариат противостоит эксплуататорам труда [20, с. 519–548], предложил набор принципов, которые должны были стать основой «конфликтной теории стратификации» [21].

В целом идея социального расслоения определяет общество в виде противопоставления социальных слоев и ничего не говорит нам о возможности конфликтных отношений между ними. Она далека от идеи антагонизма или конфликта и гораздо ближе к идее социальной горизонтальной/вертикальной мобильности, при этом индивидуумы определяются в зависимости от их принадлежности к социальному слою и от того, остаются ли они в этом слое или покидают его для достижения более высокого или более низкого социального уровня. Тем не менее в самом явлении расслоения общества можно увидеть последствия существующего конфликта, а за социальными слоями – субъекты, вовлеченные в отношения господства. Так, марксистская социология 60–70-х гг. прошлого века иногда описывала фактическое состояние современных обществ в концепции стратификации, рассматривая различные социальные слои и анализируя положение конкретного из них, например мелкой буржуазии, в конфликтной поляризации между рабочим классом и капиталом [22].

Большинство социальных мыслителей XX в., имевших дело с конфликтом, рассматривали его, в первую очередь, через призму нормативности. В частности, Талкотт Парсонс, оставаясь невосприимчивым к эмпирической или исторической реальности, видел в нем негативный элемент. По мнению Льюиса Козера, Парсонс считал конфликт болезнью, рассматривая его в формате явления, имеющего, в первую очередь, разрушительные, диссоциирующие и дисфункциональные последствия [23, р. 21].

В то же время Георг Зиммель поставил конфликт в центр общественной жизни и увидел в нем фундаментальный источник единства общества, способствующий социализации отдельных лиц и регулированию коллективной жизни: «Если... разгорелся конфликт, это в действительности путь к тому, чтобы снять двойственность и прийти к какой-то форме единства» [24, р. 490].

Идеи Г. Зиммеля были использованы Л. Козером для обоснования функционалистической теории конфликта. Так, положительными функциями и ценностями конфликта он считал «обеспечение сохранения группы», ее «сплоченность в пределах собственных границ и ограничение выхода для членов», а также то, что конфликт «может способствовать поддержанию, корректировке или адаптации социальных отношений и социальных структур» [23, р. 51].

Вторым базовым сюжетом современной социологии конфликта является наличие его взаимосвязи с идеей власти и, в крайнем проявлении, с идеей принуждения, а также с дистанцированием от социального общения, при котором люди социально взаимодействуют, но при этом способны находиться в противостоянии и бороться друг с другом. С этой точки зрения конфликт – это то, что происходит, когда интересы отдельных лиц или групп становятся антагонистическими, что приводит к конфликтам за статус или власть. В этой ситуации участники конфликта мобилизуют имеющиеся ресурсы в попытке достижения своих целей, скорее, занимаясь рационализацией отношений, но не их разрушением или собственным выживанием. В данном случае участники конфликта, как правило, особо эмоциональны, ведь насилие, по мнению отдельных авторов, представляется одной из форм эмоционального взаимодействия [25].

Конфликт не является непримиримой конфронтацией между врагами; игрой с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны является поражением другой. Это, скорее, отношения между противниками, разделяющими общие культурные нормы, «соединение элементов в одном высшем концепте» [24, р. 491]. Конфликт также не является синонимом кризиса, который представляет собой ситуацию, когда индивиды и группы действуют в отсутствие каких-либо взаимоотношений между субъектами.

Конфликт не обязательно является насильственным, однако отношения между на-

силием и конфликтом требуют прояснения: на некоторых этапах конфликт может включать в себя насильственные аспекты. При этом если насилие продолжается и сохраняется, если оно теряет способность быть полезным, контролируемым и ограниченным – в этих случаях оно неизбежно перерождает конфликт в разрыв коммуникаций: войну и терроризм [26]. Однако насилие, присущее конфликту, даже если оно носит крайний характер, не препятствует сосуществованию молчаливых форм согласия. По мнению Томаса Шеллинга, сообщения, которые передают призыв к прекращению конфликта, могут иметь вид жестокого и крайнего насилия, в частности, атомные бомбы, сброшенные на Нагасаки и Хиросиму американскими вооруженными силами, были действиями, которые не отменяли перспективу продолжения взаимоотношений [27].

Обязательным условием возникновения конфликта, по Г. Зиммелю, является наличие ряда компонентов: сферы действия – общего пространства, обеспечивающего обсуждение вопросов, стоящих на повестке дня конфликта; противостоящих друг другу субъектов, пытающихся контролировать одни и те же ресурсы; одних и тех же ценностей или одной и той же власти, в рамках которой между ними могут складываться отношения. Второе обязательное условие для формирования конфликтного взаимодействия – автономия действующих в нем лиц [24, р. 515].

Другими обязательными условиями для конфликта, выделенными А. Туреном, являются: набор вопросов, одинаковых для всех акторов, – принципа всеобщности; принципа противодействия, согласно которому каждый определяется по отношению к оппоненту; и принципа идентичности, в котором каждая сторона определяет себя [28].

Социологическое понимание конфликта предусматривает не только возможность его эскалации, бюрократизации, но и обращение к юридическому урегулированию [29]. В частности, Юрген Хабермас, последовательно обосновывая возможность преодоления конфликтов путем переноса публичного дискурса в социокультурную сферу, попытался наметить условия этики демократических дискуссий. Основным инструментом разрешения конфликтов Хабермас предлагал считать легитимные законы, прошедшие различные типы дискурсивных тестов, обсуждений, социальных дебатов [30].

Заключение

Резюмируя итоги нашего ретроспективного исследования социологических взглядов на феномен «социального конфликта» через призму его восприятия как предмета медиации, стоит выделить наиболее яркие выявленные нами тезисы, созвучные базовым теоретическим основам медиативной практики.

Конфликт – неискоренимая норма жизни. Суждения об имманентности конфликта общественной жизни и его неискоренимости встречаются практически у всех наиболее значимых мыслителей человечества от Гераклита (VI в. до н.э.), Платона (V–IV вв. до н.э.), Аристотеля (IV в. до н.э.) до Гоббса (XVI в.), не говоря уже об авторах более поздних времен и современности, и лежат в основе идеи о конфликте как о норме человеческих отношений – основополагающем тезисе фундаментальных основ медиации.

Право не безусловно. В логике социально-философского обоснования подхода к разрешению спора без директивного участия институтов власти в диалоге конфликтующих сторон важной вехой стала констатация сомнений в безусловности права как способа регуляции общественных отношений, впервые появившаяся еще в древние времена – у Аристотеля. Значительно позже, в XX столетии, в нашем обществе уже главенствующего права Юрген Хабермас последовательно обосновывал возможность преодоления конфликтов путем переноса публичного дискурса в социокультурную сферу. Автор пытался в качестве основного инструмента разрешения конфликтов рассматривать легитимные законы при условии прохождения ими различных типов дискурсивных процедур: в современных реалиях, представленных публичными слушаниями, общественными обсуждениями, которые, по нашему мнению, также должны строиться на медиативных принципах.

Конфликт как способ трансформации личности и группы. Третьим значимым мотивом в истории социальной мысли о мирном конфликто-разрешении стала фокусировка на личностную и групповую трансформацию: во-первых – как на основу возможного конфликто-разрешения; во-вторых – как на его результат. Впервые такой подход мы встречаем в VI в. до н.э. у Конфуция в формате «улучшения нравов» в виде способа профилактики и урегулирования

общественных противоречий. Значительно позже, в XVII в., Джон Локк невольно вторил Конфуцию, предлагая делать основной упор в разрешении конфликтов именно на моральном аспекте регулирования человеческих отношений через построение «морального консенсуса». В свою очередь, Шарль Луи де Монтескье в XVIII столетии также предлагал считать именно внутренние ресурсы личности и общества источниками установления социальных норм, единообразно принимаемыми всеми членами социума и закономерно становящимися основой для профилактики и преодоления конфликтного взаимодействия. О важности правильного построения человеческих взаимоотношений как способа восстановления общественной и внутренней целостности писал в XVIII в. современник Монтескье Жан-Жак Руссо.

Стоит отметить, что трансформация и отдельной личности, и социальной группы в диалоге конфликтующих сторон о конфликте – конфуцианское «улучшение нравов»; «внутренние ресурсы личности и общества», по Монтескье, – одна из базовых основ медиации. Преодоление конфликтного взаимодействия и поиск взаимоприемлемого решения возможны только посредством индивидуальной/групповой переоценки ситуации участниками процедуры урегулирования конфликта с помощью смены фокуса с индивидуальных интересов на общие объединяющие ценности – «моральный консенсус», по Локку, и восстановление общественной и внутренней целостности, по Руссо. Именно на таких принципах в медиации строится разрешение конфликтов между двумя его сторонами, внутри группы (буллинг, моббинг и др.); групповых общественных противоречий (конфликтов в сообществах, конфликтов, вызванных необходимостью государственного вмешательства в жизнь семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации). Именно это при медиативной работе с социальной группой/группами обеспечивает поддержание, корректировку или адаптацию социальных отношений и социальных структур.

Согласование интересов как способ преодоления конфликта – фактически базовый тезис медиации, идея, формирующая одну из ее возможных технологических основ, – является фактически ключевой линией идущих через века рассуждений о социальном конфликте и идеях о возможности согласования обще-

ственных интересов в качестве механизма их преодоления. Цицерон (I в. до н.э.) предложил поиск единого общего блага через согласование общественных интересов, «самых несходных начал...». В XVI в. Томас Гоббс, невольно развивая цицероновскую логику, впервые заговорил фактически о создании прообраза современных институтов гражданского общества по разрешению конфликтов, предлагая сместить поле согласования общественных интересов под эгиду государства, в том числе посредством описанных выше предложенных Ю. Хабермасом дискурсивных процедур. Кроме того, именно с Гоббса берет свое начало понимание важности построения доверия между конфликтующими сторонами в форме инструмента для построения их консенсуса.

Конфликт как ресурс для достижения единства. Безусловно, ключевую роль в создании фундаментальных основ медиации сыграли основоположники социологии конфликта XX в., в работах которых, пожалуй, впервые прозвучал тезис «конфликт как возможность» и наметился путь к тому, чтобы снять двойственность и прийти к какой-то форме единства. Оценка конфликта, как не являющегося синонимом кризиса, а скорее ситуацией, в которой индивиды и группы действуют в отсутствие каких-либо взаимоотношений между субъектами, фактически заложила фундамент для ряда технологических решений медиации. Речь об отмеченном Г. Зиммелем обязательных условиях возникновения (а мы добавим – и разрешения) конфликта: наличии сферы действия – общего пространства, обеспечивающего обсуждение вопросов, стоящих на повестке дня конфликта; противостоящих друг другу субъектах, пытающихся контролировать одни и те же ресурсы; одних и тех же ценностей или одной и той же власти, в рамках которой между ними могут складываться отношения. Другие обязательные условия для формирования конфликтного взаимодействия: автономия действующих в нем лиц; попытка уйти от восприятия сторон конфликта в качестве априори непримиримых врагов; оценка отношений между сегодняшними противниками как разделяющих общие культурные нормы. Аллен Турен, в свою очередь, выделил обязательные условия для самого конфликта и, стало быть, для его разрешения: принципы всеобщности, противодействия и идентичности, оказавшиеся созвучными уже значимым технологическим элементам медиации – работе

независимого нейтрального посредника с нарративом сторон конфликта в совместном с ними поиске их ценностных общностей и общих интересов в той или иной конфликтной ситуации.

От рациональных частных интересов к общественному благу. В контексте представленных идей социальной медиации – приоритетности достижения целей социальной справедливости и общественного блага в ходе урегулирования частных интересов сторон – исторически ключевым социально-философским фундаментом выступают идеи Руссо о том, что рациональные частные интересы не способны разрешить те социальные конфликты, которые они создают, и сформированная им концепция «Общей воли» в виде продукта гармонизации общественных отношений.

Проведенный ретроспективный анализ наследия социальной мысли о многогранных сущностях социального конфликта и подходах к его урегулированию позволил в целом под новым ракурсом рассмотреть данные явления в тесной связи с фундаментальными основами конфликторазрешения при участии независимого нейтрального посредника. Оставленный за рамками представляемого исследования обзор работ социологов конфликта второй половины XX – первой четверти XXI в. еще подлежит научной оценке в историческом и социально-политическом контекстах, а также в плоскости возможного применения диалоговых консенсусальных процедур – социальной медиации.

Список литературы

1. Беседы и суждения Конфуция / сост., подгот. текста, примеч. и общ. ред. Р. В. Грищенко; предисл. Л. С. Переломова. 2-е изд., испр. СПб. : Кристалл, 2001. 1119 с. (Библиотека мировой литературы).
2. Гераклит Ефесский. Фрагменты / пер. В. Нилендера. М. : Мусагет, 1910. 88 с.
3. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. Т. 4. 830 с. (Философское наследие).
4. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.] ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с. (Философское наследие).
5. Аристотель. Соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. (Философское наследие).
6. Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Наука, 1993. 245 с. (Литературные памятники).
7. Цицерон Марк Туллий. Диалоги. М. : НИЦ «Ладомир» ; Наука, 1994. 222 с. (Литературные памятники).

8. Эразм Роттердамский. Философские произведения / отв. ред. В. В. Соколов. М. : Наука, 1986. 702 с.
9. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с. (Из классического наследия).
10. Forster G. John Locke's Politics of Moral Consensus. Cambridge University Press, 2005. 334 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498114>
11. Locke J. The works. Vol. 5. Four Letters concerning Toleration. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/locke-the-works-vol-5-four-letters-concerning-toleration> (дата обращения: 14.02.2024).
12. Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги : в 2 т. М. ; Л. : Academia, 1931. Т. 1. 498 с.
13. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
14. Монтескье Ш. // Энциклопедия мудрости. М. : РОССА, 2007. С. 332–333.
15. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. / под ред. Г. Н. Джибладзе. М. : Педагогика, 1981. Т. 1. 653 с.
16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М. : Юрайт, 2023. 146 с. (Антология мысли).
17. China in search of a harmonious society / ed. by Sujian Guo, Baogang Guo. Lanham, Md. : Lexington Books, 2008. 257 p.
18. Herbert Spencer: Critical Assessments / ed. by J. Offer : in 4 vols. Taylor and Francis Group, 2000. 1669 p.
19. Ethnic Conflicts and Civil Society. Proposals for a New Era in Eastern Europe / ed. by A. Klinke, O. Renn, J.-P. Lehnens. Aldershot, Hants, England ; Brookfield, Vt., USA : Ashgate, 1997. 384 p.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 22. 804 с.
21. Collins R. Conflict sociology: Toward an explanatory science. New York : Academic Press, 1975. 584 p.
22. Poulantzas N. Les classes sociales dans le capitalisme aujourd'hui. Paris : Seuil. 1974. 367 p. (Collection «Sociologie politique»).
23. Coser L. A. The functions of social conflict. Glencoe, Ill. : Free Press, 1956. 199 p.
24. Simmel G. The sociology of conflict // American Journal of Sociology. 1903. Vol. 9. P. 490–525. <https://doi.org/10.1086/211234>
25. Collins R. Violence: A micro-sociological theory. Princeton, NJ ; Oxford : Princeton University Press, 2008. 563 p. <https://doi.org/10.1515/9781400831753>
26. Wieviorka M. Evil. Cambridge : Polity Press, 2012. 180 p.
27. Schelling T. C. The strategy of conflict. London ; Oxford ; New York : Harvard University Press, 1960. 309 p.
28. Touraine A. Production de la société. Paris : Seuil, 1973. 542 p.
29. Kriesberg L., Dayton B. Constructive conflicts: From escalation to revolution. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2012. 432 p.
30. Habermas J. L'Ethique de la discussion et la question de la vérité. Paris : Grasset, 2025. 90 p.

Поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025;

принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025;

accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 259–264

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 259–264

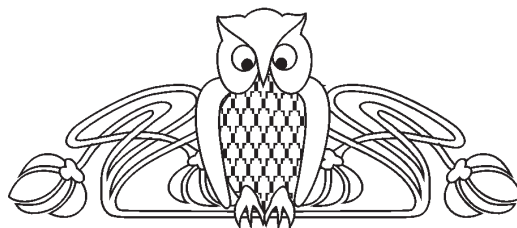
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-259-264>, EDN: GSKSKP

Научная статья

УДК 316.2+316.3+316.7+314.335.044+314.1+314.5

Представленность детности семьи в коммерческой рекламе

М. И. Ясин

Московский международный университет, Россия, 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17

Ясин Мирослав Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Аннотация. В статье представлен анализ образа семьи и детности в коммерческой рекламе. В социологии введены термины «потребность в детях» и «желание иметь детей», разделяются понятия среднего ожидаемого, среднего идеального и среднего желаемого числа детей. Коммерческая реклама, как одна из форм массмедиа, может оказывать ограниченное влияние на желание иметь детей через модерацию представлений о социальной норме. Опираясь на концепцию ограниченного воздействия массмедиа на ценности и представления о норме у аудитории, проанализирована представленность моделей семьи и детности в современной коммерческой рекламе на ведущих российских телеканалах. На основе эмпирического исследования описаны модели детности семей, представленные в коммерческой рекламе. Демонстрируемые в рекламе образцы семьи постепенно могут войти в коллективное сознание зрителей как примеры групповой нормы.

Ключевые слова: социология СМИ, социология рекламы, социология семьи, модель семьи, детность, рождаемость

Для цитирования: Ясин М. И. Представленность детности семьи в коммерческой рекламе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 259–264. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-259-264>, EDN: GSKSKP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Representation of family fertility in commercial advertising

M. I. Yasin

Moscow International University, 17 Leningradsky Ave., Moscow 125040, Russia

Miroslav I. Yasin, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Abstract. The article presents an analysis of the representation of the family images and family fertility in commercial advertising. In sociology the terms “need for children” and “desire to have children”, and the concepts of the average expected, the average ideal and the average desired number of children were introduced. Commercial advertising, as one of the forms of mass media, can provide a limited impact on the desire to have children through moderating the social norm. On the basis of the concept of the limited impact of mass media on the values and group ideas about the social norms, the representation of family models and number of children in modern commercial advertising, presented on most popular Russian TV channels were analyzed. On the basis of the empirical research, the models of family fertility in commercial advertising were presented. The family models demonstrated in advertising can be integrated into collective consciousness as the examples of group norms.

Keywords: sociology of media, sociology of advertising, sociology of family, family model, fertility, birth rate

For citation: Yasin M. I. Representation of family fertility in commercial advertising. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 259–264 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-259-264>, EDN: GSKSKP

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В России 2024 год был объявлен Годом семьи, что трактуется как акцентирование внимания на важности этого социального института и необходимости его всесторонней поддержки. Семья является универсальной структурной единицей общества, присутствующей во всех национальных культурах и исторических эпохах.

Однако модели семьи, как их состав и способ организации, могут значительно варьировать.

Изменения ролевой структуры российской семьи отмечаются в ряде исследований [1–3]. Происходит выравнивание гендерных ролей, которое проявляется в более активном участии мужчин в ведении домашнего хозяйства и уча-

стии в воспитании детей, включая уход в период младенчества и во время болезни ребенка. При этом повышаются занятость и предпринимательская активность женщин [2, 3]. Тенденция к более равномерному распределению ролей происходит параллельно с процессами снижения значения официального брака, ростом неустойчивых зарегистрированных браков, повышения процента официально незарегистрированных брачных союзов. Детность также претерпевает серьезные изменения: растет количество детей, рожденных вне брака, теряется четкость связи между браком и рождением детей как логическим продолжением развития семьи, увеличивается возраст женщин, родивших первенца. Претерпевает изменения и многолетняя российская тенденция к рождению в каждой семье одного или двух детей. В настоящее время выросло количество и бездетных, и многодетных семей. Рост многообразия стратегий построения семьи и деторождения, расширение и нормализация разных моделей семьи в плане числа детей относят к эффектам так называемого второго демографического перехода. Социально-философская концепция второго демографического перехода описывает изменения, происходящие в ряде развитых стран мира, как «плюрализацию» семейных норм [4].

Правительство Российской Федерации, обеспокоенное снижением рождаемости, приняло ряд мер по поддержке семьи, среди которых: материнский капитал, адресная помощь семьям, ряд выплат в субъектах Федерации, наращивание детской инфраструктуры городов [5]. Однако, помимо благосостояния граждан и материального стимулирования, рождаемость зависит и от ряда социокультурных составляющих, таких как национальные традиции детности и отношение к материнству и детству, социальные нормы, обозначающие определенное количество детей как социально-желательное, социально-психологическая потребность в детях, формируемая родительской семьей и социальным окружением.

Для описания сложной группы мотивов обзаведения семьей детьми введено понятие «потребность в детях» [6, с. 125]. Желание иметь детей оказывается сложным социально-психологическим феноменом, в котором могут пересекаться мотивы деторождения, воспроизводства семьи, самореализации и ряда других. Л. И. Мосиенко отмечает, что для отделения мотивов деторождения от других целесообразным

было бы использовать и более «прямолинейный» термин – «желание иметь детей» [6, с. 123].

Детализация детности оказалась актуальной и в статистике, в которой стали выделять среднее ожидаемое, среднее идеальное и среднее желаемое количество детей [5]. Среднее идеальное число детей отражает представления респондентов об идеальном их количестве в семье, безотносительно собственной семьи. Среднее желаемое – в собственной семье, если бы условия для деторождения были идеальными [5].

Таким образом, социология и демография приходят к необходимости анализировать социальные представления об идеальной семье и детности, что дает ключ к пониманию установок граждан относительно пополнения семьи и раскрывает возможный потенциал рождаемости.

Взаимодействие спектра социальных ценностей общества и коммерческой рекламы как одного из видов деятельности современных массмедиа находит отражение в ряде исследований. Взгляд на массмедиа как фактор влияния на пассивную аудиторию, способный коренным образом изменить ценностную структуру аудитории, постепенно теряет позиции. Концепции «промывания мозгов» и «подкожной иглы» являются смелыми философскими предположениями, однако на уровне эмпирических исследований не находят подтверждения [7–9]. Г. Мелтон показал, что в случаях высокорискованного поведения людей или групп, описанных как результат радикального изменения мировоззрения под действием «промывания мозгов», решающими оказывались факторы реального физического принуждения, угрозы выживанию, сильного стресса и систематического лишения сна [8]. В условиях же экспериментального психологического воздействия, такого как манипуляции с форами подачи информации, удается добиться лишь небольшого процентного сдвига мнения, и только в тех случаях, когда вопрос не затрагивает базовых ценностей [10, с. 38–42].

Воздействие массмедиа оказывается более тонким, имеющим некоторый ограниченный эффект на ценности, представления и установки аудитории. Еще более сложным является вопрос о влиянии медиа через изменения представлений аудитории на реальное поведение, так как в этом случае значительную роль играет эффект «декларируемых» и «реализуемых» ценностей,

подробно разобранный на ряде социально-психологических экспериментов и описанный Э. Аронсоном. Его суть состоит в том, что декларируемые ценности не обязательно реализуются в конкретных действиях [11].

При обсуждении социальной политики детства и рождаемости Л. И. Мосиенко пишет об «иллюзии неограниченной эффективности использования пропагандистских методов» как одной из ошибок правительственных установок относительно средств улучшения демографии [6, с. 124]. Эмпирические исследования о влиянии медиа на рождаемость остаются противоречивыми, а сам вопрос требует дальнейшего изучения, отмечает М. А. Клупт [12].

А. Льюс с соавторами по результатам метаанализа публикаций пришли к выводу о том, что относительно сферы деторождения медиа не влияют на поведение людей, но могут регулировать восприятие того или иного факта как нормального или порицаемого, т. е. придавать ему определенную окраску. При принятии собственного решения о рождении детей женщина руководствуется более значимыми и реальными факторами. Однако информация, поступающая из печатных СМИ, телевидения, сети Интернет и – дополнительно – телесериалов и других развлекательных источников, способна оказать воздействие на то, что в обществе считается поощряемым, допустимым или неприемлемым [9]. То есть медиа могут влиять на смещение границ идеалов и норм, однако эти смещения выражаются лишь в некотором процентном сдвиге.

Таким образом, массмедиа в некоторой степени способны регулировать групповую норму как совокупность представлений о желательном, возможном и недопустимом. Демонстрируемые посредством массмедиа модели семьи и детности задают определенные представления о том, какой может быть идеальная, благополучная семья, а какие семьи являются антагонистами этого образа.

В коммерческой рекламе можно выделить два уровня дискурса: первый – товарно-потребительский, а второй – социокультурный, он соотносится с определенными культурными паттернами общества [13]. Коммерческая реклама, как одна из форм массовой коммуникации, с одной стороны, ставит целью оказывать влияние на сознание аудитории, но с другой – опирается на образы, присутствующие в массовом сознании [14]. Один из способов воздействия, используемый в рекламе, – идентификация –

работает за счет того, что реципиент сообщения частично или полностью отождествляется с героем рекламного ролика и примеряет на себя не только его состояния, но намерения и способы действия [15, с. 127–128].

Демонстрация в коммерческой рекламе семьи и детности включена в оба описанных процесса. Она и оказывает влияние на формирование коллективных представлений о количестве детей и отношениях внутри семьи и опирается на них как основу для успешного отождествления.

Исследования коммерческой рекламы, использующей образы детей, не столь многочисленны. И. А. Василенко в 2007 г. подсчитала, что от числа телевизионной коммерческой рекламы в целом доля демонстрации роликов, обращенных к семейным ценностям, составила 14,5%. Наиболее часто среди общего числа таких роликов встречалась модель семейных отношений «мать и ребенок» – в 22,4%. Второй по частоте встречаемости оказалась «нуклеарная бездетная семья» (семейная пара), ее зрителям демонстрировали в 9,6% случаев. Доля роликов с семьями с двумя и более детьми составила 2,3%, а расширенная семья – 2,8%. Автор отмечает, что анализ демонстрируемых в рекламе отношений показал позитивные тенденции: акцент сделан на доверительных и доброжелательных взаимоотношениях членов семьи, включены образы заботы о старшем поколении, тесного контакта отец – ребенок [1].

Л. А. Кочемасова и Е. В. Петряева, анализируя рекламный контент десяти наиболее популярных каналов, выявили, что первым по частоте показа на телеканалах оказался образ родительской пары с одним ребенком, такие ролики составили 33% от общего числа рекламных видеоматериалов с образами семьи. На втором месте оказалась полная семья с двумя детьми – 20% роликов, «неполная семья» (мать и один ребенок) – 16%, расширенная семья – 15%, а бездетная семья – 11%. Содержательный анализ роликов показал, что реклама использует образы «среднестатистической, но сильно идеализированной семьи» [16].

Ю. С. Гиренкова отмечает преобладание нуклеарных бездетных семей, малодетных семей, отсутствие образов подростков, редкую представленность образов бабушек и дедушек. Такая представленность семейных ролей, по мнению автора, слабо отражает «традиционные ценности». Однако как позитивную

тенденцию автор отмечает достаточно частую демонстрацию образа отца как участника процесса воспитания [17].

В работе А. С. Коваленко анализ семейных образов и детности проведен по результатам мониторинга рекламной продукции на каналах «Россия 1», «СТС» и «Карусель». В исследовании доля семейной рекламы составила 21,0% от общего числа рекламных роликов, автор определила, что показ супружеских пар (нуклеарная семья без детей) занимает 28,6% от общего числа «семейной» рекламы, на втором месте семья с двумя детьми – 23,0%, образ «мать и ребенок» – 12,4% и «отец и ребенок» – 4,9%. Наиболее частым занятием семьи в рекламе является совместный досуг в гостиной или кухне, также семьи заняты времяпровождением вне дома или обустройством дома [18].

В феврале-марте 2024 г. было проведено исследование выборочно по рекламным блокам ведущих по популярности каналов («Россия 1», «НТВ», «Первый канал», «Пятый канал»). В общей сложности проанализировано 389 рекламных роликов, среди которых выделялись те, которые включали образ семьи. Каждый ролик был включен лишь один раз вне зависимости от частоты показов в течение дня.

Рассмотрим полученные результаты и проанализируем их.

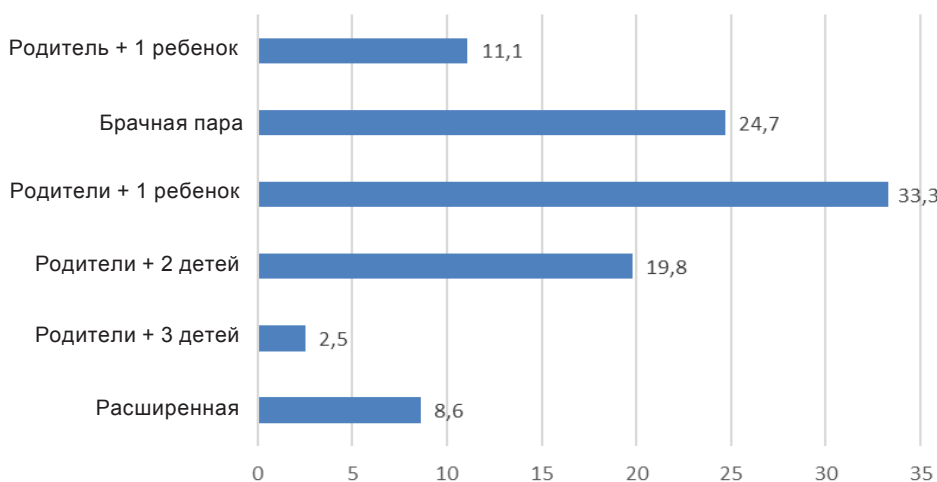
Частота встречаемости моделей детности семьи. Реклама, опирающаяся на семейные ценности, представлена в 21% случаев от общего числа демонстрируемых роликов. При этом ведущий канал «Россия 1» реже всего демонстрирует рекламу с образами семьи, а наиболее «семейным» является «Пятый канал» (таблица).

Представленность образов детности в коммерческой рекламе на телевизионных каналах

Телеканалы	Общее число роликов	Число роликов с семейной рекламой	Процент роликов с семейной рекламой
Россия 1	98	15	18,5
НТВ	97	19	23,5
1-й канал	98	17	21,0
Пятый канал	96	30	37,0
Итого	389	81	100,0

Модели семьи, представленные в рекламе, распределены следующим образом: семья (мужчина и женщина) с одним ребенком занимает первое место и представлена 33,3% случаев; брачная пара (семья без детей) – на втором месте, на долю таких роликов приходится

24,7% случаев; семья с двумя детьми – 19,8%; родитель с одним ребенком 11,1%; расширенная семья (включающая бабушек, дедушек или иных родственников) – 8,6%; семья с тремя и более детьми представлена лишь в 2,5% случаев (рисунок).

Представленность образов детности в коммерческой рекламе, по составу семьи, %

Так как статистика разных лет собиралась по разной методологии, мы можем сравнивать их лишь относительно. Сопоставление полученных данных с более ранними исследованиями позволяет отметить основные тенденции в коммерческой рекламе, использующей образы семьи. Значимые изменения, по сравнению с 2007 г. [1], – рост доли «семейной» рекламы в эфире, появление и значительный рост в рекламе образов полной семьи (мать и отец) с ребенком. По сравнению с 2014 г. [16], – относительная стабилизация в рейтинге позиций образов семей с одним и двумя детьми (1-е и 2-е места). Как новую тенденцию последних лет можно отметить появление в коммерческой рекламе образов многодетности (трое и более детей), хотя их процент и невелик (2,5%).

Образ семьи. Коммерческая реклама с образами семьи в подавляющем большинстве случаев эмоционально заряжена позитивно – члены семьи выражают положительные эмоции, настроены благодушно и дружелюбно, не испытывают проблем и сложностей. Однако «рекламная жизнь» лишена всех остальных переживаний: напряжения, преодоления, горя, сомнений и иных эмоций. Исключение составляет фармацевтическая продукция, в рекламе которой герои все же могут болеть и испытывать страдания, но все же «моментально» излечиваются.

В большей части роликов показаны сюжеты совершения покупки или использования рекламируемого товара. Ведущие образы – встреча или совместная досуговая деятельность, хобби. Из отечественной рекламы к 2024 г. практически исключены сложные эмоции, проживание проблемы и ее решения, также не демонстрируются повседневные занятия людей – в рекламе родители не ходят на работу, уже не прибирают в доме, не работают на даче, дети не делают уроки. А. С. Коваленко отмечает коммуникативный характер представленных сюжетов – герои просто встречаются, общаются [18]. Сюжетное обеднение роликов отмечается также Ю. С. Гиренковой [17] и А. С. Коваленко [18]. Ставка сделана на семейный уют и беззаботность, встречи семьи происходят в общем пространстве – гостиной, холе или кухне. Достаточно часто семья показана в торговых центрах, где происходят покупки, но также есть досуговые зоны, к примеру игровая комната или каток. Если обобщить, жизнь «рекламной семьи» – это потребление, досуг и встречи.

Однако сама целевая аудитория – телезрители – критикуют подобные упрощенные «слащавые» образы. Согласно исследованию агентства «Calltouch»¹, российская телеаудитория раздражена неестественными идеальными образами (80% ответов), их раздражает сплошной «успешный успех». Зритель не ощущает в них основы для идентификации, он хочет видеть «естественных» героев, «похожих на них», так ответили 40% аудитории. Обеднение рекламных сюжетов и упрощение эмоционального наполнения роликов оставляют все меньше возможностей для отождествления с героем, а следовательно, и возможностей примерить на себя предлагаемые образы мыслей и действий.

Подведем итоги. Массмедиа могут лишь ограниченно влиять на групповую норму, постепенно смещая ее в сторону желательной, через демонстрацию одобряемых образов. С течением времени определенные модели поведения для аудитории можно ввести в разряд возможных и желательных или, напротив, – маркировать как недопустимые. Образы моделей семьи и детности, транслируемые масс-медиа, задают представления о том, какой может быть идеальная, благополучная семья. Анализ роликов коммерческой рекламы ведущих российских телеканалов показал, что преобладающим остается образ родительской семьи с одним ребенком, на следующем месте – нуклеарной семьи (брачной пары без детей), доля роликов с семьями с двумя детьми занимают третье место.

В последние годы относительно стабилизировалась доля «семейной» рекламы в эфире, приблизительно с 2014 г. образ полной семьи с двумя родителями уверенно вошел и закрепился в рекламе. Как новую тенденцию последних лет можно отметить появление в коммерческой рекламе образов многодетности, хотя процент таких роликов невелик. Детность семей, демонстрируемых в рекламе, можно трактовать как образец групповой нормы, который постепенно может войти в коллективное сознание зрителей. Однако обеднение сюжетов и упрощение эмоционального наполнения рекламных роликов не способствуют отождествлению с героями рекламы и принятию на себя демонстрируемых моделей поведения.

¹ Россиянам надоели счастливые семьи и послушные дети в рекламе // Состав.ру. URL: www.sostav.ru/publication/stereotypy-v-reklame-57315.html (дата обращения: 10.12.2024).

Список литературы

1. Василенко И. А. Использование моделей семьи в коммерческой рекламе как способ трансляции ценности фамелизма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2008. № 2 (10). С. 11–16.
2. Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2>
3. Темнова Л. В., Костыркина О. С. Ролевая структура российской семьи как фактор социальной активности супругов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–12. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-4-12>, EDN: OJSFNY
4. Кантемирова Г. А. Особенности социальной динамики типов структуры семьи в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 162–166. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-162-166>
5. Попова Л. А. Рождаемость населения и установки детности в контексте новых мер просемейной демографической политики // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2022 : сб. ст. Восьмой Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) : в 2 ч. (Сыктывкар, 21–23 сентября 2022 г.). Иркутск : ООО «Максима», 2022. Ч. 1. С. 108–118. EDN: BRIGFI
6. Мосиенко Л. И. Родительство в эпоху «дисквалифицированной» смерти: социокультурные основания малодетности. Омск : Омский гос. техн. ун-т, 2018. 248 с. EDN: YUGDNJ
7. Introvigne M. Brainwashing: Reality or Myth. Cambridge University Press, 2022. 75 с. (Elements in New Religious Movements). <https://doi.org/10.1017/9781009029568>
8. Melton G. J. Brainwashing and the cults: The rise and fall of a theory // The Brainwashing Controversy: An Anthology of Essential Documents / ed. by J. G. Melton, M. Introvigne. 1999. URL: <https://www.cesnur.org/testi/melton.htm> (дата обращения: 05.02.2025).
9. Luce A., Cash M., Hundley V., Cheyne H., Van Teijlingen E., Angell C. “Is it realistic?” the portrayal of pregnancy and childbirth in the media // BMC Pregnancy and Childbirth. 2016. Vol. 16. Art. 40. <https://doi.org/10.1186/s12884-016-0827-x>
10. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
11. Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. 9-е междунар. изд. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 416 с.
12. Клунт М. А. Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 25–35.
13. Савельева О. О., Капустина А. С. Социальное конструирование эмоции «счастье» в рекламе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 53–68
14. Коноваленко М. Ю., Ясин М. И. Психология рекламы и PR : учебник / 2-е изд. М. : Юрайт, 2024. 453 с. (Сер. 76. Высшее образование).
15. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. М. [и др.] : Питер, 2002. 368 с. (Мастера психологии).
16. Кочемасова Л. А., Петряева Е. В. Социологическое исследование образа семьи в современной телевизионной рекламе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 43. С. 14–21. EDN: SZGWHL
17. Гиренкова Ю. С. Образ семьи в российской телевизионной рекламе: социологический аспект // Первая Всероссийская конференция «Демографическая политика современной России: как добиться роста вопреки прогнозам» : сб. материалов / под общ. ред. В. Л. Иваницкого. М. : Ин-т демографической политики им. Д. И. Менделеева, 2023. С. 246–248.
18. Коваленко А. С. Образ современной семьи в телевизионной рекламе // Студенческие исследования, идеи и инновации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 28 февраля 2024 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. С. 171–173. EDN: ONTKBL

Поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 265–275

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 265–275

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-265-275>, EDN: IYIRYK

Научная статья

УДК 316.752

Роль социальных проектов в развитии семейных ценностей на российских малых территориях (по результатам социологического исследования в Пермском крае)

К. А. Воронова ✉, А. С. Шляпина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Воронова Ксения Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, voron55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5003-794X>

Шляпина Анастасия Сергеевна, ассистент кафедры социологии, shlyapina.psu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5398-2891>

Аннотация. Статья посвящена изучению социальных проектов, направленных на развитие семейных ценностей в современной России, на примере социологического исследования малых территорий Пермского края, реализованного в стратегии кейс-стади. Проанализированы изменения в семейной политике и «разворот» в сторону укрепления традиционных семейных ценностей в последние несколько лет. Подчеркнута значимая роль федерального и регионального уровней, в том числе национальных проектов, Росмолодежи, Фондов президентских и губернаторских грантов, Фонда Елены и Геннадия Тимченко. Отмечены особенности и значимость малых территорий. Проведен анализ понятий «семья», «ценности» и «семейные ценности», рассмотрены различные классификации и подходы к выделению семейных ценностей. Представлены результаты анализа 32 неформализованных полуструктурированных интервью с представителями органов власти, различных общественных и волонтерских организаций в шести муниципальных округах Пермского края с разным уровнем социально-экономического развития, а также с городским и сельским населением. Описаны основные особенности и некоторые наиболее интересные практики, связанные с социальными проектами, направленными на семейные ценности на этих малых территориях. Сделан основной вывод, что чем выше социально-экономическое развитие малых территорий, тем больше внимания в них уделяется сфере семьи и семейным ценностям, а проводимые социальные проекты носят более комплексный характер.

Ключевые слова: социальные проекты, семейные ценности, малые территории

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-10117, <https://rscf.ru/project/24-78-10117/>).

Для цитирования: Воронова К. А., Шляпина А. С. Роль социальных проектов в развитии семейных ценностей на российских малых территориях (по результатам социологического исследования в Пермском крае) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 265–275. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-265-275>, EDN: IYIRYK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of social projects in the development of family values in Russian small territories (based on the results of a sociological study in the Perm region)

К. А. Voronova ✉, A. S. Shlyapina

Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614068, Russia

Kseniya A. Voronova, voron55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5003-794X>

Anastasia S. Shlyapina, shlyapina.psu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5398-2891>

Abstract. The article is devoted to the study of social projects aimed at developing family values in modern Russia, using the example of the sociological study of small territories of Perm region. The changes in family policy and the «turn» towards strengthening traditional family values in the past few years are analyzed. The significant role of the federal and regional levels, including the national projects, Rosmolodezh, the Presidential and Governor's Grants Funds, Elena and Gennady Timchenko Foundation are emphasized. The features and significance of small territories are noted. The analysis of the concepts of "family", "values" and "family values" is carried out, various approaches and classifications to the allocation of family values are considered. The results of the analysis of 32 informal semi-structured interviews with the representatives of government bodies, various public and volunteer organizations in six municipal districts of Perm region with different levels of socio-economic development,

as well as with the urban and rural population are presented. The main features and some of the most interesting practices associated with social projects aimed at family values in these small territories are described. The main conclusion is that the more socio-economically developed small territories are, the more attention they pay to the family sphere and family values, and the social projects they carry out are more comprehensive.

Keywords: social projects, family values, small territories

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-78-10117, <https://rscf.ru/project/24-78-10117/>).

For citation: Voronova K. A., Shlyapina A. S. The role of social projects in the development of family values in Russian small territories (based on the results of a sociological study in the Perm region). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 265–275 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-265-275>, EDN: IYIRYK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной России в последние два десятилетия многие сложные социальные проблемы и задачи решаются посредством реализации социальных проектов разного уровня и масштаба. Так, с 2005 г. в стране важнейшими инструментами реформирования являются приоритетные национальные проекты, вокруг которых аккумулируется экспертная, исследовательская, законотворческая деятельность, комплексно решаются стратегические вопросы, от которых зависит развитие условий, качества жизни, потенциала населения [1, с. 122]. Они определяют главные направления работы федеральных, региональных и муниципальных органов власти. Исследователи отмечают, что национальные проекты «являются новой формой “договора” между государством и обществом», «представляют собой форму и содержание проектного управления в масштабах страны» [2, с. 700]. При этом экспертная оценка реализации национальных проектов и их программных мероприятий в различных регионах выявляет, с одной стороны, заинтересованность в них органов власти и населения, с другой стороны, большую выгоду для органов власти и крупного бизнеса, нежели для населения регионов, по мнению опрошенных информантов [2, с. 707]. Также отмечаются нехватка финансовых средств и квалифицированных кадров [2, с. 708], необходимость более активного информирования о ходе нацпроектов по различным каналам [2, с. 709]. Особое значение нацпроектов состоит в том, что они выступают главным вектором социальных изменений, к которым соотносятся региональные стратегические установки и инициативы в различных территориальных сообществах, т.е. прослеживается связь между социальными проектами малых территорий и стратегической общегосударственной линией.

Актуальность темы семейных ценностей обусловлена не только продолжающимся кризисом института семьи и брака в условиях демографического перехода и нормативно-ценностной трансформации общества, но также начавшимся процессом формирования новой государственной политики в этой сфере. Так, к концу 2024 г., объявленным Президентом РФ В. В. Путиным в России Годом семьи¹, был разработан проект «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года» и подготовлен ключевой инструмент ее функционирования – новый национальный проект «Семья»², приходящий на смену нацпроекту «Демография». Среди инициатив нового национального проекта отдельным направлением выделены «семейные ценности», акцентировано внимание, что они являются главным для россиян³. В ключевых целях обозначенной выше стратегии подчеркивается важность сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей. Для достижения этой цели планируются: образовательные и информационно-просветительские программы; поддержка положительного образа многодетной семьи; психологическое сопровождение семей; популяризация медиации; подготовка молодежи к семейным отношениям; развитие навыков взаимодействия поколений; поддержка социальных проектов НКО и волонтерских организаций, специализированных семейных общественных организаций и сетей семейных сообществ; развитие позитивного контента для семей с детьми; вовлечение семей

¹ О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72792> (дата обращения: 24.02.2025).

² Национальный проект «Семья». URL: <https://xn--80aараремсчфмо7а3с9еhj.xn--p1ai/new-projects/semya/> (дата обращения: 24.02.2025).

³ Семейные ценности: инициативы национального проекта «Семья». URL: <https://xn--80aараремсчфмо7а3с9еhj.xn--p1ai/new-projects/semya/semynye-tsennosti/> (дата обращения: 24.02.2025).

с детьми во внутренний туризм; вовлечение в здоровый образ жизни и активное долголетие всех поколений семьи⁴.

Фокус государства на семейных ценностях в новых национальных проектах и стратегии семейной политики является продолжением курса, связанного с нравственными основами общества, закреплённого изменениями в Конституцию РФ в 2020 г. и Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵. Научное сообщество солидарно с большим значением именно семейных ценностей в решении демографических проблем страны, отмечая сложность только материального стимулирования рождаемости в условиях потребительских ценностей [3]. Также учеными подчеркивается важность создания благоприятных условий для создания семьи и брака, а также опасность «формального подхода» к поддержке семей с детьми в регионах в связи со стремлением к количественным оценкам проводимых мероприятий; простому клишированию федеральных инициатив; вниманием к охвату участвующего населения при отсутствии оценки эффективности мер; не очень высокому размеру денежных выплат, ограничению круга получателей и дроблению материального стимулирования [4]. Запрос на новые программы, связанные с семьей, есть и среди населения. Так, социологическое исследование молодых семей выявляет, наряду с жилищными проблемами и занятостью, необходимость в социально-психологическом просвещении и новых формах работы с семьями: участие в клубах и общественных организациях [5].

Наш исследовательский интерес к малым территориям связан с остротой вопроса развития их демографического потенциала и социокультурной среды, необходимостью предупреждения оттока населения в них, а также важностью в решении этих проблем консолидации усилий разных сторон: местных

органов власти, населения, некоммерческих и волонтерских организаций, предпринимателей и др. Анализируя особенности малых территорий и городов, ученые приходят к выводу об особом образе жизни и ментальности, тесном непосредственном общении горожан, близости к природе, но при этом ограниченных возможностях реализации потребностей и интересов, формировании солидарных групп с лидерами, поддерживающими формальные и неформальные связи с представителями власти [6].

Одним из драйверов социальных инноваций на малых территориях (с населением до 100 тыс. чел.) выступают социальные проекты [7], которые поддерживаются различными структурами на местном, региональном и федеральном уровнях. Так, большую поддержку оказывают Фонд Президентских грантов и региональные фонды губернаторов, одним из направлений деятельности которых является «поддержка семьи, материнства отцовства и детства»⁶ [8]. На федеральном уровне заметную поддержку оказывает Росмолодежь, среди грантовых направлений которой есть проекты⁷, направленные на развитие малых территорий («развивай_среду») и на сохранение семейных ценностей («родные_любимые»). Также важно отметить общероссийское движение детей и молодежи «Движение первых», которое активно развивает семейный форум и семейное сообщество «Родные-Любимые», где родители и дети участвуют в совместных проектах⁸.

Особый вклад в развитие семейных ценностей в малых территориях через социальные проекты вносит Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, среди архивных проектов которого были, например, «Семья и дети», «Старшее поколение» и пилотный проект «Солидарные сообщества». С 2023 г. фонд принял новую десятилетнюю стратегию, направленную принципиально на малые территории, целью которой является развитие среды местных сообществ, повышение активности, солидарности и самоорганизации жителей. При этом среди основных действующих проектов есть такие,

⁴ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : проект распоряжения Правительства РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/11> (дата обращения: 24.02.2025).

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/11> (дата обращения: 25.02.2025).

⁶ Фонд президентских грантов : [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁷ Фонд губернаторских грантов : [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁸ Росмолодежь. Гранты. 1 сезон // Молодежь России : [сайт]. URL: <https://myrosmol.ru/events/3746e0b6-6d27-44d0-b079-130f82cdab46> (дата обращения: 25.02.2025).

как «Туда, где семья» и «Сила внимания», нацеленные на решение разнообразных социальных проблем и поддержку семей с детьми⁹. Фонд аккумулировал усилия российских ученых вокруг разработки и регулярного мониторинга системы показателей, названных «индексом благополучия детей»¹⁰ [9], а также поддержал в 2017 г. создание «Экспертного совета по малым территориям».

Таким образом, в условиях необходимости сохранения института семьи, поддержки рождаемости, профилактики разводов, а также процесса поиска и разработки государством мер укрепления семейных ценностей представляется актуальным и важным обратиться к определению категории «семейные ценности» и ее структуре; проанализировать уже имеющийся на малых территориях опыт реализации социальных проектов, развивающих семейные ценности, выявить их связь с национальными и региональными программами.

Понятие и структура семейных ценностей

Как мы уже отмечали выше, семья становится особым объектом внимания для политики в современной России, в стратегических документах по семейной политике акцент сделан на сохранение традиционных ценностей, взаимосвязи поколений, формировании социальной ответственности и идентичности через семью¹¹. Понятие «семья» можно трактовать как малую группу, так и как социальный институт. А. И. Антонов и В. М. Медков определяют семью как малую социальную группу или общность людей, основанную на супружеском союзе и родственных связях, объединенную общей деятельностью и осуществляющую

воспроизводство населения, преемственность семейных поколений, социализацию детей и поддержание существования ее членов [10, с. 16]. Дж. Масионис трактует семью как «социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей. Синонимом к семейным узам выступает родственно-социальная связь, основанная на кровных, брачных узах или установленная в результате усыновления или удочерения» [4, с. 133]. Таким образом, в понятии семьи учитываются не только родственно-социальные связи, но и стремления, на основе которых люди объединяются. В правовых документах семья трактуется не в качестве нуклеарной, а в качестве расширенной, т.е. не только многодетной, но и включающей в себя несколько поколений. Подобный взгляд обоснован продолжающимся кризисом семьи, утратой традиций и обычаев при воспитании новых поколений, укреплением индивидуалистических ценностей, происходящим за последние тридцать лет [11, с. 7–8]. Это понимание семьи необходимо учитывать и при рассмотрении социальных проектов, апеллируя к нему как к особому теоретическому идеалу, который необходимо сформировать в качестве социальной нормы, передающей особые взгляды на семейные ценности.

Прежде чем переходить к интерпретации категории «семейные ценности», стоит рассмотреть подходы к определению категории «ценности». Ценностные ориентации стали объектом социологических взглядов еще в работах классиков социологии, таких как Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Среди современных российских исследователей – В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин, Ж. Т. Тощенко и др. Существующие наработки предполагают разделение понятий «ценности» и «ценностные ориентации». В работах Т. Парсонса ценности представляют собой социально одобряемую установку, касающуюся какого-либо объекта или действия, взгляд на которую характерен для большинства. Ценности становятся основой для формирования ценностных ориентаций, которые отличаются большей осознанностью со стороны личности и отражают участие ценностей в ситуациях выбора того или иного поведения индивида. Для М. Вебера понятия «ценности» и «ценностные ориентации» тождественны, ценности выступают мотивом для совершения действия, однако, по мнению социолога, это

⁹ Семейные форумы «Родные-Любимые»: информация о мероприятиях «Движения первых». URL: <https://xn--90acagbhgpca7c8c7f.xn--p1ai/projects/1767> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰ Фонд Тимченко: информация о конкурсах. URL: <https://fondtimchenko.ru/contests/programs/> (дата обращения: 25.02.2025).

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344?ysclid=mbkem7nktl840205847> (дата обращения: 25.02.2025).

происходит безотносительно к последствиям своего выбора, что отличает взгляды М. Вебера от Т. Парсонса. Э. Дюркгейм трактует ценности близко к определению их у Т. Парсонса, наделяя их значением идеалов общественного поведения. Современные российские социологи трактуют ценности в качестве общепринятых идеалов и ориентиров, однако их значимость на уровне личности может варьироваться в зависимости от социального опыта индивида, усиливая влияние одних ценностей и вызывая пренебрежение другими. В такой трактовке важным представляется не сама ценность, а ее воплощение в реальной жизни индивида, что позволяет ей становиться ценностной ориентацией [12, с. 67–69]. В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов вводят категорию «установки личности», которые связывают с объектами материальной и духовной культуры, позволяющих измерять их ценность для индивида [13].

Таким образом, недостаточно говорить о декларировании ценностей на уровне социальной желательности для формирования их в качестве ценностных ориентаций, важен уникальный социальный опыт, подкрепляющий ценность в качестве необходимой и полезной практики для индивида, т.е. ее переход в ценностную ориентацию. При этом ценности могут касаться объектов не только материального мира, но и духовного.

В современной социологии не сложилось однозначного понимания категории «семейные ценности». Если говорить о семантике, то «семейный» означает относящийся к семье или жизни в семье, т.е. некоторый ее атрибут.

Среди многих работ о семье особо можно выделить исследование Н. И. Лапина, где семейные ценности определяются как «положительные или отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности людей, связанных узами супружества-родительства-родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями» [14, с. 21]. С. П. Акутина трактует семейные ценности как «духовно-нравственные ориентиры, социально одобряемые и разделяемые большинством людей, служащие эталоном, идеалом для всех людей и определяющие целенаправленный процесс создания идеальной семьи» [15, с. 52]. Таким образом, семейные ценности – это идеалы и «антиидеалы» семьи

и семейной жизни в отношении супружества-родительства-родства и касающихся объектов материальной и духовной культуры семьи, декларируемые и поддерживаемые обществом.

Однако в рамках социальных проектов важно сформировать на основе этих ценностей ценностные ориентации, что невозможно без понимания сущности и структуры семейных ценностей. О. Л. Поминова выделяет несколько базовых принципов, лежащих в основе идеальной семьи. К универсальным семейным ценностям исследователь относит: общение, уважение, чувство значимости и принадлежности, способность прощать, традиции, ответственность, щедрость, наличие личного пространства, сохранение свободы, доверие, честность, выполнение договоренностей и гибкость [16, с. 34].

Однако не стоит фокусироваться на семье как статичном объекте исследования. Семья в своем развитии проходит ряд этапов от зарождения до увядания. Для формирования целостной семейной политики важно рассматривать семью системно: на каждом этапе ее развития, включая разного уровня акторов и их особые семейные функции.

На основе элементов связи внутри семьи О. А. Шаваева выделяется три группы семейных ценностей: связанные с супружеством; связанные с родительством; связанные с родством [17, с. 303]. М. С. Мацковский классифицирует семейные ценности на основе жизненного цикла семьи [18, с. 23]. Выделяются различные фазы жизненного цикла семьи или стадии ее развития [19]:

- «добрачный период», в рамках которого семья сталкивается с проблемами формирования личностной идентичности, достижением эмоциональной и финансовой независимости от родителей, развивает навыки ухода за партнером;

- «период заключения брака», где основной задачей является выработка совместных правил жизни, разрешение проблем власти и границ с родительскими семьями, приобретаются навыки распределения семейного бюджета и подготовки к роли родителей;

- «рождение детей» и освоение родительских ролей;

- «возникновение детской подсистемы» подразумевает рождение второго и последующих детей, переосмысление семейной системы для установления баланса между каждым ребенком и родителем;

– «введение детей во внесемейные институты» (детский сад, школу). Стадия связана с социализацией детей, восприятием социальных норм и статусов;

– «стадия зрелой семьи» связана с необходимостью выстраивать отношения с ребенком-подростком, уважая его право на самоопределение, но в то же время сохранять статус-кво, сопротивляясь новым изменениям;

– «фаза, в которой дети покидают дом», сопряжена с освоением, принятием самостоятельности детей и построением более гибких отношений с ними;

– стадия «опустевшего гнезда», при которой дети строят свои семьи и возникает необходимость в освоении новых ролей бабушки и бабушки;

– «уход из жизни одного из супругов» сфокусирован на преодолении утраты партнера.

Проследим отражение различных типов семейных ценностей в реализации социальных проектов на малых территориях на примере нашего социологического исследования в Пермском крае.

Методология исследования

Эмпирическое социологическое исследование было проведено в ноябре–декабре 2024 г. в стратегии кейс-стади. В качестве метода сбора информации использовалось неформализованное полуструктурированное интервью с представителями властных структур и общественных организаций (молодежных, ветеранских, волонтерских и др.), реализующих социальные проекты по развитию малых территорий. На основе целенаправленной выборки по двум критериям были отобраны шесть муниципальных округов Пермского края. Во-первых, с учетом уровня развития территории: *высокоразвитые территории* (МО № 4, 6) с населением более 100 тыс. чел., характеризующиеся наличием крупных промышленных предприятий и развитой инфраструктурой; *среднеразвитые* (МО № 2, 5) – с населением от 50 тыс. чел., с развитой сельскохозяйственной инфраструктурой и добывающими предприятиями; *низкоразвитые* (МО № 1, 3) – дотационные, депрессивные территории, имеющие большую удаленность от регионального центра, с населением менее 20 тыс. чел., с сельскохозяйственными и промысловыми производствами. Вторым критерием стал тип поселения: с преобладающим

городским (МО № 2, 3, 4, 5) и сельским населением (МО № 1, 6). На каждой территории было опрошено пять–шесть информантов, всего было взято 32 интервью. Проблемой нашего исследования является противоречие между активной реализацией различных социальных проектов на малых территориях и недостаточностью внимания к семейным ценностям на них. В качестве гипотезы мы предположили, что чем менее развита малая территория, тем меньше внимания уделяется семейным ценностям и тем более фрагментарный характер носят проводимые социальные проекты.

Результаты исследования

Анализ интервью показал, что на всех исследуемых малых территориях Пермского края есть социальные проекты, затрагивающие сферу семьи, однако их гораздо меньше, чем проектов, посвященных молодежи, военно-патриотическому воспитанию, благоустройству территории, культуре и спорту. Так, информанты в интервью отмечали по поводу количества заявок от территории по грантам в Фонде губернаторских грантов Пермского края: *Мало было в [направлении] “поддержка семьи, материнства, отцовства и детства”... Кстати был ведь Год семьи, не знаю даже... почему* (МО № 6, инф. № 4, стр. 512–519). Чаще всего семейная тематика идет наряду с какой-то еще, например, с художественной, здорового образа жизни, образовательной, помощи гражданам в трудной жизненной ситуации или социально-опасном положении: *Семейная тема хорошо заходит в последнее время, когда создаются кризисные центры, не знаю, телефоны доверия и так далее* (МО № 4, инф. № 3, стр. 360–361).

Обращает на себя внимание акцент на материальных объектах, инфраструктуре и более локальный масштаб в таких проектах, например, создание детских площадок, ремонт библиотек и школ искусства, строительство или ремонт детских садов и школ, установка арт-объектов: *...проект, вот, «Ладони семьи» ... символика папа, мама и двое деток... лавочки, урна установлены, освещение... это зона отдыха, где детишки могут побегать, пофотографироваться около вот этих вот арт-объектов* (МО № 3, инф. № 2, стр. 1210–1216). То есть большее внимание уделяется материальным ценностям семьи, обеспечению ее необходимой социальной инфраструктурой. В некоторых

случаях создание подобной инфраструктуры универсального характера подменяется и трактуется как инфраструктура для семейного отдыха: *...мы создали какую-то зону отдыха, людям понравилось. ... Там поставили мангал серьезно, мангал с печкой, где можно там детишкам шашлыки пожарить, семьи стали ходить туда с детьми, отдыхать* (МО № 5, инф. № 2, стр. 315–320); *Еще был интересный проект поляна сказок в городском парке. Это, получается, третий уже проект по парку. Это установка фигур сказочных персонажей... Вот этот проект как раз таки привлекает больше детей и родителей, семей* (МО № 5, инф. № 2, стр. 315–320).

Воздействие на семью как объект социальной политики идет очень опосредованно и чаще через смежные области, зачастую благодаря участию в федеральных программах и конкурсах проектов, например, от Росмолодежи, национальных проектов «Культура», «Демография» (с 2025 г. «Семья») и «Образование». При поддержке общероссийских нацпроектов реализуются региональные программы и конкурсы Пермского края, например, «Комфортный край», направленный на благоустройство территорий; молодежный конкурс «Перспективы», одно из направлений которого – укрепление семейных ценностей; программа «Активное долголетие», поддерживающая деятельность Советов ветеранов и спортивный, творческий досуг людей серебряного возраста, связь поколений в семьях: *Ну, преемственность поколений... проводили вообще на улице шахматно-шашечный турнир. Бабушка и внук, дедушка и внучка...* (МО № 2, инф. № 4, стр. 603–604).

Стоит отметить, что с точки зрения жизненного цикла семьи социальные проекты наиболее часто направлены на четыре его стадии. Две из них связаны с подрастающими детьми и их включенностью в социум: «введение детей во внесемейные институты» и «стадия зрелой семьи» (отношения с подростками), здесь социальные проекты проводятся молодежными центрами и другими молодежными структурами, часто под патронатом Росмолодежи. Еще две стадии («опустевшее гнездо» и «уход из жизни одного из супругов») связаны с приходом серебряного возраста, проблемами одиночества, вдовства, здесь социальные проекты активно осуществляются Советами ветеранов. А вот более ранние стадии: «добрачного периода»,

«периода заключения брака», «рождения детей и освоения родительских ролей» охвачены социальными проектами в меньшей степени, а ведь именно от этих стадий зависит сам процесс создания семей и появления детей, что стратегически важно с точки зрения демографического потенциала страны.

Кроме того, на малых территориях (кроме расположенной рядом с краевым центром) одной из самых серьезных проблем является отток молодого трудоспособного населения: *...сейчас же очень много уезжает из малых городов* (МО № 2, инф. № 1, стр. 185); *все города с небольшим количеством проживающих, они сталкиваются с этой проблемой, потому что люди выучились и им интереснее остаться в большом городе* (МО № 4, инф. № 3, стр. 227–228). При этом целый ряд информантов, представителей органов власти, общественных организаций сообщали о сложном поиске способов охвата и влияния на молодых работников и потенциальных родителей через социальные проекты: *...пытаемся ... на местном уровне... показать, что маленький город, он по-своему хороший, здесь ...можно и семью создать замечательно, и деточек классно развить и вырастить...* (МО № 2, инф. № 1, стр. 197–199); *...прошел форум работающей молодежи* (МО № 4, инф. № 5, стр. 147); *...школьники задействованы, серебро задействовано, у нас остается большой пласт людей...* (МО № 3, инф. № 5, стр. 660–662).

Ведущую роль в реализации социальных проектов играют местные органы власти (администрации), которые поддерживаются региональными ведомственными структурами, т.е. очень значима «политическая вертикаль», то, что задается на федеральном и региональном уровнях, напрямую отражается на местном. Также значима конфигурация структуры органов власти, например, наличие или отсутствие специализированных отделов в местных администрациях территорий. Когда есть специальные, отдельно выделенные структуры, это позволяет более эффективно решать вопросы и реализовывать социальные проекты, вовлекая население: *...все-таки отдел по молодежной политике, пусть он даже два человека, он должен быть на уровне администрации...* (МО № 4, инф. № 5, стр. 632–633). В этой связи важно отметить, что сфера семьи на региональном уровне Пермского края закреплена за Министерством труда и социального развития (по

аналогии с Министерством труда и социальной защиты РФ), отвечает за очень широкий спектр вопросов труда, социальной защиты и поддержки самых разных групп населения.

Ряд информантов отмечают фрагментарность в организации социальных проектов. Это отражается в том, что успешность получения денег на социальный проект зависит от «повестки», декларируемой федеральными или региональными властями. В этом смысле организация социальных проектов становится «гонкой» за денежным обеспечением, при которой отсутствие финансирования проекта в следующем году может означать закрытие этого проекта на территории: *Например, какой у нас сейчас был Год семьи. Вот семейный фестиваль мы сделали как одной из части. Потом следующий год, год Великой Отечественной войны, юбилей следующий год будет направлен только на это...* (МО № 5, инф. № 4, стр. 81–92). Подобную проблему осознают на некоторых территориях и стараются искать иные пути для финансирования проектов, выстраивая работу по каждому направлению, в том числе по семье, системно и в качестве долгосрочной практики: *То есть если мы один раз в пятилетку вспомнили про семейное воспитание и провели там какую-то одну встречу, то, возможно, она не будет носить никакой пользы, никакого, в общем, результата в принципе, поэтому я здесь все-таки в любых проектах за системный подход, за какую-то структуру* (МО № 4, инф. № 5, стр. 45–49).

Интервью показали существование очень благоприятной среды для развития гражданского общества и проявления инициативы со стороны местных жителей на малых территориях. Особенно успешно реализуется проект «Инициативное бюджетирование», в рамках которого жители выступают с предложениями о проведении проектов преимущественно по благоустройству территорий, участвуя в них финансово и волонтерской помощью: *...у нас нынче был второй всероссийский форум по развитию инициативного бюджетирования на территориях, и Пермский край занимает одно из лидирующих мест вообще в России по реализации проектов* (МО № 3, инф. № 2, стр. 1183–1185). Среди инициатив часто встречаются проекты по благоустройству общественных пространств: парков, скверов, мостов, зон для прогулок семей с детьми, мам с колясками, детских и спортивных площадок.

Остановимся более подробно на примерах некоторых социальных проектов на исследуемых территориях, связанных с семейными ценностями. Стоит отметить, что **социально-экономически развитые малые территории с сельским и городским населением** наиболее активно реализуют подобные инициативы. Так, они успешно реализовывали социальные проекты, победившие в конкурсах Фонда президентских грантов и Фонда губернаторских грантов края по направлению «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства», направленные на создание спортивной площадки для многодетных семей, организацию нравственного семейного досуга (для семей участников СВО; для семей с детьми с инвалидностью; семейных ремесленных школ и мастер-классов; музыкальных программ; вечеров с обсуждением реальных историй супружеских и детско-родительских взаимоотношений среди известных местных исторических личностей)¹².

Одна из экономически развитых малых территорий (с сельским населением, близко расположенная к столице региона) очень успешно участвовала в проекте Фонда Тимченко «Культурная мозаика»: *Участие от фонда Тимченко, крупный фонд. Культурная мозаика... конкурс, он завершился уже, и мы прямо только сейчас завершаем его... развитие общества через социальное развитие... Это гениально, что сделано* (МО № 6, инф. № 1, стр. 116–119). Важно отметить, что этот опыт изменил представление организаторов, участвовавших в нем, о социальном проекте и его роли для местных сообществ, развил новое понимание необходимости комплексного подхода, объединения усилий разных сторон в одном направлении сразу (родителей, детей, учителей, молодежи, пенсионеров), привлечения активного участия населения в преобразовании территорий, развития семейных ценностей и мировоззрения: *«...культурная мозаика, это же не про инфраструктуру, это про ...социальное развитие общества* (МО № 6, инф. № 1, стр. 311–312); *привить в муниципалитеты ...другое видение культуры, другое видение развития территории* (МО № 6, инф. № 1, стр. 635–637); *А сейчас новый коллектив за счет проекта культурной мозаики. Они начали работать с общественностью, начинали с Со-*

12 Фонд президентских грантов : [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.02.2025) ; Фонд губернаторских грантов : [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.02.2025).

вета ветеранов с пенсионерами, с молодежью. Они музеи начали собирать... проект семейные ценности (МО № 6, инф. № 1, стр. 575–578). На этой же территории можно отметить другие проекты. Так, на основе хоккейной команды из 90 человек было создано отцовское движение, а также образован клуб мам, благодаря которому в рамках минигранта была приобретена миниплита для преподавания кулинарии в местном доме культуры. Был организован семейный театр с детьми, где в течение полугода шли репетиции спектакля при сопровождении психологов, в котором играли роли разные поколения семей: ...родители всей семьей приходили на репетиции, занимались, кроме этого прорабатывали какие-то истории с психологом, и в конце мы поставили большой замечательный спектакль, пошили им костюмы, в партнеры позвали фольклорный ансамбль (МО № 6, инф. № 3, стр. 342–345).

Интересным опытом в работе по укреплению семейных ценностей, формированию традиций, развитию совместного досуга молодых семей можно назвать проект «Ключ от счастья». Цель этого проекта сделать так, чтобы молодые семьи понимали друг друга с полуслова» (МО № 4, инф. № 4, стр. 274–275). Суть проекта заключалась в совместной деятельности супружеской пары и демонстрации ее успехов в социальных сетях: Они на протяжении двух недель выполняли какие-то задания, и именно в интернет их выкладывали, то есть там нужно было прогуляться с семьей, выставить пост, там приготовить что-то семьей, ... это мы везде все выставляли, для того, чтобы показать, что классно проводить время с семьей (МО № 4, инф. № 4, стр. 329–334). Подобные проекты позволяют эффективно сформировать внутрисемейные ценности через совместную деятельность молодых супругов: На самом деле он такой был такой скрепляющий взаимодействие, да, например, у нас даже потом в конце одна семья забеременела, да, и сейчас, мы повторили этот проект, и еще одна семья ждет ляльку (МО № 4, инф. № 4, стр. 335–337); подкреплять семейные ценности в общественном сознании, вырабатывать семейные традиции и практики совместного досуга: ...ну сходили там на фитнес-урок, да посмотрели, из этих 8 семей, там две потом пошли и реально на фитнес. Ну то есть это замотивировало их, да (МО № 4, инф. № 4, стр. 307–309).

На малых территориях с городским населением и со средним уровнем социально-экономического развития проводимые проекты по семейным ценностям носят более локальный характер или входят в межведомственные городские и краевые программы. Решающую роль в них зачастую играют учреждения культуры и наиболее деятельные, способные активисты. Так, например, реализуется проект «Моя семья, мой город, мой успех», решающий проблему непрестижности малых территорий через различные события, в том числе культурные экскурсии и выставки в местном уникальном краеведческом музее; подчеркивающий ценность своего города: ...в таком маленьком городе жить и развиваться, и может даже себя реализовывать легче, ... все же пытаются себя найти, уезжая в большой город (МО № 2, инф. № 1, стр. 193–195). Кроме этого, действует социальный проект педагогов и психологов «Семья – воспитание любовью», направленный на повышение квалификации в вопросах воспитания детей... (МО № 2, инф. № 6, стр. 44–45). Силами НКО осуществляется поддержка семей социально опасной группы и находящихся в трудной жизненной ситуации, например проект «Елка желаний»: Письма дети пишут Деду Морозу, желания свои. Мы ищем «добрых волшебников», которые будут исполнять вот эти желания. В том году у нас было больше 200 желаний (МО № 2, инф. № 5, стр. 364–367). В качестве социальных проектов, направленных на межпоколенческое взаимодействие, можно выделить «Турнир поколений», осуществляемый в рамках проекта «Активное долголетие»: Провели турнир поколений, там состязания и творческие были, ... дети с нами, школьники, они стали уважать старших, они были в одной упряжке с нами (МО № 5, инф. № 2, стр. 543–545).

На малых территориях с низким социально-экономическим развитием, с сельским и городским населением, с одной стороны, максимально выражена проблема оттока активного населения, с другой стороны, наблюдается большая инициативность со стороны активистов, сильнее выражена сплоченность и консолидированность местных сообществ вокруг социальных проектов и решения проблем. Много аутентичных небольших проектов, связанных с ценностью малой родины, посвященных ремеслам, мастерству, творчеству, походам и сплавам. Также значителен вклад

в капитальный ремонт зданий социальных учреждений нацпроектов «Культура» и «Образование». Семейные ценности в социальных проектах выступают рядом с другими направлениями: творческим (районный костюмированный конкурс «По заветам Петра и Февронии»), патриотическим (...связь поколений очень сильно развита у нас тут. У нас есть патриотический клуб «Патриот», детский... (МО № 3, инф. № 4, стр. 364–367)), туристическим (проект «Единомышленники» в рамках краевой «Перспективы»: ...создали семейный клуб и провели два или три...семейных сплава по реке (МО № 3, инф. № 4, стр. 228–232)), образовательным (неформальные встречи с председателями родительских комитетов классов и родителями дали толчок к участию и победе в конкурсе грантов Росмолодежи). Также можно отметить деятельность инициативных граждан, учреждающих проекты самостоятельно: ...и он для себя начал [организовывать] ... часть творческих детей, кто-то занимается лепкой из глины (МО № 1, инф. № 2, стр. 296–297). По словам информантов, подобные проекты позволяют не только улучшить межпоколенческое взаимодействие, но и осуществить преемственность особых знаний и навыков, которые важны для жизни в условиях территории: ...шестилетнего ребенка, ему никто, никакие инструменты в руки, даже элементарны[е] -- пилу, потому что, ну, кто будет нести ответственност[ь]... (МО № 1, инф. № 2, стр. 307–309).

Выводы

Таким образом, на разных малых территориях роль социальных проектов в развитии семейных ценностей неодинакова: чем более развита территория социально-экономически, тем чаще встречаются проекты, направленные на семью, при этом существеннее вклад, который они вносят в ее улучшение. В целом внимание к семейным ценностям недостаточно, более ярко проявлены направления работы с молодежью и пожилыми людьми благодаря хорошо слаженной и скоординированной работе Росмолодежи и Советов ветеранов на федеральном и региональном уровнях. В большей степени семейным ценностям на малых территориях (с высоким уровнем развития) посвящены проекты, поддерживаемые Фондами президентских и губернаторских грантов, однако они чаще заканчиваются с завершением действия поддержки, носят более

локальный и точечный характер. Остальные проекты по тематике чаще бывают смежными с другими сферами (творчеством, спортом, патриотизмом, образованием, туризмом), больше внимания уделяется материальной среде и инфраструктуре для семьи и отдыха, недостаточно внимание к духовным семейным ценностям. Также социальными проектами охвачены не все стадии жизненного цикла семьи, особенно мало внимания к ранним этапам, например к ее созданию. В связи с этим представляется очень важной и актуальной детальная, системная, комплексная разработка нацпроекта «Семья», начинающегося с 2025 г., который может дать значимый импульс на федеральном уровне для развития семейных ценностей. Также имеет смысл создание специализированных ведомственных структур, направленных на развитие семьи и семейных ценностей, по аналогии с очень эффективными Росмолодежью и Советами ветеранов.

Список литературы

1. Шабанов Я. В. Из истории разработки и принятия приоритетных национальных проектов // Власть. 2011. № 9. С. 121–123. EDN: OIOOYP
2. Богданов В. С., Почестнев А. А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 3. С. 699–714. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-699-714>, EDN: DTVAQF
3. Суворов В. В. Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 69–73. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-69-73>, EDN: ZYPZGV
4. Савинов Л. И. Социология семьи // Гуманитарий. 2005. № 5. С. 132–142. EDN: RUHCLM
5. Капогузов Е. А., Чупин Р. И., Харламова М. С. Нарративы семейной политики в России: фокус на регионы // Вопросы регулирования экономики. 2020. Т. 11, № 3. С. 6–20. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2020.11.3.006-020>, EDN: PUNLYQ
6. Бегина И. А. Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 255–260. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>, EDN: ZCBGLI
7. Малые города в социальном пространстве России / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019>, EDN: YCUNFD

8. Богуславская С. Б., Кузьмина К. А., Рождественская Н. В. Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 85–100. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-85-100>
9. Арчакова Т. О., Гарифулина Э. Ш. Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 276–295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>
10. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ ; Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления («Братья Карич»). 1996. 304 с.
11. Ростовская Т. К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений // Человек в мире культуры. 2015. № 2. С. 3–9. EDN: VFXIRZ
12. Евдокимова Т. Г. Теоретико-методологические основания изучения ценностных ориентаций // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 1 (11). С. 65–75. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-1-65-75>, EDN: XTLEFQT
13. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР : в 2 т. / ред.-сост. Г. В. Осипов. М. : Мысль, 1965. Т. 2. С. 189–209.
14. Лапин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17–28. EDN: TOIUSP
15. Акутина С. П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 51–54.
16. Поминова О. Л., Филимонов И. А. Понятие и виды семейных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11). С. 33–35. EDN: JWQIJG
17. Шаваева О. А. Семейные ценности как объект социально-философского анализа // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 96 (02). С. 297–308.
18. Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / под ред. Г. С. Батыгина. М. : Наука, 1989. 116 с.
19. Стародубцева Н. А., Солодкова А. В. Теоретические подходы к определению жизненного цикла семьи // Экономика. Социология. Право. 2023. № 1 (29). С. 67–76. <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-01-67-76>

Поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025;

принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025;

accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 276–281

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 276–281

<https://soziopolit.sgu.ru>

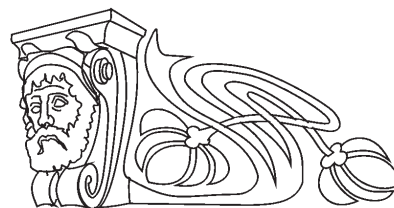
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

Научная статья

УДК 37.03+81.271.2

От лингвистического поворота в социологии к нарративу

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. Лингвистический поворот в социологии определил языковые проблемы в качестве приоритетных при исследовании социогуманитарной человеческой жизнедеятельности. Принятие текстов (языковых высказываний) как социокультурных феноменов, конструирующих социальную реальность, даёт возможность исследовать социокультурные контексты и ценностно-поведенческие модели социальных акторов, совершающих социальные действия. Однако постулирование социальной роли языка, определяющее специфику социальных действий, было не всегда. Символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, теория коммуникативных действий, герменевтика и теория речевых актов послужили методологической базой рассмотрения языка в качестве определяющего компонента и стали основой становления лингвистического поворота в социогуманитарных исследованиях. Особая роль в становлении лингвистики (языка и речи) как приоритетного компонента человеческой жизнедеятельности принадлежит П. Бурдьё, определившего язык в качестве основного маркера социальности индивидов. В свою очередь, лингвистический поворот послужил отправной точкой становления нарративного поворота как одного из эффективных инструментариев в социологических исследованиях. Нарратив/описание/повествование имеет своей основой определение индивида как одного из базисных субъектов социологических исследований. Множество интерпретаций одного и того же события обусловлено, с одной стороны, субъективной спецификой респондентов, а с другой, пространственно-временным контекстом. Этнометодологическая специфика нарратива отражает повседневную жизнь индивидов в процессах их интеракции, рефлексии, моделей повседневного поведения и упорядочивания жизненного цикла. Феноменологическая специфика нарратива представлена феноменом социологического переписывания как совокупности объективной картины мира и её субъективного восприятия, а также степенью эмоциональности описания. Постмодернистский ракурс нарратива акцентирует, прежде всего, бесконечное множество субъективных интерпретаций и методику деконструкции текста для выявления скрытых смыслов. Использование нарратива как социологического инструментария даёт возможность всестороннего описания и анализа не только социальных действий индивидов в повседневной жизни, но и исследования социальной реальности.

Ключевые слова: лингвистический поворот, нарратив, социальная роль языка, социальное действие, повседневная жизнь, интерпретация текста, субъективный/объективный компонент, пространственно-временной контекст

Для цитирования: Могилевич Б. Р. От лингвистического поворота в социологии к нарративу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 276–281. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the linguistic turn in sociology to narrative

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The linguistic turn in sociology has established language-related issues as a primary focus in the examination of socio-humanitarian human activities. The acceptance of texts (linguistic statements) as socio-cultural phenomena that construct social reality facilitates the exploration of socio-cultural contexts and value-behavioral models of social actors engaged in social actions. However, the assertions regarding the social role of language that delineate the specificity of social actions have not consistently been acknowledged. Symbolic interactionism, ethnomethodology, phenomenology, the theory of communicative actions, hermeneutics, and the theory of speech acts have provided the methodological foundation for regarding language as a defining element, thereby contributing to the development of the linguistic turn in socio-humanitarian research. A particular significance in the establishment of linguistics (language and speech) as a crucial component of human activity is attributed to P. Bourdieu, who identified language as the principal marker of individual sociality. Conversely, the linguistic turn has served as a foundational

point for the emergence of the narrative turn, regarded as an effective instrument in sociological inquiry. The narrative/description/narrative framework possesses its own rationale for defining the individual as a central subject of sociological investigation. The diversity of interpretations of identical events is influenced, on one hand, by the subjective particularities of respondents and, on the other hand, by the spatio-temporal context. The ethnomethodological uniqueness of the narrative encapsulates the quotidian experiences of individuals in the dynamics of their interactions, reflections, everyday behavioral models, and the organization of their life cycles. The phenomenological character of the narrative is epitomized by the phenomenon of sociological rewriting, which amalgamates an objective worldview with its subjective interpretations and the emotional nuances of the description. The postmodern perspective on the narrative underscores, primarily, the limitless array of subjective interpretations and the technique of deconstructing texts to unearth concealed meanings. Employing narrative as a sociological tool enables a thorough description and analysis of not only the social actions of individuals in their everyday lives but also the examination of social reality.

Keywords: linguistic turn, narrative, social role of language, social action, everyday life, text interpretation, subjective/objective component, spatio-temporal context

For citation: Mogilevich B. R. From the linguistic turn in sociology to narrative. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 276–281 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-276-281>, EDN: IZDVTW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Во второй половине XX в. в методологии социогуманитарных наук произошли большие изменения, получившие название «повороты» – лингвистический, исторический, нарративный, обращение к памяти, внимание к повседневной жизни и т.д. Не осталась в стороне и социология, получившая в результате действия этих поворотов новую форму и содержание.

Социология как отдельная область гуманитарного знания ведёт своё начало с XIX в. Её становление как самостоятельной научной дисциплины, включающей как теоретический, так и практические компоненты, было не случайным явлением, а, прежде всего, непосредственной реакцией на предшествующие крупные социальные трансформации: революции, войны, идеалы французского Просвещения, утопический социализм, промышленную революцию, становление капиталистического способа производства, информационную революцию.

Позитивизм как ракурс социологических исследований стал доминирующей методологией, предлагающей изучать только социальные факты вместо вещей. При этом совершенно не рассматривалась, не изучалась и не принималась во внимание любая связь между субъектами (индивидами) и объектами (социальными действиями). Другими словами, человеческая мотивация при совершении социальных действий не имела никакого значения [1].

М. Вебер как родоначальник гуманитарных тенденций в социологии сделал акцент на социальные действия, а именно на их интенциональность. По М. Веберу, любое социальное действие несёт в себе субъективную составляющую в виде понимания, исследования и учёта интеракций между социумом и индивидом в контексте целостного целеполагания. Но язык как

сущностная характеристика индивида существовал отдельно от его носителей и не учитывался в рамках понимающей «социологии» [2].

Что касается бихевиоризма, получившего широкое распространение в XX в., то данная методология определяла поведения субъектов социального действия как пассивную реакцию на социальные действия и факты, а их языковая актуализация игнорировалась, и только методология символического интеракционизма акцентировала субъективный опыт и интенции индивидов, актуализированные в языке. Именно человеческая способность и стремление к адаптации к окружающей среде создаёт жизненный мир каждого индивида посредством обмена символами (знаками), присутствующими только человеку, т. е. языком. Носители одного языка обладают общими символическими значениями (фонетическими, лексическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими). В то же время каждый носитель языка является социальным актором: как язык, так и его носители являются социальными агентами, осуществляющими социальное взаимодействие. Таким образом, методология символического интеракционизма включала лингвистический компонент в сферу социальной жизни. Согласно Д. Миду, символы (знаки), а именно язык, представляют собой инструментальный ментального и личностного развития как индивида, так и социума. Следовательно, язык представляет собой механизм самопознания и саморефлексии индивида, а также является инструментом рефлексии индивида во времени и пространстве [3].

Вторым основополагающим триггером лингвистического поворота в социологии стала герменевтика как теория и практика интерпретации текстов/языковых высказываний (первоначально только религиозных).

По мнению М. Хайдеггера, интерпретация и язык неразделимы, так как без языка не может быть понимания и существования человека в окружающей действительности, т. е. язык является средой человеческого бытия: «В жилище языка обитает человек» [4, с. 188].

Х. Г. Гадамер, творчески развивая идея М. Хайдеггера, постулировал, что язык и жизненный мир членов социума находятся в имманентном единстве. Он утверждал, что без учёта лингвистической составляющей невозможно изучение окружающей действительности, поскольку язык представляет собой коллективное достояние социума [5].

П. Рикёр в своих герменевтических исследованиях уделял особое внимание феномену текста/языкового высказывания как актуализации человеческой деятельности во времени и пространстве. По его мнению, текст, помимо буквенного формата, содержит информацию о скрытых смыслах, т. е. подтекст (данные об авторе, фоновые знания и т. д.). Другими словами, интерпретация любого текста является, в сущности, интерпретацией социальных действий в социуме, что ещё больше подчёркивает значимость лингвистического компонента в социальных действиях и их исследованиях [6].

Говоря о предпосылках лингвистического поворота в социологии, следует обратить внимание на этнометодологические концепции Г. Гарфинкеля. В широком смысле этого термина этнометодология изучает различные модели и способы жизнедеятельности, применяемые индивидами для функционирования в повседневной жизни. В самом деле, повседневная жизнь индивидов как членов социума является предметом и объектом социологических исследований. Межличностная интеракция индивидов обеспечивает их адекватное существование и воплощается, прежде всего, в речевых актах и невербальном компоненте, доступных непосредственному восприятию. Следовательно, изучение речевой составляющей в повседневной жизни даёт возможность понимания и интерпретации поступков и мотивов повседневной, т. е. социальной жизни членов социума [7].

Нельзя не отметить, что в середине XX в. наметилось и получило дальнейшее развитие новое философское течение, а именно лингвистическая философия, использующая в качестве методологии лингвопрагматический анализ, основанный на теории речевых актов Д. Сёрля. Основной характеристикой этой ме-

тодологии является изучение связи семантики языковых знаков с их практическим использованием (прагматика) [8].

В этой связи особого внимания заслуживает теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В основе этой теории лежит утверждение, что язык – это, прежде всего, социальное действие, а речевые акты, совершаемые индивидами в процессе использования языка, обеспечивают социальную коммуникацию при условии достижения понимания между коммуникантами. Другими словами, нет понимания, нет коммуникации, т. е. язык выступает условием коммуникации, а понимание представляет собой цель интеракции [9].

П. Бурдьё был первым, кто стал рассматривать язык как неотъемлемый компонент повседневной социальной жизни, так как лингвистические характеристики (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) являются индикаторами социального статуса носителя языка. По его мнению, «универсальная компетентность языка теоретически-либерально представлена всем, но на самом деле она универсальна монополизирована некоторыми» [10, с. 89]. П. Бурдьё, используя экономическую терминологию, представил свою теорию универсальности языка. Язык, по его мнению, является культурным капиталом, который отражает все изменения в жизни социума и служит инструментом контроля и насилия. Социологи могут и обязаны исследовать социальные явления в контексте языковых вариативности, что и является на самом деле лингвистическим поворотом в социологии. Согласно П. Бурдьё, изменения в языке отражают, прежде всего, социальные трансформации посредством мягкого насилия. Иными словами, регулятивная функция языка наиболее ярко и последовательно проявляется в сфере управления социальной жизнью его носителей, а языковое насилие – важный фактор деформации человеческой жизни. Таким образом, на долю социолога и выпадает, собственно, описание логики борьбы по поводу слов, язык же представляет собой социальный конструкт, отражающий специфику его носителей в контексте окружающей их социальной реальности, в частности, при её конструировании и познании [11].

Естественно, любой язык подвержен трансформациям в пространственном-временном контексте жизнедеятельности его носителей. Это означает, что язык представляет собой не

только инструмент социальной деятельности, но и социальный конструкт, функционирующий в рамках таких феноменов, как культурный капитал, символический капитал и лингвистический капитал. Культурный капитал, в свою очередь, представлен тремя компонентами – инкорпорированный, объективированный и институциональный капиталы. Инкорпорированный капитал является как унаследованным компонентом, так и приобретённым сознательно в процессе социокультурного развития носителя языка; объективированный капитал является материальной актуализацией культурного капитала, лингвистического в том числе в форме технических и артефактов. Институциональный капитал функционирует в виде свидетельств, дипломов, сертификатов, аттестатов, удостоверения и справок. Таким образом, культурный капитал представляет собой совокупность разного рода знаний, умений и навыков как индикаторов уровня образования и социального статуса членов социума.

Лингвистический поворот как новый этап развития гуманитарного знания, социологического в том числе, акцентировал насущную необходимость рассматривать весь спектр исследований в сферах культурологии, политологии, социологии, психологии и философии в лингвистическом контексте. В основе методологии лингвистического поворота находится отождествление реальности и текста, т. е. констатация того факта, что все сферы человеческой жизнедеятельности опосредованы языком. В результате презентация и анализ любого текста как системы знаков означали, что все формы человеческой жизнедеятельности являются определёнными знаковыми системами. То есть все исследования в сфере социогуманитарных наук приобретают лингвистическую специфику [12].

Лингвистический поворот приобрёл новые характеристики в виде нарративного поворота, означающего, что любая форма знания может быть представлена в виде нарратива, т. е. описания/повествования. В современной социальной жизни феномен нарратива стал актуальным не только в социогуманитарных, но и в естественнонаучных сферах: медицине, праве, истории, историографии, биологии, антропологии, психотерапии. В основе нарративного поворота лежит признание того факта, что в настоящее время социальная реальность лишена стабильности и детерминизма, а темпоральность приобретает новые характеристики. Человек как член соци-

ума является активным социальным деятелем и преобразователем, а познание социальной реальности не является единым, запрограммированным и объективным. Более того, любой текст/совокупность текстов отражает человеческое сознание и представляет возможность множества вариантов их интерпретаций. Здесь следует отметить особую методологическую роль постмодернизма в становлении нарратива, а именно:

- выдвижение на первый план человека как автора текстов, что подразумевает множество субъективных интерпретаций;

- акцентирование текстовой проблематики по причине многообразия оценок и интерпретаций;

- использование новой методологической методики в виде деконструкции текстов в целях выявления скрытых смыслов и противоречий.

Тогда окружающая социальная реальность предстает как объединение социальных и лингвистических компонентов, обусловленных как социальными (объективными) процессами, так и идеологическими (субъективными) предпочтениями социальных акторов. Лингвистический анализ текста состоит в том, что он (текст) является интерпретацией окружающей действительности в языковом формате. В этом случае нарратив представляет собой познание социальной реальности через её описание. По У. Лабову, нарратив является, по своей сути, описанием человеческого прошлого опыта посредством последовательных по смыслу предложений (речевых актов) [13]. Следует обратить внимание на тот факт, что нарратив представлен следующими характеристиками:

- придаточными предложениями, отражающими временные параметры;

- представлением нарратива в прошедшем времени;

- отражением нарратива как ориентировочных индикаторов (место действия, персонажи), так и оценочных (отношение автора к описываемому событию), а также обозначением завершённости и его связи с настоящим.

Что касается непосредственного использования нарратива в социологических исследованиях, следует отметить: во-первых, индивиды как члены социума функционируют как рассказчики, т. е. создают свои нарративы; во-вторых, информация всегда предполагает интерпретацию, следовательно, социологические исследования изначально нарративны;

в-третьих, информанты (рассказчики) могут по-разному интерпретировать одно и то же событие во времени и пространстве [14].

Существует несколько причин принятия нарратива как метода социологических исследований: 1) теория интерпретации предполагает, что любой текст как объект исследования обладает смыслом; 2) текст обладает несколькими смыслами в зависимости от интерпретации.

Этнометодология также постулирует ценность нарративных методик в контексте ситуативности повседневной жизни в следующих понятиях:

- языковая интеграция индивидов при генерировании, восприятии и интерпретации информации;

- рефлексия/саморефлексия как процессы постоянного сопоставления моделей повседневного поведения индивидов в различных экстралингвистических ситуациях;

- рационализация повседневной деятельности индивидов с целью порядка и организации в процессе постоянного производства языка и нахождения новых смыслов.

Феноменологическая база нарратива включает его социологическое переписывание, поскольку, с одной стороны, является объективной картиной социальной жизни, а с другой стороны, все социальные трансформации обусловлены субъективными действиями индивидов [15].

Социологическое переписывание представляет собой совокупность таких компонентов, как передача известной информации и генерация новой; связь информации и социального контекста её продуцирования и трансляции; обусловленность событийного контекста временем его возникновения и функционирования; влияние степени экспрессивности нарратива на его восприятие другими; учёт последствий нарративной картины для всех коммуникантов [16].

Социологические исследования, проводимые посредством нарратива, всегда учитывают личность респондента и его влияние на самого исследователя. Проблема объективности и правдивости нарратива обусловлена тем фактом, что любой нарратив отражает социальную реальность. Причём одни нарративы могут отражать реальность, а другие создавать её, приукрашивая или обедняя эту реальность в зависимости от своих субъективных интере-

сов и целей. Конечно, исторический контекст любого нарратива присутствует в описании, но его интерпретация всегда субъективно обусловлена [17].

В качестве примера нарративов, отражающих трагедийные события, имевшие место в социальной реальности Европы в годы II Мировой войны, служат дневники двух девочек, одна из них – Таня Савичева. Она вела дневник, описывающий трагедию её семьи в период блокады Ленинграда. Вся её семья умерла от голода, а Таня была последней. Дневник заканчивается такими словами: «Осталась одна Таня». Таня тоже умерла от голода и похоронена на Пискаревском кладбище.

Вторая девочка – Анна Франк, еврейская девочка из Голландии, семья которой пряталась на чердаке почти год, но была депортирована в концлагерь и погибла там в 1944 г. Невозможно читать эти нарративы без слёз. Их стиль, лексика демонстрируют и детское восприятие жизни, и недетские страх и горе. Эти нарративы почти свободны от субъективного отношения авторов и являются страшным и объективным свидетельством погубленных жизней обычных людей, в данном случае детей.

Таким образом, нарративный поворот в социологии тесно связан с лингвистическим поворотом, давшим начало учёту лингвистического компонента как одной из самых важных характеристик как социума, так и социальных агентов, совершающих социальные действия в окружающей их социальной реальности. Нарративы, или человеческие истории, создают картину социальных трансформаций жизнедеятельности. Социальные действия индивидов всегда обусловлены временем и местом совершения и соотносят социальное поведение создателей нарративов с социальными действиями других. Именно нарратив представляет собой целеполагание социальных действий каждого члена социума.

Список литературы

1. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е, репр. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
2. Вебер М. Основные социологические понятия. М. : Директ-Медиа, 2014. 52 с.
3. Мид Дж. Г. Избранное / сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2009. 290 с. (Теория и история социологии). EDN: MQGIQV

4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Би-
бихина. Харьков : Фолио, 2003 (Тип. изд-ва Самар.
Дом печати). 510 с. (Philosophy).
5. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской
герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. Б. Н. Бессонова.
М. : Прогресс, 1988. 700 с.
6. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Es-
says on language, action and interpretations / ed. and
transl. by J. B. Thompson. Cambridge ; New York :
Cambridge University Press ; Paris : Editions de la
Maison des Sciences de l'homme, 1981. 314 p.
7. Franzosi R. Narrative analysis – or why (and how)
sociologists should be interested in narrative // Annual
Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>
8. Searle J. R. The construction of social reality. New York :
Liberty Press, 1995. 518 p.
9. Habermas J. Communication and the evolution of soci-
ety / transl. a. with an introd. by T. McCarthy. Boston :
Beacon press, Cop._1979. 239 p. (Beacon paperback.
Philosophy, sociology, polit. science).
10. Бурдьё П. Начала : сб. : пер. с фр. М. : Socio-Logos,
1994. 287 с.
11. Лю Ц. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250000185-6>
12. Могилевич Б. Р. Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208>
13. Labov W. Some further steps in narrative analysis // Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7, iss. 1–4. P. 395–415. <https://doi.org/10.1075/jnlh.7.49som>
14. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2001. № 13. С. 27–59.
15. Кузнецов А. М. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2, № 1. С. 49–67.
16. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М. : РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996. 172 с.
17. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2002. № 15. С. 33–52.

Поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025;

принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025;
accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 282–289

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 282–289

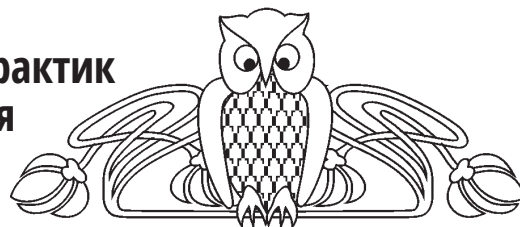
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-282-289>, EDN: JWEYGZ

Научная статья

УДК [331.5+316.44]

Социологический анализ трудовых практик иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области

А. А. Минин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Минин Александр Анатольевич, аспирант кафедры социологии регионов, semsans4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Аннотация. В статье рассматриваются трудовые практики иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области, с акцентом на их адаптацию к российскому рынку труда. Исследование основано на результатах количественного (анкетирование, $n = 200$) и качественного (глубинные интервью, $n = 12$) анализа. Выявлены основные сферы трудовой занятости иностранных студентов, такие как общественное питание, службы доставки и такси. Определены ключевые проблемы трудоустройства, включая недобросовестные выплаты, штрафные санкции, языковой барьер и отсутствие трудового стажа. Рассмотрены факторы, влияющие на успешность адаптации, включая гибкость графика, стабильность выплат и возможность совмещения работы с учебой. Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки механизмов поддержки иностранных студентов на рынке труда, что способствует их социальной и экономической интеграции в российское общество.

Ключевые слова: иностранные студенты, рынок труда, социально-экономическая адаптация иностранных студентов, трудовые практики, Саратовская область

Для цитирования: Минин А. А. Социологический анализ трудовых практик иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 282–289. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-282-289>, EDN: JWEYGZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Labor employment of foreign students in universities of the Saratov region: A sociological analysis

A. A. Minin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Minin, semsans4@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Abstract. The article examines the labor practices of foreign students studying at the universities in Saratov region, with a focus on their adaptation to the Russian labor market. The study is based on the results of a quantitative (survey, $n = 200$) and qualitative (in-depth interviews, $n = 12$) analysis. The main employment sectors of foreign students, such as the hospitality industry, delivery services, and taxi driving, are identified. The key employment challenges, including unfair payments, penalty sanctions, language barriers, and the lack of work experience, are outlined. The factors influencing successful adaptation, such as flexible work schedules, payment stability, and the possibility of combining work with studies, are considered. The findings emphasize the need to develop support mechanisms for foreign students in the labor market, facilitating their social and economic integration into Russian society.

Keywords: foreign students, labor market, socio-economic adaptation of foreign students, labor practices, Saratov region

For citation: Minin A. A. Labor employment of foreign students in universities of the Saratov region: A sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 282–289 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-282-289>, EDN: JWEYGZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования трудовых практик иностранных студентов обусловлена тем, что материальные трудности являются основной проблемой, с которой сталкиваются иностранные студенты при обучении в российских вузах. В исследовании С. В. Уставщиковой опубликованы данные, по которым каждый проживающий в Саратове иностранный студент в 2020 г. нес расходы на обустройство, проживание в общежитии и на квартире, покупку вещей и питание в сумме 120–360 тыс. руб. При этом отдельной строкой идут расходы на получение образования, так как большинство иностранных студентов обучаются на коммерческой основе [1]. Также наблюдаются задержки с переводом денег обучающимся от родителей, что приводит к недостатку средств для обеспечения базовых потребностей [2, с. 411]. Данные обстоятельства вынуждают иностранных студентов искать на рынке труда работу, не требующую профессиональной квалификации.

Вопрос трудовой занятости иностранных студентов является важным элементом для их социально-экономической адаптации, влияющим на уровень интеграции студентов в российское общество. Трудовые практики помогают быстрее преодолеть языковой барьер, нивелировать культурные различия, компенсировать отсутствие профессиональных связей.

Кроме того, иностранные студенты, совмещающие учебу с работой, обеспечивают приток рабочей силы в сферы, испытывающие нехватку кадров, такие как общественное питание, логистика и сервисные услуги. В долгосрочной перспективе успешная адаптация этих студентов может способствовать их закреплению в регионе, что, в свою очередь, положительно влияет на демографическую и экономическую ситуацию Саратовской области.

Таким образом, изучение трудовых практик иностранных студентов имеет не только академическую, но и прикладную значимость, обосновывая необходимость разработки эффективных механизмов поддержки их занятости. Исследование данной темы позволит выявить ключевые барьеры, с которыми сталкиваются иностранные студенты на рынке труда, а также возможные пути их преодоления.

Исходя из вышеизложенного, цель данной статьи – проанализировать трудовую занятость

и иностранных студентов в Саратовской области, выявить основные сферы работы и трудности, с которыми они сталкиваются.

Теоретический анализ

В тематическом поле исследований рынка труда иностранных студентов важно отметить работу Т. Романовой, Е. Ганжур, Р. Малина, в которой показано, что основными сферами, в которых используется труд иностранных граждан в России, являются строительство, транспорт и логистика, общепит, сфера услуг (торговля, клининговые службы и др.) [3].

Как подчеркивает Е. Н. Гоголева, студенты, находящиеся в России, часто испытывают финансовые затруднения, что вынуждает их искать работу уже в процессе обучения [4, с. 43]. В то же время работа во время учебы, как правило, не соответствует их квалификации и не предоставляет возможности для развития профессиональных навыков, что в дальнейшем может негативно сказаться на их трудоустройстве по специальности.

В исследовании Л. В. Лучшевой также говорится о том, что многие иностранные студенты совмещают учебу с трудовой деятельностью. Иностранные студенты находят себе рабочие места в сфере услуг. Зачастую девушки устраиваются на низкооплачиваемые должности, например посудомойщицами или техничками. В то же время юноши находят более высокооплачиваемую работу – парикмахера, водителя такси, продавца автозапчастей, строителя, плиточника и т. д., что свидетельствует о наличии у них профессиональных навыков, полученных еще на родине [5, с. 122].

С августа 2020 г. иностранные студенты получили возможность работать без разрешения, что упростило процесс поиска работы и дало больше шансов совмещать учебу с работой [6, с. 67]. Тем не менее, даже эта мера не устраняет все трудности, с которыми они сталкиваются, особенно в Саратовской области, где студенты должны самостоятельно решать проблемы финансовой стабильности и находить подходящие рабочие места. В 2023 г. численность иностранных студентов в государственных вузах Саратовской области (по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры) составила 3384 чел., что на

321 чел. больше, чем в 2022 г., и на 509, чем в 2021 г. (таким образом, фиксируется тренд на увеличение численности иностранных студентов в вузах региона¹).

Следует отметить, что в региональном контексте недостаточно изучены не только основные сферы занятости иностранных студентов, но и факторы, влияющие на их профессиональные предпочтения и стратегии адаптации. Необходимы дополнительные исследования для более глубокого понимания их потребностей, возможностей и трудностей, с которыми они сталкиваются.

Методы исследования

В настоящей работе использовались количественный и качественный методы исследования. Количественное исследование проводилось в формате анкетного опроса среди иностранных студентов вузов Саратовской области, проведенного в 2024 г. при помощи сети Интернет. Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате: ссылка на анкету распространялась в сообществах иностранных студентов в мессенджерах и социальных сетях. Такой подход позволил оперативно охватить широкую аудиторию. Онлайн-анкета была сконструирована таким образом, чтобы респонденты не могли пропустить вопросы, что обеспечило получение полностью заполненных анкет. Общее количество иностранных студентов, обучающихся в государственных вузах Саратовской области по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, на 2024 г. составляло приблизительно 3500 чел. В рамках исследования была сформирована квотная выборка из 200 респондентов, что составляет 5,7% от совокупности. Критерии отбора – обучение в вузе, иностранное гражданство.

По месту учебы респонденты распределились следующим образом: 70% обучаются в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ), 12% – в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю. А. (СГТУ), 11% – в Саратовском государственном медицинском университете им. В. И. Разумовского (СГМУ)

и 7% – в Саратовском государственном университете генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова (СГАУ).

По критерию гражданства респонденты распределились следующим образом: 70% составили граждане Туркменистана, по 10% – Казахстана и Узбекистана, 5% – Египта, 3% – Марокко и 2% – Таджикистана. Из них 32% женщин и 68% мужчин. Все респонденты обучаются на коммерческой основе, при этом 98% из них проживают в общежитиях.

Целью исследования было выявление структуры трудовой занятости иностранных студентов, факторов, влияющих на выбор работы, а также основные трудности, с которыми они сталкиваются.

Гипотеза исследования предполагала, что финансовая нестабильность является основным фактором, определяющим необходимость трудовой занятости иностранных студентов. При этом выбор сферы деятельности зависит не только от гибкости графика и стабильности выплат, но и от специфики трудовых условий.

Качественное исследование проводилось с целью выявления субъективных факторов, влияющих на выбор сферы занятости и стратегий адаптации иностранных студентов.

Гипотеза исследования предполагала, что опыт трудовой деятельности помогает студентам не только адаптироваться к российскому рынку труда, но и формировать стратегии дальнейшего профессионального развития, несмотря на значительные сложности совмещения работы и учебы. Исследование включало глубинные интервью (n = 12) с иностранными студентами из Туркменистана и Марокко, имеющими не менее одного года опыта работы в России.

Выбор респондентов обусловлен их экспертным статусом, так как они обладают практическим опытом трудовой адаптации и могут предоставить детализированную информацию о сложностях трудоустройства. В ходе интервью анализировались:

- мотивация выбора сферы занятости;
- основные барьеры трудоустройства (правовые ограничения, языковой барьер, бюрократические сложности);
- условия труда и взаимодействие с работодателями;
- влияние работы на социально-экономическую адаптацию.

¹ Сводные отчеты по форме ФСН № ВПО-1 // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 25.08.2024).

Интервью проводились в полуструктурированном формате: вопросы были заранее подготовлены, однако их порядок и формулировка могли изменяться в зависимости от хода беседы. Такой подход позволял адаптировать интервью к особенностям каждого респондента и получать более развернутые ответы. Длительность интервью варьировалась от 20 до 45 минут. Гайд интервью формировался на основе данных количественного исследования, что позволило уточнить выявленные тенденции и получить более глубокое понимание проблем трудовой занятости иностранных студентов.

Использование вышеописанной методики обеспечило проведение комплексного анализа: количественное исследование позволило выявить основные закономерности, а качественное – дополнить их детализированными сведениями о реальном опыте студентов.

Результаты исследования

Итоги анкетирования позволили раскрыть структуру трудовой занятости иностранных студентов, факторы, влияющие на выбор сфе-

ры работы, возникающие сложности и их влияние на социально-экономическую адаптацию.

Анкета содержала блоки, посвященные:

- отраслевой специфике занятости;
- режиму и продолжительности рабочей деятельности;
- уровню оплаты труда и наличию штрафных санкций;
- влиянию работы на посещаемость занятий;
- профессиональным ориентациям и перспективам трудоустройства по специальности.

Результаты анкетного опроса показали, что только у 2% опрошенных финансовых ресурсов хватает в полной мере, 8% отметили, что средств в основном достаточно, у 17% финансовых средств иногда не хватает, а 73% респондентов постоянно испытывают нехватку средств. Таким образом, подавляющее большинство (90%) испытывают нехватку финансовых средств для покрытия всех расходов, связанных с проживанием и обучением (рис. 1), что подчеркивают высокую актуальность поиска дополнительных источников дохода практически для всех респондентов.

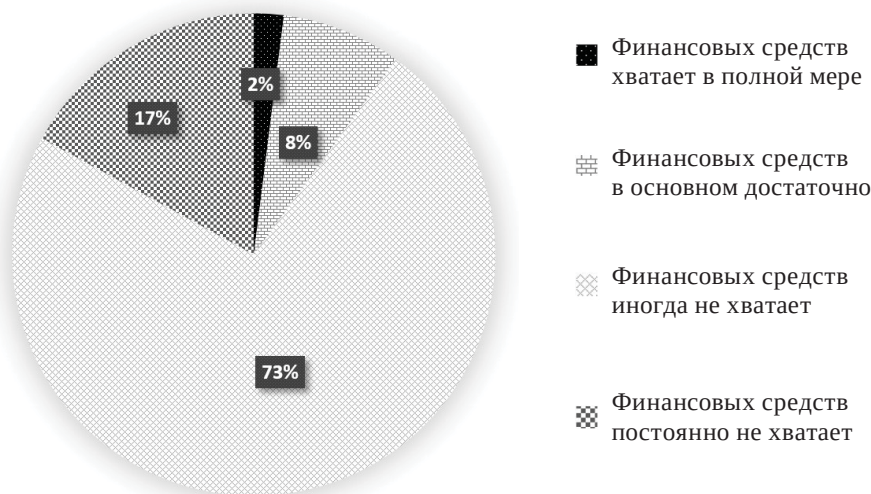

Рис. 1. Финансовая состоятельность респондентов

В анкетах 98% респондентов показали, что предпочитают жить в общежитиях, что связано с желанием сэкономить на жилье и жить поближе к учебному заведению, только 2% опрошенных арендуют квартиры.

Все опрошенные студенты (100%) совмещают работу с учебой. Основные сферы их занятости распределились следующим

образом: большая часть респондентов, 40%, заняты в сфере общественного питания, 30% – работают в службе доставки, 16% – в такси, 10% – в розничной торговле и 4% заняты в строительстве (рис. 2). Как видно, основная масса иностранных студентов имеют трудовые практики, не требующие специального обучения и квалификации.

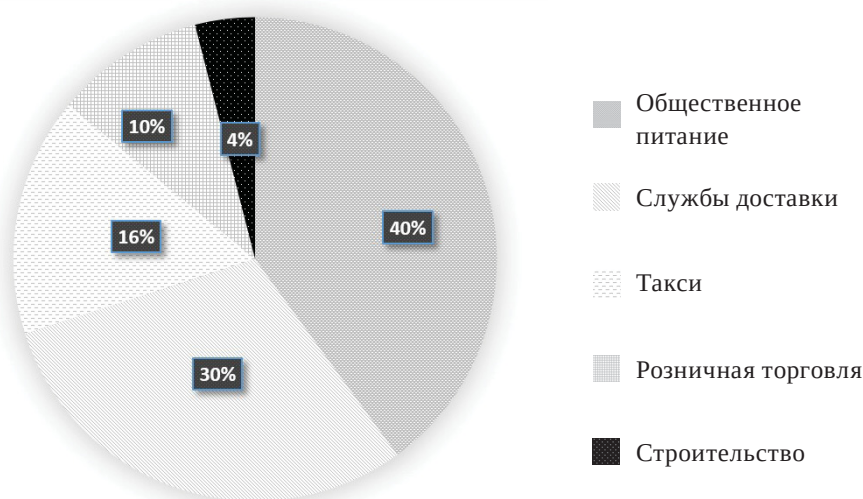

Рис. 2. Сферы труда респондентов

Ниже рассмотрим более подробно сферы труда иностранных студентов с учетом результатов глубинного интервью.

Занятость в сфере общественного питания

Сфера общественного питания является наиболее востребованной среди иностранных студентов – 40% работают в ресторанах и кафе. Популярность данной сферы объясняется гибким графиком и еженедельными выплатами, что особенно важно для студентов, испытывающих финансовые трудности. Как отметил один из респондентов, *я выбрал работу официантом, потому что это позволяет мне получать достаточно для оплаты учебы и проживания. Оплачивают раз в неделю, что очень помогает, так как иногда возникают непредвиденные расходы. Конечно, совмещать учебу и работу трудно, но у нас просто нет другого выхода* (муж., 22 года).

Однако занятость в данной сфере сопряжена с рядом трудностей. Так, 45% студентов сталкивались с недобросовестными выплатами, что может быть связано с высокой текучестью кадров и неофициальными условиями труда. Помимо этого, почти половина респондентов отмечают наличие штрафных санкций за опоздания и другие нарушения дисциплины. Один из участников интервью поделился своим опытом: *Я в ресторане работаю. Там деньги каждую неделю дают. Только вот начальник иногда штрафы делает за опоздание или что-то не так. Трудно бывает, но что делать – деньги нужны* (муж., 22 года).

Дополнительной сложностью становится физическая усталость из-за необходимости совмещать работу и учебу: *Работаю на кухне в кафе. Учёба днём, вечером на работе. График вроде гибкий, но устаю сильно. Платят каждую неделю, но штрафы есть. Учиться тяжело так* (жен., 21 год).

Тем не менее, несмотря на высокую загруженность, студенты сохраняют достаточно высокий уровень посещаемости занятий: 50% посещают около 80% учебных занятий, однако лишь 15% респондентов удается посещать все пары.

Таким образом, работа в сфере общественного питания для иностранных студентов имеет двойственный характер: с одной стороны, она обеспечивает финансовую стабильность, с другой – приводит к перегрузке и стрессу. При наличии поддержки со стороны учебного заведения и улучшении условий труда данная сфера может стать более устойчивым способом временной занятости студентов.

Занятость в сфере доставки

Сфера доставки – одна из наиболее привлекательных для иностранных студентов: 30% респондентов выбрали данный вид занятости. Основным преимуществом работы курьером является гибкость графика, позволяющая студентам самостоятельно планировать рабочее время: *Я в доставке работаю. Мне нравится, что сам выбираю, когда работать. Иногда поздно вечером выхожу, но зато деньги всегда вовремя* (муж., 23 года); *Моя работа в доставке.*

Деньги вовремя платят. Могу сам выбирать, когда работать. Иногда поздно выхожу, но зато на учёбу время остаётся (муж., 22 года).

Отличительной особенностью данной сферы является стабильность выплат: 95% интервьюеров заявили, что не сталкивались с задержками или невыплатами, что свидетельствует о высокой надежности работодателей. Кроме того, 97% студентов не подвергались штрафным санкциям, что говорит о соблюдении норм трудовых отношений. Один из респондентов подтверждает это: *Работа курьером нормальная. Платят всегда вовремя. Только зимой тяжело – холодно, но надо работать, иначе денег нет* (жен., 21 год).

Несмотря на физическую нагрузку, занятость в сфере доставки позволяет студентам сочетать работу с учебой. Так, 40% респондентов посещают все пары, а еще 40% – около 80% занятий, однако для 5% работников доставки нагрузка оказывается высокой, из-за чего они посещают лишь 30% занятий.

Таким образом, занятость в сфере доставки обеспечивает высокую степень финансовой стабильности, минимальные риски задержек зарплаты и штрафных санкций, а также гибкость графика, позволяющую совмещать работу с учебой. Однако физическая нагрузка остается значительным фактором, который может повлиять на работоспособность студентов.

Занятость в сфере такси

Сфера такси привлекает 16% респондентов, поскольку предоставляет гибкий график и стабильный доход, что делает ее востребованной, особенно среди студентов из Туркменистана. Однако работа водителем требует наличия водительского удостоверения и аренды автомобиля, что создает дополнительные финансовые затраты.

Отличительной особенностью данной сферы является стабильность выплат: большинство респондентов не сталкивались с задержками или недобросовестными выплатами. Один из студентов отмечает: *В такси после учёбы. Сам машину арендую, деньги каждый день получаю. Только тяжело – всё время за рулём. На учёбу время есть, но устаю сильно* (муж., 23 года).

Несмотря на физическую нагрузку, работа в такси позволяет совмещать трудовую деятельность с учебой: 50% респондентов посещают все занятия, а еще 31% – около 80% занятий. Однако 6% студентов посещают лишь 30% занятий, что может быть связано с трудностями в планировании рабочего графика.

Некоторые студенты отмечают, что занятость в такси предоставляет высокий уровень дохода, но требует тщательной организации времени: *В такси я уже полгода. Деньги хорошие, каждый день можно зарабатывать. Хожу на учёбу, стараюсь успевать* (муж., 23 года).

Таким образом, работа в такси обеспечивает финансовую стабильность, однако сопряжена с физической усталостью и дополнительными расходами на аренду автомобиля. Успешное совмещение данного вида занятости с учебой требует высокой самоорганизации и гибкости в управлении временем.

Занятость в сфере розничной торговли

Сфера розничной торговли менее популярна среди иностранных студентов: в ней заняты 10% респондентов. Основным недостатком данной сферы является малогибкий график, который затрудняет совмещение работы с учебой. Одна из респонденток отмечает: *В магазине работаю. Иногда бывает, что зарплату задерживают. Учёбу с работой трудно совмещать – график жёсткий, не всегда успеваю на пары* (жен., 21 год).

Дополнительной сложностью являются проблемы с выплатами: 25% респондентов сообщили о задержках заработной платы. Кроме того, 20% опрошенных сталкивались со штрафными санкциями. Один из студентов подтверждает: *Работа в магазине не очень. Там платят иногда с задержкой, и надо весь день стоять. Учёба страдает, не всегда могу прийти на занятия* (муж., 22 года).

Высокая нагрузка влияет и на посещаемость занятий: 40% студентов данной категории посещают около 80% занятий, 30% – около 50%, а 20% – лишь 30%, что указывает на сложности в совмещении работы с учебным расписанием.

Таким образом, розничная торговля предоставляет иностранным студентам возможность трудоустройства, однако менее востребована по сравнению с другими сферами занятости. Это связано с жесткими условиями работы, проблемами с выплатами и трудностями в совмещении графика с учебным процессом.

Занятость в строительной сфере

Сфера строительства самая непопулярная среди иностранных студентов: в ней заняты 4% респондентов. Данный вид занятости характеризуется тяжелыми условиями труда и ограниченной гибкостью графика, что создает трудности при совмещении с учебным процессом.

Посещаемость занятий среди студентов, работающих в строительстве, значительно ниже в сравнении с другими сферами занятости: 37% респондентов посещают около 50% занятий, 25% – лишь 30%, а только 13% удается посещать все учебные пары. Один из респондентов объясняет: *На стройке можно хорошо заработать деньги, но нужно быть готовым к тому, что ты не будешь посещать учебу несколько дней, а иногда и недель. Для меня это не лучший вариант, потому что я стараюсь посещать хотя бы половину пар (муж., 20 лет).*

При этом студенты, работающие в строительстве, не сталкивались со штрафными санкциями, что отличает данную сферу от других видов занятости. Однако жесткий график и высокая физическая нагрузка делают эту работу менее предпочтительной для совмещения с учебой.

Таким образом, строительная сфера обеспечивает относительно высокий доход, но требует значительных временных затрат, что может негативно сказываться на академической успеваемости иностранных студентов.

Несмотря на текущую занятость, большинство иностранных студентов (около 75%) выразили стремление работать по полученной специальности после завершения обучения. Они рассматривают это как возможность улучшить свое материальное положение и обрести уверенность в профессиональном будущем. Однако 25% респондентов испытывают сомнения относительно перспектив трудоустройства, что подчеркивает наличие рисков и неопределенности на рынке труда.

При этом студенты продолжают искать возможности для подработки, несмотря на сложные условия совмещения работы с учебой: *Работа важна, но я стараюсь не пропускать занятия. В будущем, возможно, получится работать по профессии, но пока приходится выбирать подработку, чтобы выжить (жен., 20 лет).*

Этот комментарий отражает общий настрой иностранных студентов: они воспринимают текущую занятость как временную меру, направленную на обеспечение финансовой стабильности, но надеются на возможность профессиональной реализации в будущем.

Заключение

Финансовая несостоятельность и нестабильность являются основными факторами, определяющими необходимость совмещения

работы и учебы для иностранных студентов. Их экономическая ситуация улучшается за счет работы, однако трудовые условия в различных сферах существенно различаются.

Установлено, что основными сферами трудовых практик иностранных студентов вузов Саратовской области являются общественное питание, службы доставки, такси, розничная торговля, строительство.

Специфика трудовой деятельности и условия труда играют важную роль при выборе иностранными студентами сферы трудовой деятельности.

Во-первых, студенты выбирают возможность гибкого графика работы, чтобы совмещать работу с учебой. Тем не менее, исследование показало, что совмещение работы с учебой часто сопряжено с перегрузкой и негативно сказывается на академической успеваемости.

Во-вторых, все студенты стремятся получать стабильный доход, так как недобросовестные выплаты и штрафы существенно снижают их финансовую ситуацию.

В-третьих, для студентов важны условия труда, связанные с физически тяжелым трудом или дополнительными затратами на аренду автомобиля и др.

Опыт трудовой деятельности помогает студентам не только адаптироваться к российскому рынку труда, но и вырабатывать стратегии профессиональной и экономической устойчивости.

Работа расширяет их круг общения, способствует развитию языковых навыков, улучшает экономическую самостоятельность и помогает налаживать контакты с потенциальными работодателями и местным населением. Создание благоприятных условий для совмещения работы с учебой может способствовать повышению академической успеваемости и улучшению качества жизни студентов.

Можно предположить, что трудовая занятость иностранных студентов важна не только для них самих, но и для региона. Во-первых, они частично компенсируют нехватку кадров в сфере услуг, общественного питания и доставки. Во-вторых, создание условий для их трудовой адаптации повышает вероятность дальнейшего закрепления выпускников в регионе, что способствует восполнению дефицита специалистов. В-третьих, повышение привлекательности региона для иностранных студентов укрепляет его образовательные по-

зиции. Таким образом, поддержка их занятости отвечает не только их интересам, но и потребностям Саратовской области.

Полученные результаты подчеркивают необходимость развития программ поддержки, включающих стажировки, курсы повышения квалификации и помощь в изучении языка. Это позволит студентам не только успешно адаптироваться к российским условиям, но и повысит их шансы на трудоустройство по специальности после окончания учебы. В долгосрочной перспективе такие меры будут способствовать не только интеграции студентов в рынок труда, но и их социальной адаптации в российском обществе.

Список литературы

1. Уставщикова С. В. Иностранные студенты в России: образовательные мигранты или потенциальные постоянные жители // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 104–108. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-2-104-108>, EDN: FHGCFC
2. Калининкова М. В., Малинский И. Г., Минин А. А. Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>, EDN: МЕНСРО
3. Романова Т., Ганжур Е., Малина Р. Это настоящий коллапс: почему работники-мигранты не идут в рестораны и на стройку // Forbes. 15 сентября 2021. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/439971-eto-nastoasij-kollaps-pocemu-rabotniki-migranty-ne-idut-v-restorany-i-na-strojku> (дата обращения: 25.08.2024).
4. Гоголева Е. Н. Студенчество в структуре социально-экономических отношений (по результатам социологического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 37–45. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.015>
5. Лучшева Л. В. Эффекты образовательной миграции (на примере иностранных студентов из Туркменистана) // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 120–123.
6. Минин А. А. Анализ нормативно-правовых актов, гарантирующих права, свободу и социальную защиту иностранных студентов в вузах Саратовской области // Регион глазами студентов : межвуз. сб. науч. работ студентов / под ред. Н. В. Шахматовой, И. А. Бегининой. Саратов : Саратовский источник, 2021. Вып. 21. С. 66–69.

Поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025;
принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 07.03.2025;
accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 290–302

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 290–302

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-290-302>, EDN: JRVFXI

Научная статья

УДК 316.334.2

Современный рынок юридических услуг в России: институциональная структура, акторы, особенности функционирования

Е. И. Русанова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36

Русанова Екатерина Игоревна, аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ei_rusanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2048-0747>

Аннотация. Каждый исторический период характеризуется определенными социальными институтами, т. е. устойчивыми социальными связями и видами взаимодействий, которые всегда направлены на удовлетворение человеческих потребностей, соответствующих конкретному этапу развития общества. Традиционно к экономическим институтам относят институт меновой экономики, который включает в себя социальный институт рынка. В статье представлена современная институциональная модель рынка юридических услуг в России, в основе которой лежат гражданско-правовые отношения по удовлетворению социальных потребностей в услугах юридического характера. В работе приводятся результаты анализа системы юридического бизнеса в России и региональной рыночной инфраструктуры на примере Приволжского федерального округа и Саратовской области. Определены субъекты рыночных правоотношений, выведены основы формирования организационной структуры, а также отражены предпринимательско-правовые аспекты деятельности в сфере оказания юридических услуг, влияющие на социальную ценность для населения. Исследование институционального взаимодействия позволило не только выявить дисфункциональные состояния рынка юридических услуг, но и отразить прямое воздействие некоммерческого сектора на структуру рынка и особенности его функционирования.

Ключевые слова: рынок юридических услуг, институт экономики, институт рынка, юридический бизнес, система государственной и негосударственной юридической помощи, потребности в юридических услугах

Для цитирования: Русанова Е. И. Современный рынок юридических услуг в России: институциональная структура, акторы, особенности функционирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 290–302. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-290-302>, EDN: JRVFXI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The modern market of legal services in Russia: Institutional structure, actors, features of functioning

E. I. Rusanova

Plehanov Russian University of Economics, 36 Stremyanniy Lane, Moscow 117997, Russia

Ekaterina I. Rusanova, ei_rusanova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2048-0747>

Abstract. Each historical period is characterized by certain social institutions, that is, stable social ties and types of interactions that are always aimed at meeting human needs corresponding to a specific stage of society's development. Traditionally, economic institutions include the institute of exchange economics, which includes the social institution of the market. The article presents a modern institutional model of the legal services market in Russia, which is based on civil law relations to meet social needs for legal services. Also, the article presents the results of the analysis of the legal business system in Russia and the regional market infrastructure using the example of the Volga Federal District and Saratov Region. The author defines the subjects of market legal relations, deduces the basics of forming an organizational structure, and also reflects the business and legal aspects of activities in the field of legal services that affect social value for the population. The study of institutional interaction allowed not only to identify the dysfunctional state of the legal services market, but also to reflect the direct impact of the non-profit sector on the structure of the market and the specifics of its functioning.

Keywords: market of legal services, institute of economics, institute of the market, legal business, system of state and non-state legal aid, necessity of legal service

For citation: Rusanova E. I. The modern market of legal services in Russia: Institutional structure, actors, features of functioning. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 290–302 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-290-302>, EDN: JRVFXI

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В нашем мире ограниченных ресурсов поведение индивидуумов в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг является одним из основных смыслов современной экономики и науки о ней [1, с. 18]. Все, что способно удовлетворить потребности человека, – это и есть благо. Благом называют также созданную услугу для человека, а под потреблением понимают использование благ [2, с. 76–77].

Сегодня экономика продолжает сохранять свои базовые основания и все больше обогащается за счет познаний в области социальных наук. Функционально-отраслевая специализация выступает одновременно и базовым признаком, и конкретным экономическим отличием. По мере общественного развития непрерывно усложняются человеческие ценностно-мотивационные установки, которые являются предметом части исследований из области поведенческой экономики. В связи с тем, что человеческое поведение оказывает все более мощное влияние на современную экономику, остается актуальным и востребованным основательное изучение проявляющихся установок в поведении населения [3, с. 10].

Функционирование социальных институтов есть деятельность социальных групп и организаций. Следовательно, под результатами функционирования социального института следует понимать удовлетворение личных или общественных потребностей и интересов. Для повышения эффективности деятельности института экономики, как социального института, необходимо изучать противоречия между различными социальными ролями в институте (в частности, ролевое поведение потребителя таких услуг). Институт экономики включает в себя более частные социальные институты, где одним из них является институт рынка [4, с. 275, 283–284]. Экономические институты с позиций экономического и социологического институционализма исследовались зарубежными учеными (М. Вебер, Т. Веблен, Э. Дюргейм, Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Биггарт, Д. Норт [5–11]) и отечественными исследователями (Р. М. Нуреев, А. Н. Олейник, В. В. Радаев, А. М. Яковлев [12–16]). В статье мы более подробно остановимся на организационно-структурных элементах одного из частных институтов экономики и его отраслевой специализации – социального института рынка юридических услуг.

Рынок как социальный институт, возникший с целью обмена товаров и услуг между акторами (участниками, субъектами, экономическими агентами), где центральным экономическим процессом выступает процесс купли и продажи, который и определяет направление движения выбираемых товаров и/или услуг на современном рынке, остается предметом пристального изучения в связи с бесконечно меняющимися потребностями населения. Мы также можем согласиться и с мнением В. В. Радаева о том, что посредством экономико-социологического подхода современные социальные отношения вычерчиваются внутри института рынка через «систему регулярного, преимущественно денежного, взаимовыгодного, добровольного и состязательного обмена благами, где действия участников регулируются, помимо цен, их структурными связями, институциональными формами, властными иерархиями и культурными конструкциями» [15, с. 124].

При этом в рамках указываемого выше подхода В. В. Радаев выделяет целый ряд методологических инструментов: феноменологический, исторический, теоретическое моделирование и статистический. Но именно статистический метод, по его мнению, позволяет провести анализ потребительского рынка сквозь определенную совокупность дифференцированных сегментов, где должны определяться критерии сегментации с их внешними и внутренними границами рыночных территорий и социальных реалий, должны быть представлены количественные параметры исследуемого рынка как системные результаты его функционирования. Вместе с тем В. В. Радаев отмечает, что современная рыночная форма обмена представляет собой социальную связь посредством выстраивания социального взаимодействия участников рынка, а также влияния организаций, институтов, культурных образцов и сценариев. Мощными стабилизирующими силами он называет «корпоративные структуры», а именно государство и ведущих участников рынка [15, с. 123].

Необходимо также отметить, что при использовании метода сегментации рыночные процессы и закономерности развития внутри рынка исследуются в рамках каждого однородного сегмента с целью определения уровня сбалансированности и перспектив развития товаров или услуг. Главными рыночными факторами принято выделять спрос и предложение,

пространство и время, а также конкуренцию [17, с. 278]. Критериев для проведения сегментации множество, но чаще всего основаниями для разделения рынка на сегменты служат товарные признаки. Существует и сегментация по типам клиентов, а также пространственного расположения. При этом минимальная модель потребительского рынка включает продавцов и покупателей [15, с. 127].

Функционирование современного рынка юридических услуг в России следует определять как порядок взаимоотношений, с одной стороны, акторов рынка согласно установленным положениям в законодательстве, а, с другой стороны, лиц по взаимной, достигнутой на доброй воле договоренности и соглашению между ними, т. е. взаимоотношений, не выходящих за рамки гражданско-правовых. Юридическую услугу мы будем рассматривать как объект рыночных правоотношений. При этом, взаимодействуя внутри социального института рынка согласно их конкретным социальным позициям, ролям и выполняя определенные функции, акторы массового потребительского рынка юридических услуг исполняют социальные роли покупателя (заказчика) или потребителя услуги, а также исполнителя услуги для покупателя (или потребителя). Также юридическая услуга предполагает, что она должна иметь полезный эффект для потребителя (заказчика), как и любой товар на потребительском рынке.

Важно сразу же отметить, что осуществление судебной власти в России по принципам уголовного, административного, конституционного и гражданского судопроизводства оказывает влияние на внутриотраслевую специализацию юристов, подвергая влиянию также и сегментацию исследуемого рынка услуг. Так, дерегулирование еще 20 лет назад экономических реалий и взаимоотношений привело государство к тому, что свобода представительства в судах была интегрирована в процессуальное законодательство, что привело к возникновению индивидуальных предпринимателей, а также финансовых организаций, деятельностью которых явилось судебное представительство и оказание юридических услуг [18, с. 124]. Рынком также признается суммарный платежеспособный спрос [15, с. 125]. Только по данным Forbes за 2022–2023 гг., юриспруденцию, как массовую услугу, осуществляют 44% всех провайдеров

на рынке деловых услуг, выручка деловых провайдеров достигает более 1,3 трлн руб.¹

На наш взгляд, детерминирующим фактором для роста потребления юридических услуг выступают реально действующие проблемы на уровне международных правоотношений, межстранового законодательства. Так, по мнению ряда экспертов в области маркетинга, на юридическом рынке отмечается уход от юридических фирм крупных платежеспособных потребителей (юридических лиц) к страте консалтинговых компаний, осуществляющих более полный комплекс деловых услуг на потребительском рынке².

В нормативно-правовом поле таких правоотношений сторонами чаще всего обозначают заказчика услуги и конкретного исполнителя услуги, выбранного на потребительском рынке³. Государство (как главный актор рынка) возлагает полномочия по разрешению вопросов о недобросовестности действий со стороны исполнителя платных юридических услуг (юристов-исполнителей) на отправление правосудия в судах. Но заказчики услуг юридического характера занимают в России место наиболее слабой экономической стороны в правоотношениях, так как не являются носителями специальных познаний ни в области юриспруденции, ни в области заключения договоров возмездного оказания услуг (согласно гл. 39 ГК РФ), договора поручения (согласно гл. 49 ГК РФ), договора агентирования (согласно гл. 52 ГК РФ) или смешанного договора, по которым обычно работают за вознаграждение современные российские юристы с потребителями⁴.

На международном уровне механизм правовой защиты потребителей впервые был заявлен в 1961 г. в США. Тогда права потребителей были конкретизированы и расширены, а позднее

¹ Исследование: за год спрос на услуги юристов и бухгалтеров вырос в 2 раза // Forbes : [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/491177-issledovanie-zagod-spros-na-uslugi-uristov-i-buhgalterov-vyros-v-2-raza> (дата обращения: 15.02.2025).

² Эксклюзивное исследование: как бизнес выбирает юристов – читайте на Platforma Media // Финансирование судебных процессов PLATFORMA : [сайт]. URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/kak-biznes-vybiraet-yuristov-v-2020-2021-godu-servis-vazhnee-reytingov-i-mediynosti/> (дата обращения: 15.02.2025).

³ О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

одобренны ООН [19, с. 47]. Суверенитет потребителя признается на мировом уровне и определяется как право потребителя и его реальная возможность, обладая средствами, приобретать все то, что сам потребитель (покупатель/заказчик: физическое лицо или организация) считает необходимым для своего потребления, в условиях свободного выбора места, времени, продавца, товара или услуги, иных условий потребления [20, с. 168]. Россия на современном этапе развития отношений государств подвергается экономическим санкциям, а потребители – экономической блокаде, что не просто ущемляет, а подрывает ранее признанный на международном уровне суверенитет потребителя.

Законодательством установлено, что взаимоотношения в сфере защиты прав потребителей, которым оказываются платные юридические услуги, регулируются Гражданским кодексом РФ, Законом РФ «О защите прав потребителей», иными федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами в России наравне с любыми другими потребителями различных услуг или товаров. Однако стоит отметить, что сегодня отсутствует омбудсмен по вопросам, касающимся реализации защиты прав потребителей юридических услуг (платных) между сторонами споров, как это предусматривается в области защиты прав потребителей финансовых услуг в РФ [21, с. 284].

Таким образом, по причине неудовлетворительного взаимодействия социальных институтов власти и права в России, влекущих за собой дерегулирование российского рынка юридических услуг, стали проявляться последствия дисфункций социальных институтов: все больше становятся распространены такие правонарушения, как неоказание юридических услуг, ненадлежащее качество оказанных юридических услуг их исполнителями. То есть наличие юридического высшего образования (диплома юриста) не становится в нашей стране полноценной гарантией защиты от правонарушений, которые совершаются юристами в процессе предоставления услуги юридического характера [22, с. 105–107].

Сегодня на оказание юридических услуг в России требуется сертификат, и по-прежнему такие услуги не являются лицензированным видом профессиональной деятельности, хотя ранее вопрос о лицензировании поднимался и были попытки его внедрения в России на такие

услуги⁵. До сих пор отсутствует и стандартизация качества оказания платных юридических услуг для населения, что нарушает баланс прав и обязанностей между акторами рынка юридических услуг.

В 2003 г. Конституционный Суд РФ разъяснял, что Конституция РФ не уточняет, кем именно должна быть обеспечена квалифицированная юридическая помощь для нуждающегося в ней гражданина, поэтому у населения нет прямой обязанности обращаться только к юристам строго из адвокатского сообщества при возникающей необходимости в такой помощи⁶.

В Российской Федерации действует система государственной бесплатной юридической помощи и параллельно с ней на свободном рынке деловых услуг – негосударственная система бесплатной юридической помощи. Необходимо отметить, что на территории России к категории граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, законодателем отнесены только физические лица: малоимущие и граждане, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, инвалиды I и II группы, дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, и другие группы граждан. Правовое консультирование (устная и письменная форма), составление письменных заявлений, жалоб, ходатайств и иных правовых документов, судебное представительство – вот виды бесплатной юридической помощи в рамках масштабной государственной системы в России в строго установленных законом случаях и имеющие обязательно заявительную форму обращений от определенных категорий граждан⁷.

Таким образом, от государства юридическая помощь и защита для граждан носит строго

⁵ О методических рекомендациях по лицензированию платных юридических услуг : письмо Минюста РФ от 27.12.1995 № 09-17-176-95. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ По жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков “МММ”» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003. №446-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (последняя ред.) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заявительный и сугубо адресный характер в отношении конкретно определенных социально-демографических групп населения в РФ, что также оказывает воздействие и закрепляет административно-территориальный принцип сегментирования рынка платных юридических услуг. Это исходит из регионально-территориального разделения и потребительского спроса на подобные услуги в пределах конкретной административной территории. Более того, имеется точка зрения, что участки мировых судей, где судьи и аппараты мирового суда для исполнения судебной функции закреплены за населением из расчета пределов 15–22 тыс. чел. на участок, и тем самым они территориально на два порядка более близки к участникам товарного рынка [23, с. 77]. Именно низовое звено в единой судебной системе России занимают мировые судьи субъектов РФ и их аппараты суда, которые по территориальному и демографическому признакам находятся наиболее близкими к социуму с его социально-демографическим разделением групп граждан внутри судебных участков⁸. Мировые судьи сверх всякой меры продолжают быть загруженными делами по «своей» подведомственности (и подсудности) [23, с. 77]. Каждый судья независим и подчиняется только конституционным положениям и федеральному закону⁹.

Именно описываемые выше критерии сегментации рынка юридических услуг, как и типовое разделение потребителей, для исследования будет предотвращать образование гиперсегментации и контурсегментации на фоне более емкого потребительского рынка России. Также рынок юридических услуг следует представлять сферой обращения таких услуг, которая определяется исходя из возможности потребителя (и/или исполнителя) реально и без значительных дополнительных затрат приобрести (и/или реализовать) услугу на ближайшей

по отношению к потребителю территории в пределах Российской Федерации. При этом рыночная цена на юридические услуги формируется на рынке при взаимодействии спроса и предложения идентичных (или однородных) услуг в сопоставимых экономических реалиях и коммерческих условиях. Поэтому рыночная цена услуги юридического характера – это цена (или стоимость услуги в денежном выражении), применяющаяся в подобных сделках на оказание услуг с целью получения исполнительской стороной дохода (т. е. прибыли) [24, с. 494–495].

Необходимо указать, что подобная множественная сегментация имеет под собой важный базис исследования функционирования рынка юридических услуг в определении более точных типовых групп потребителей по социально-демографическим показателям, которые с наибольшей вероятностью станут приобретать на локальном уровне юридические услуги в области той или иной отрасли права, либо нескольких отраслей, либо с межотраслевой правовой спецификой. Следует также отметить, что территориальное деление рынка также будет влиять на покупательское поведение каждого конечного потребителя или покупателя (заказчика услуги). При этом следует понимать, что заказчиком услуги могут быть лица, принимающие просто решение о приобретении юридической услуги в пользу конкретного лица согласно его просьбам и поручениям.

Так, образование сегмента локального рынка для развития платных юридических услуг предопределяется фактическим присутствием на территории рыночного сегмента учреждений суда или судов в зависимости от территориальных размеров населенных пунктов. Следовательно, если есть хотя бы одно учреждение суда из российской судебной системы, то предполагается и концентрация не только правоохранительных органов на этой же локальной населенной территории, но и иных акторов рынка, таких как частнопрактикующие юристы и/или адвокаты, которые не только могут входить в систему государственной бесплатной юридической помощи в России или в негосударственную систему, но и участвовать на рынке оказания платных юридических услуг.

Следует обратить внимание и на то, что на улицах в разных городах России некоторая часть коммерческих помещений для ведения юридического бизнеса концентрируются территориально довольно близко к зданиям самих

⁸ О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.02.2025).

судебных учреждений, т. е. в поле зрения потенциальных потребителей, которые обращаются к правосудию или думают обратиться в суд. Таким образом, открытая доступность и расположение исполнителей услуг с маркетинговыми элементами продвижения на рынке в виде вывесок, указателей и других средств воздействия на внимание потребителей могут оказывать на местности непосредственное влияние на процесс выбора специалиста из сферы юриспруденции и принятия решения о заказе услуг.

Законодатель разделяет субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, на физических и юридических лиц и четко указывает на участников государственной системы бесплатной юридической помощи – это органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; Уполномоченный по правам человека в РФ; уполномоченные по правам человека в субъектах РФ; органы исполнительной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро. Адвокаты и нотариусы также могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи¹⁰.

Отметим, что, подобно участкам мировых судей, государственные и частнопрактикующие нотариусы, входящие в свои профессиональные объединения в каждом регионе России, размещаются в нотариальном округе, из расчета численности населения от 15 000 до 30 000 чел.¹¹ Такое институциональное объединение действующих нотариусов России имеет структурную форму саморегулируемой некоммерческой организации, выполняющую функцию обеспечения защиты прав и интересов путем совершения для населения юридически значимых действий, но за оплату госпошлин, установленных в законодательстве.

Так, несмотря на строго заявительный порядок обращения за оказанием бесплатной юридической помощи для определенных социальных групп граждан, следует отметить, что

¹⁰ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Порядок определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе (утв. Решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 18 сентября 2008 г. и приказом Минюста РФ от 26 ноября 2008 г. № 275) с изм. и доп. от 26.12.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

общедоступная в полном объеме бесплатная юридическая помощь для всех слоев граждан страны, в первую очередь, возложена на органы прокуратуры и все ведомства правоохранительных органов, где государство, как «корпоративная структура», возлагает на них важную правоохранительную и контрольно-надзорную функции, что подразумевает под собой методы государственного реагирования на случаи правонарушений, а также как побуждаемые меры государственного процессуального реагирования и регулирования к действию ввиду совершаемых социально наказуемых актов поведения в обществе через ведомственные органы государства. Прокурорский надзор взаимодействует в социальной действительности с социальным контролем. При этом судебная защита и уголовное преследование в России определяют форму бесплатной юридической помощи от государства для населения, и, более того, осуществляется такая форма не только адвокатурой, но также прокуратурой и ее структурно-организационными элементами¹².

Юридические клиники и негосударственные центры помощи поставлены законодателем в статус участников системы бесплатной юридической помощи в России. Но на современном этапе все же основная часть юридической помощи для населения – это платные юридические услуги, и нет официальных данных, которые подтвердили бы, что только усилиями описанных в федеральном законе участников государственной правовой политики оказывается юридическая поддержка в достаточном либо в полном объеме для граждан по стране [25, с. 119].

Государственная программа РФ под названием «Юстиция» (ее ответственный исполнитель – Министерство юстиции РФ) обновлена на федеральном уровне совсем недавно. За 2023 г. в России было зафиксировано почти полмиллиона (483 489) случаев оказания бесплатной юридической помощи посредством участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, и совершенно ясно, что это только в отношении установленных законом категорий граждан. Согласно указываемой госпрограммы, на 2023 г. насчитывалось всего 49 юридических бюро по стране, и государственный регулятор собирается придерживаться политики развития

¹² Деятельность // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (дата обращения: 12.02.2025).

системы бесплатной юридической помощи за счет роста численности государственных юридических бюро, делая ее еще более доступной, но снова только для установленных законом категорий лиц, т. е., по сути, только на льготных основаниях¹³.

Необходимо отметить, что под социальным программированием понимается процесс обоснованного и планового решения актуальных социальных проблем на всех уровнях социальной организации, тем самым это позволяет внедрять в жизнь новые социальные институты, которые способны обеспечить развитие социума и быть гарантом его стабильности [26, с. 418]. По нашему мнению, выбранный курс правовой политики в России, функционирование и взаимодействие социальных институтов приводит к негативным последствиям, которые порождаются дисфункциями институтов власти, права и экономики, а именно: к недостатку правовой помощи для населения со стороны государства; к углублению процесса стратификации общества и неравенству населения в доступности услуг юридического характера, что будет продолжать разворачивать потребительскую активность населения в сторону платных юридических услуг, что уже подтверждается исследованиями в области правового просвещения населения в России [27, с. 149].

Каждый федеральный округ России обладает уникальным социальным климатом и колебаниями потребительского спроса на юридические услуги в отрасли уголовного права и не только. Так, по индикатору общей преступности за 2021 г. была исследована и выявлена числовая последовательность по общностям преступных лиц (мужчин и женщин), выявленных за совершенные ими преступления на территории каждого федерального округа России: 1) ЦФО РФ (170 297 лиц), 2) ПФО РФ (160 322 лиц), 3) СФО РФ (129 742 лиц), 4) ЮФО РФ (92 326 лиц), 5) УФО РФ (83 198 лиц), 6) СЗФО РФ (73 462 лиц), 7) ДФО РФ (71 940 лиц), 8) СКФО РФ (39 443 лиц). Важно указать, что на фоне современной преступности в нашей стране стала получать свое оформление негативная тенденция в социуме: рост преступ-

ности со стороны лиц женского пола именно в социальной группе женщин-преступниц, которые являются гражданками РФ, а не со стороны внешних женщин-мигранток. Так, заметно выделяется наиболее уязвимый социальный слой современного населения страны – группа совершеннолетних россиянок трудоспособного возраста, которые подвергаются наиболее сильному негативному влиянию от падения уровня жизни в нашей стране, а также влиянию иных отрицательных факторов социальной среды, в которой они находятся на территории своих регионов [28, с. 159].

Таким образом, на наш взгляд, общая численность совершенных преступлений на территории федеральных округов является отражением наиболее востребованных и крупных локаций потребительского рынка юридических услуг (но только в узких областях уголовного и уголовно-процессуального права и административного судопроизводства), где к ведению дела допускаются не просто юристы, а юристы, имеющие статус адвокатов с закрепленными за ними регистрационными номерами согласно каждого регионального реестра, которые ведут территориальные подразделения Министерства юстиции РФ. Вместе с тем в стране к апрелю 2023 г. насчитывалось около 85 тыс. юристов, зарегистрированных в статусе адвокатов¹⁴. Такая численность только на первый взгляд может показаться внушительной.

Итак, в России наряду с государственной системой бесплатной юридической помощи функционирует негосударственная, а также юридический бизнес, направленный на извлечение прибыли от оказания юридических услуг для любого типа или категории потребителей, обладающих платежеспособным спросом. На этом рынке взаимодействуют общности адвокатов каждого субъекта РФ, а остальные профессиональные юристы России не в статусе адвоката, выпускающиеся из юридических вузов страны, не подпадают, по своей сути, под государственный контроль со стороны Министерства юстиции РФ или даже под государственный учет, кроме упоминания в публичной статистике Росстата про динамику выручки по данной отрасли на просторах потребительского

¹³ Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция»» (подгот. Минюстом России 07.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁴ В России увеличилось число адвокатов // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/04/21/v-rossii-uvlechilos-chislo-advokatov.html> (дата обращения: 26.01.2025).

рынка, если не ведут официально свой бизнес в этой сфере, т. е., к примеру, они не имеют статус ИП либо самозанятого. В таком случае профессиональная деятельность подобных юристов подпадает под неформальную занятость, а также под социальный феномен – прекариат [29, с. 115].

В таблице представлено сравнение объема платных юридических услуг населению за апрель 2023 г. и апрель 2024 г. с целью сопоставления с рейтингом федеральных округов России по численности преступных лиц, выявленных за совершенные ими преступления на территории каждого за отчетный 2021 г.

Оказание платных юридических услуг населению Российской Федерации за апрель 2023 г. и апрель 2024 г., тыс. руб.

Федеральный округ	Апрель 2024 г.	Апрель 2023 г.
1. ЦФО РФ	4 401 100,1	3 854 585,9
2. ПФО РФ	2 097 068,5	2 002 824,2
3(4). ЮФО РФ	1 482 960,1	1 471 302,0
4(6). СЗФО РФ	1 368 221,8	1 345 822,3
5. УФО РФ	1 122 891,1	1 078 083,9.
6(3). СФО РФ	1 111 521,9	1 027 951,6
7. ДФО РФ	695 611, 8	694 839,2
8. СКФО РФ	473 091,1	409 072,5
Всего по России:	12 752 466, 4	11 884 481,6

Сост. по: Платные услуги населению // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/uslugi> (дата обращения: 15.02.2025).

Так, по официальным данным Росстата, только за апрель 2024 г. в России платные услуги населению были оказаны на сумму в 1 378 884 396,1 тыс. руб. Среди них сумма оказанных юридических услуг для населения страны составила в денежном выражении 12 752 466,4 тыс. руб., что менее 1% от общей суммы всех оказанных платных услуг для населения за указываемый календарный месяц года¹⁵.

Из представленных данных видно, что в апреле 2024 г. уже становится заметен рост платных юридических услуг, который составил 6,8% к прошлому периоду, но также обнаруживается и то, что объем реализуемых платных юридических услуг (в рублях) с рейтингом наиболее криминальных федеральных округов России не совпадает только в некоторой его части. Так, в пятерку наиболее криминогенных федеральных округов за 2021 г. входят следующие федеральные округа России: ЦФО РФ, ПФО РФ, СФО РФ, ЮФО РФ; УФО РФ [28, с. 159]. Но в проекции к объему платных юридических услуг следует отметить, что Южный федеральный округ РФ

поднимается по динамике оказания платных юридических услуг населению, а криминогенный Сибирский федеральный округ, наоборот, спускается до шестого места, освобождая позицию выше даже перед Уральским федеральным округом РФ. Также примечательно, что Северо-Западный федеральный округ с Уральским тоже меняются местами, но в остальном можно сделать практический вывод, что востребованность платных юридических услуг по федеральным округам в рейтинге от Росстата все же заметно совпадают с округами, обладающими повышенной криминогенной обстановкой на местах в регионах.

Еще одним ключевым актором рынка юридических услуг является адвокатура – профессиональная корпорация юристов России. Примечателен тот факт, что в ней все палаты адвокатов (как федеральная, так и субъектов РФ) сами по себе не входят ни в систему органов местного самоуправления, ни в госорганы, но являются субъектами формирования правовой политики в государстве¹⁶.

¹⁵ Платные услуги населению // Росстат : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/uslugi> (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁶ О Федеральной палате адвокатов РФ // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://fparf.ru/fpa-rf/about/> (дата обращения: 21.02.2025).

При этом адвокатура, повторяя административно-территориальное деление и охват по разветвлениям единой системы судебных учреждений страны, оказывает наиболее сильное влияние на функционирование рынка юридических услуг, так как фактическое присутствие учреждений отправления российского правосудия в субъекте РФ предполагает также фактическое присутствие адвокатов и/или юристов на местах. Важно указать и на то, что до введения действующих на сегодня положений о бесплатной юридической помощи адвокатское сообщество было уполномочено государством оказывать консультационную правовую помощь населению, а также помощь в составлении правовых документов, в том числе и по гражданско-правовым спорам и вопросам (т. е. за пределами только уголовного и уголовно-процессуального судопроизводства). Но государство приняло решение уйти от принятого положения дел в сфере оказания юридической помощи населению страны при помощи исключительно юристов со статусом адвоката, отпустив их в свободное плавание по течению рынка юридических услуг [30, с. 40].

Остановимся на некоторых деталях регионального потребительского рынка юридических услуг и рассмотрим особенности его функционирования на примере одной крупнейшей территориальной области, а именно Приволжского федерального округа РФ. С января 2012 г. в ПФО было принято более 60 нормативных правовых актов по вопросам оказания юридической помощи [31, с. 141]. Перечень лиц, которые имеют право на получение бесплатной юридической помощи, был расширен практически во всех субъектах территории ПФО РФ, в том числе в Саратовской области [32]. К примеру, такая категория лиц пополнилась пострадавшими по проблемным объектам строительства на территории Саратовской области¹⁷. Для населения не только г. Саратова, но и шести населенных пунктов области в рамках проекта развития системы бесплатной юридической помощи и правового просвещения в регионе функционирует современный региональный фонд «Общество

и право», который сотрудничает с Юридической клиникой СГУ им. Н. Г. Чернышевского¹⁸.

Саратовский регион входит в ПФО РФ, который с небольшим числовым отрывом по количеству выявленных преступных лиц за отчетный 2021 г. по России находился на втором месте после Центрального федерального округа РФ [28, с. 159]. Необходимо отметить, что на российском портале «Суд.ру» отражена статистика лиц в статусе судей и адвокатов России. Согласно указываемому источнику, к примеру, в Саратовской области действуют 1107 адвокатов и 679 судей¹⁹. При этом согласно списку адвокатов Саратовской области, участвующих в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи гражданам в рамках ст. 20–21 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», общая численность адвокатов Саратовской области, входящих в указываемую систему правовой помощи, составляет только 134 адвоката, а 49 из них оказывают такую помощь непосредственно в черте г. Саратова и его городских районах, а остальные адвокаты из списка рассредоточены по иным районным центрам. Юридическая практика адвокатов региона осуществляется под формами организации юридической деятельности: коллегия адвокатов, адвокатское бюро, адвокатский кабинет²⁰. Более того, адвокаты Саратовской области могут оказывать бесплатную юридическую помощь только в тех населенных пунктах, где отсутствуют подразделения юридических бюро от государства [31, с. 142]. При этом расчет оплаты труда адвокатов и иных субъектов в регионе по программе бесплатной юридической помощи для населения значительно ниже даже среднерыночных значений. Так, в рамках оказания юридической помощи населению Саратовской области стоимость денежного возмещения юристу за судебное представительство за один день в суде

¹⁸ Бесплатная юридическая помощь в Саратовской области // Саратовский региональный общественный фонд поддержки гражданских инициатив «Общество и право» : [сайт]. URL: <http://srofpgi.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshh.html> (дата обращения: 24.02.2025).

¹⁹ Список адвокатов Саратовской области // Суд.ру : [сайт]. URL: <https://sud.ru/id11700/lawyers?ysclid=lxvr9n2pzt658145490> (дата обращения: 25.02.2025).

²⁰ Закон о бесплатной юридической помощи // Адвокатская палата Саратовской области. АПСО : [сайт]. URL: <https://ap64.ru/documents/БЮП%2017.06.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).

¹⁷ Об оказании бесплатной юридической помощи в Саратовской области : закон Саратовской области от 23.04.2012 № 63-ЗСО (с изм. и доп. от 02.10.2024) // Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: https://saratov.gov.ru/gov/auth/komregul/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/?clear_cache=Y (дата обращения: 21.02.2025).

и вне зависимости от количества потраченных часов в учреждении составляет всего лишь 1500 руб. из регионального бюджета²¹. Но по рынку юридических услуг г. Саратова стоимость одного выезда в суд ограничением до 2 часов для юриста составляет от 8000 руб.²²

Следовательно, становится очевидным, что из-за такой низкой оплаты стоимости юридических услуг по бесплатной юридической помощи населению на территории региона только каждый 9-й профессиональный юрист в статусе адвоката из действующего реестра адвокатов Саратовской области входит в государственную систему бесплатной юридической помощи. Также, по мнению и региональных властей, оказываться такая государственная услуга может только строго установленным социальным группам граждан.

Институт образования участвует также в удовлетворении потребности населения в юридических услугах. Так, на 2015 г. на территории Саратовской области среди участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи насчитывалось всего лишь семь юридических клиник, функционирующих при вузах²³. В настоящий момент на сайте Минюста Саратовской области свежая информация и данные о заявленных клиниках открыто не отображаются. В Саратовском регионе располагается один из наиболее известных юридических вузов страны, выпускающих специалистов в области юриспруденции, – Саратовская государственная юридическая академия. Общеизвестно, что история основания данного вуза связана с юридическим факультетом СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Сегодня при академии продолжает функционировать Юридическая клиника, которая локально оказывает бесплатную юридическую помощь

гражданам по их обращениям²⁴. Как правило, к работе на добровольной основе привлекаются студенты старших курсов и преподаватели вуза [31, с. 142]. Косвенно мы можем считать, что это отражается на качестве оказываемых услуг юридического характера. Неслучайно результаты опросов населения в России указывают, что обращающиеся за помощью в такие юридические клиники сталкиваются с низким качеством предоставляемых юридических услуг, поэтому основная часть населения все же прибегает к платным услугам юридических фирм [27, с. 149].

На сайте-поисковике «HARANT» отмечается текущая численность специалистов в области юриспруденции на территории г. Саратов, которая насчитывает уже свыше 2444 юристов, готовых предоставлять юридические услуги потребителям²⁵. Необходимо отметить, что, по данным Саратовстата, на 1 января 2024 г. численность постоянного населения Саратовской области составляла 2 385 163 чел., а в Энгельсском районе – 304 713 чел. Городской округ г. Саратов до сих пор не является миллионником, и при численности на январь 2024 г. в 937 364 чел. доля юристов только на городское население составляет менее трети процента, или 0,26%²⁶.

Следует отметить и то, что Адвокатская палата Саратовской области не входит в число признанных в России многочисленными адвокатских образований страны, таких как адвокатские палаты в г. Москве, Московской области, г. Санкт-Петербурга, Ростовской области или Краснодарского края. Что также подтверждается объемом реализации платных юридических услуг согласно рассмотренным выше статистическим данным от Росстата. Как отмечалось нами ранее, в стране на апрель 2023 г. действовали почти 85 тыс. адвокатов. Однако такое число членов сообщества адвокатов не кажется огромным при сравнении с показателями общей преступности по России. Так, в России за десять лет, с 2011 по 2021 г., числен-

²¹ Вопросы оказания бесплатной юридической помощи в Саратовской области : постановление Правительства Саратовской области от 21.02.2013 № 82-П (с изм. и доп. от 31.01.2025.) // Министерство труда и социальной защиты Саратовской области : [сайт]. URL: https://social.saratov.gov.ru/tematicheskie_sajty/besplatnaja_juridicheskaja_pomoshh/laws/ (дата обращения: 24.02.2025).

²² Юридические услуги Саратовского Департамента Судебных Экспертиз (СДСЭ). Прайс // СДСЭ : [сайт]. URL: https://sardep.ru/content/prais_yuridicheskie_uslugi.html (дата обращения: 24.02.2025).

²³ Куда обратиться: юридические клиники // Министерство труда и социальной защиты Саратовской области : [сайт]. URL: https://social.saratov.gov.ru/tematicheskie_sajty/besplatnaja_juridicheskaja_pomoshh/juridicheskie_kliniki/ (дата обращения: 24.02.2025).

²⁴ Юридическая клиника // ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия» : [сайт]. URL: <https://lc.ssla.ru/home/obshchaya-informatsiya> (дата обращения: 24.02.2025).

²⁵ Юристы Саратова (2 444) // HANTANT. Поиск юристов. URL: <https://harant.ru/lawyers/saratov/> (дата обращения: 26.01.2025).

²⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области // Саратовстат : [сайт]. URL: <https://64.rosstat.gov.ru/dem#> (дата обращения: 05.02.2025).

ность осужденных по судебным приговорам и отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых по различным срокам заключения сократилась с 639 626 до 352 573 чел. (или на 81,4%) [33, с. 239]. При том что за полный отчетный период только на 2020 г. официально было выявлено 852 506 лиц, совершивших преступления, из которых 492 107 чел. ранее уже совершали уголовно-наказуемые преступления на территории России. За 2021 г. было выявлено 848 320 лиц, из них 493 813 чел. – преступники-рецидивисты. Но общая численность зарегистрированных уголовных деяний уже почти как десятилетие переходит порог в 2 млн преступлений за каждый отчетный год, согласно статистическим данным от Генеральной прокуратуры РФ [34, с. 166].

В России именно адвокатская помощь, как вид юридической услуги, во время уголовного преследования или на стадии уголовного судопроизводства занимает обособленный вид профессиональной деятельности в области юриспруденции, и у нас в стране она оказывается и на возмездной, и на безвозмездной основе. Следовательно, при таком состоянии и тенденциях общей преступности в России на каждого действующего юриста в статусе адвоката приходится в среднем 10 чел. (потенциальных заказчиков), которым на официальном уровне требуется адвокатская помощь по всей стране или, можно сказать, что требуется конкретная юридическая услуга от адвоката или профессионального юриста в зависимости от возникшей юридической проблемы.

Описанные выше негативные тенденции в российском обществе становятся наиболее заметными на примере отраслей уголовного и уголовно-процессуального права за счет открытой публичной информации, но закрытый и разветвленный отраслевой рынок юридических услуг имеет множество граней и аспектов экономического поведения, которые влияют на функционирование институтов экономики, власти и права. Министерству юстиции РФ и его ведомственным подразделениям не отданы контролирующие полномочия над действующим сообществом профессиональных юристов без статуса адвокатов в России, но которые напрямую взаимодействуют с потребителями и функционируют на рынке юридических услуг. Несмотря на то, что по госпрограмме «Юстиция» присутствие юридических бюро

в регионах будет возрастать, все же остается острым вопрос об их финансировании, так как они находятся в ведении субъектов РФ, и финансовая нагрузка может быть им не по силам в ряде регионов из-за более низкого и стагнационного уровня социально-экономического развития.

Итак, практический вывод: исследование модели институционального взаимодействия рынка юридических услуг на макро- и микроуровнях позволило выявить определенные дисфункциональные состояния:

- продолжающееся со стороны государства дерегулирование рынка платных юридических услуг;

- отсутствие стандартизации качества платных услуг юридического характера;

- снятие контроля со стороны государственных ведомств за деятельностью исполнителей юридических услуг;

- недостаточность действий правового просвещения населения со стороны государства и органов власти на местах, пробелы в правовом сознании у населения в части работы с профессиональными юристами;

- отсутствие системы профилактики правонарушений и мер воздействия на правовое поведение общества при работе с юристами;

- недостаточное финансирование и слабая вовлеченность органов власти на местах по решению проблем оказания бесплатной юридической помощи населению, которая оказывает прямое воздействие на правовую систему страны в целом и рынок юридических услуг в частности. Так, на платные юридические услуги социальный запрос сохранится, а дисфункции социальных институтов будут приводить к последствиям, еще более ощутимым для населения. Таким образом, требуется дополнительный фокус научного внимания на экономическое поведение акторов рынка юридических услуг с целью разработки практических рекомендаций по оздоровлению отечественной правовой системы и юридической защите населения.

Список литературы

1. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика : в 2 т. ; пер. с англ. 11-го изд. М. : Республика, 1992. Т. 1. 399 с.
2. Журавлева Г. П., Смагин И. И., Дорош А. А. Благо-состояние как императив формирующейся хо-

- зайственной системы нового типа / авт. проекта Г. П. Журавлева. М. : [б. и.] ; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 460 с. (Научная школа «Экономическая теория» в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова; Вып. 5).
3. Захаров Н. И. Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда. М. : ИНФРА-М, 2018. 213 с. (Научная мысль).
4. Брушкова Л. А., Дудина О. М. Социология институтов и организаций : учебник. М. : Прометей, 2022. 326 с.
5. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 808 с. (Социологическая мысль Запада).
6. Веблен Т. Б. Теория праздного класса : пер. с англ. М. : Прогресс, 1994. 367 с. (Экономическая мысль Запада).
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана ; примеч. В. В. Сапова. М. : Канон+, 1996. 432 с. (История социологии в памятниках).
8. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
10. Биггарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 5. С. 49–58.
11. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 69–91.
12. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : КНОРУС, 2016. 268 с. (Бакалавриат и магистратура).
13. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 624 с.
14. Олейник А. Н. Институциональный трансферт: субъекты и ограничения (российский случай в глобальном контексте) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 2. С. 49–57.
15. Радаев В. В. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 117–132.
16. Яковлев А. М. Социальная структура общества и право : учеб. пособие. М. : Норма, 2012. 368 с.
17. Одегов Ю. Г., Кулапов М. Н., Ильин О. И., Леде-нев С. В., Тарханов А. В. Экономический словарь для специалистов по рыночной экономике. М. : Изд-во Рос. экон. акад., 2006. 664 с.
18. Смирнов А. И., Королева Е. В. Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации // Юридическая наука. 2020. № 4. С. 121–129.
19. Земляченко Я. В. Ответственность за недостатки товаров, работ и услуг. Практика применения и современные тенденции развития // Пролог: журнал о праве. 2023. № 2 (38). С. 45–53. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2023.2.5>, EDN: VFEDDE
20. Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2006. 496 с. (Высшее образование).
21. Сурменова Е. И. Критерии эффективности способов защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 278–284. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-4-278-284>
22. Барткова О. Г. О недобросовестности лиц, оказывающих юридические услуги, в контексте современного состояния частно-правового и публично-правового регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 103–113. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2024.1.103>
23. Клеандров М. И. Институт юридической службы в предпринимательстве. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 176 с.
24. Законодательные дефиниции : энциклопедический словарь / под ред. И. В. Рукавишниковой, И. Г. Напалковой, Д. Е. Сухановой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 672 с.
25. Серова О. Ю. Мониторинг оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Вестник науки. 2020. Т. 2, № 12 (33). С. 113–123. EDN: MJVFHR
26. Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 489 с.
27. Криворотова Т. А. Правовое просвещение как инструмент вовлечения населения в решение задач нацпроектов на территории муниципальных образований Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 143–153. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_3_143
28. Письменная Е. Е., Русанова Е. И. Девиантное поведение мигрантов и лиц без гражданства в России: динамика и структура миграционной преступности, механизмы межстрановой регуляции // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 4. С. 153–166. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-153-166>
29. Воронин Г. Л., Крамер А. Д. Прекариат: социологический анализ нового социального феномена // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 111–121. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_4_111

30. Зеленский П. А. Развитие системы бесплатной юридической помощи в России: проблемы и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 1. С. 39–46. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-1-39-46>
31. Худойкина Т. В. Формирование системы бесплатной юридической помощи в регионах Приволжского федерального округа // Регионоведение. 2014. № 1. С. 139–146.
32. Авершин В. В. Отдельные проблемы доступности для граждан бесплатной юридической помощи (на примере Приволжского федерального округа) // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 4. <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 05.02.2025).
33. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Русанова Е. И. Осужденные женщины, пребывающие в исправительных колониях: социально-демографическая структура и проблемы социальной адаптации. Социология преступности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 7, № 2. С. 233–265. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2>
34. Ростовская Т. К., Русанова Е. И. Женская преступность в России: состояние, тенденции, последствия // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 1. С. 163–174. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-1-163-174>

Поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025;
принята к публикации 15.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025;
accepted for publication 15.05.2025; published 29.08.2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 303–313

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 303–313

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313>

EDN: КМЕННО

Научная статья

УДК 32.019.52

Три года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте влияния медиа)

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

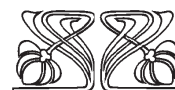
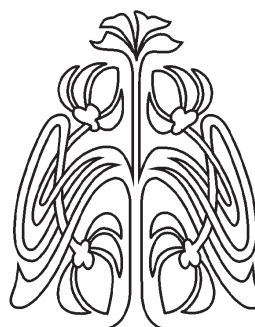
Аннотация. Несмотря на достаточно большой объем внимания, уделяемого отношению молодежи к специальной военной операции (далее – СВО), роль массмедиа в формировании установок данной возрастной группы анализируется не так часто. Между тем именно это во многом предопределяет восприятие происходящего молодыми людьми. В этой связи целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, стало выявление динамики отношения молодежи к СВО в контексте присущих ей медиапрактик. Эмпирической базой анализа стали данные ежемесячных замеров, осуществлявшихся с марта 2022 г. по март 2025 г. Левада-Центром (признан в России иноагентом), а также трех онлайн-анкетирований ($n = 3796$) и серии фокус-групповых интервью с участием молодежи ($n = 110$), проведенных в ноябре 2022, 2023 и 2024 гг. сотрудниками кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Выяснилось, что большая часть молодежи не очень внимательно следит за тем, что происходит в рамках СВО, в целом поддерживает действия России в этом конфликте, однако уровень этой поддержки ниже, чем у представителей более старших поколений. Основными причинами этого являются деидеологизация образования, слом системы патриотического воспитания подрастающего поколения, а также присущие ему практики медиапотребления, делающие молодежь фактически не досягаемой для формируемых властью политических нарративов. Сформулированы конкретные рекомендации по тому, каким образом можно добиться более осознанного и лояльного отношения молодых людей к спецоперации.

Ключевые слова: специальная военная операция, СВО, молодежь, Россия, Украина, политическое сознание, политическое поведение, медиапрактики, медиапотребление

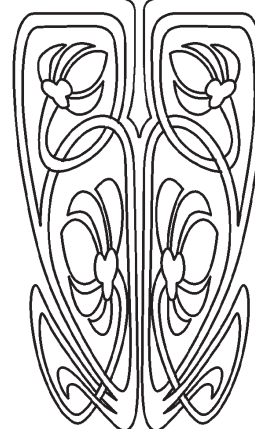
Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания № 124011800068-5 по теме «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции».

Для цитирования: Казаков А. А. Три года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте влияния медиа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 303–313. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313>, EDN: КМЕННО

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

**Two years of Special Military Operation:
Dynamics of changes in the attitude of youth (within the context of media influence)**

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. Despite the considerable attention paid to the attitude of young people towards special military operation (hereinafter referred to as SMO), the role of mass media in shaping the attitudes of this age group is not analyzed very often. Meanwhile, this is precisely what largely determines how young people perceive what is happening. In this regard, the aim of the study, the results of which are presented in this article, was to identify the dynamics of young people's attitudes towards SMO in the context of their inherent media practices. Empirical basis for the analysis was the data from monthly measurements carried out from March 2022 to March 2025 by the Levada Center (recognized as a foreign agent in Russia), as well as three online questionnaires ($n = 3796$) and a series of focus group interviews with young people ($n = 110$) conducted in November 2022, 2023 and 2024 by employees of the Department of Political Science of Saratov State University. It turned out that most young people do not closely follow what is happening within the framework of SMO, in general they support Russia's actions in this conflict, but the level of this support is lower than that of representatives of older generations. The main reasons for this are the de-ideologization of education, breakdown of the system of patriotic education of the younger generation, as well as the inherent media consumption practices that make young people virtually inaccessible to the political narratives formed by the authorities. Specific recommendations are formulated on how to achieve a more conscious and loyal attitude of young people to the special operation.

Keywords: special military operation, SMO, youth, Russia, Ukraine, political consciousness, political behavior, media practices, media consumption

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of state assignment No. 124011800068-5 "The influence of media practices on the political consciousness of Russian youth: features, trends, possibilities for correction".

For citation: Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth (within the context of media influence). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 303–313 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313>, EDN: KMEHNO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция России на Украине стала одним из важнейших событий как минимум текущего десятилетия. При этом она существенно повлияла не только на две непосредственно вовлеченные в нее страны, но и на многие другие государства, так или иначе оказавшиеся втянутыми в вооруженный конфликт.

Среди многочисленных аспектов данного противоборства особняком стоит отношение к СВО граждан России. Несмотря на то, что большая часть населения нашей страны в целом поддержала проведение спецоперации, данный процесс заложил еще одно основание для разделения российского общества. Для части россиян он и вовсе стал причиной (или, возможно, поводом) для эмиграции.

Среди всех социальных страт в наиболее сложном положении, на наш взгляд, оказалась молодежь. И не только, кстати, потому, что в боевых действиях непосредственно участвуют преимущественно молодые люди. У тех, кого СВО напрямую не затронула, также возникли определенные трудности, в первую очередь связанные с необходимостью формулирова-

ния собственного отношения к происходящим событиям. Отсутствие богатого жизненного опыта, последствия деидеологизации системы образования в конце XX и начале XXI вв., глубокое проникновение западных либеральных, индивидуалистических, потребительских ценностей в массовую культуру и повседневную жизнь россиян, особенности медиапотребления и медиапрактик молодых людей стали теми факторами, которые во многом обособили молодежь в плане ее восприятия СВО от основной части российского социума.

Теоретический анализ

По мере того, как стало понятно, что СВО не закончится быстро, отечественные ученые начали анализировать самые различные грани данного феномена. Одним из наиболее востребованных среди них сюжетов стала реакция населения на этот конфликт. При этом отношение молодежи к происходящему вполне ожидаемо привлекло к себе повышенное внимание исследователей.

Так, например, отдельно анализируются особенности социального самочувствия молодых людей в условиях вызванной СВО неопре-

деленности [1]. В частности, делается вывод о том, что повышенный уровень переживаемого стресса заставляет молодежь сокращать горизонт планирования и актуализировать миграционные установки [2]. Исследуются различные факторы формирования отношения людей к СВО [3, 4], предпринимаются попытки выявления динамики восприятия происходящих событий [5]. Что характерно, чаще всего для этого используются материалы всероссийских опросов, проведенных федеральными социологическими структурами, а также собственных массовых анкетирований, фокус-групповых интервью [6] и даже студенческих эссе [7].

Достаточно часто проблематика СВО затрагивается в контексте гражданской идентификации и патриотического воспитания подрастающего поколения [8–10]. Среди прочего отечественные исследователи отмечают, что, будучи наиболее радикальной и импульсивной частью общества, которая разделяет ценности потребительского пацифизма и не готова нести издержки и жертвы во имя государственных целей, российская молодежь рискует оказаться жертвой манипуляций антигосударственных сил [11, 12]. Вместе с тем параллельно фиксируются и робкие тенденции формирования новой, более патриотической по своему характеру политической идентичности молодых россиян [13–15].

Отдельный блок исследований посвящен различным аспектам политического поведения и участия молодежи [16], в частности – набирающим среди данной возрастной категории все большую популярность добровольческим практикам¹ [17]. Весьма интересным в этом плане представляется вывод, к которому приходит А. В. Анищенко. По его мнению, в настоящий момент можно говорить о существовании двух во многом противоположных друг другу групп населения: потенциально готового к эмиграции протестного меньшинства и поддерживающего руководство государства патриотически настроенного большинства, охотно принимающего участие в благотворительной и волонтерской деятельности [18, с. 36].

Нужно заметить, что, несмотря на достаточно большой объем внимания, уделяемого

отношению молодежи к событиям в рамках СВО, роль массмедиа в формировании установок данной возрастной группы анализируется не так часто [19–21]. Между тем, полагаем, именно это во многом предопределяет восприятие происходящего молодыми людьми. В данной связи целью нашего исследования стало выявление динамики отношения молодежи к СВО в контексте присущих ей медиапрактик.

Эмпирическая база исследования

Социологические замеры реакции россиян на СВО проводятся регулярно, однако не всегда в открытый доступ выкладываются результаты с разбивкой по возрастным группам. В частности, ВЦИОМ периодически проводит соответствующие исследования, но на своем официальном сайте публикует лишь обобщенные данные – по всем респондентам, вне зависимости от их возраста².

Фонд «Общественное мнение» четырежды измерял отношение граждан к СВО, однако делал это до 20 марта 2022 г.³, после чего выяснял отношение людей лишь к отдельным событиям в ходе спецоперации⁴. И только Аналитический центр Юрия Левады (далее – Левада-Центр, признан в России иностранным агентом) проводит опросы на эту тему каждый месяц и выкладывает подробные результаты, упорядоченные в том числе по возрастному принципу. Именно поэтому далее будут приводиться результаты замеров, проведенных сотрудниками Левада-Центра в период с марта 2022 г. по март 2025 г. (на момент написания статьи это были самые свежие данные).

Помимо этого, эмпирическую базу нашего исследования составили также результаты самостоятельно проведенных онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью, в ходе которых среди прочего уточнялись отдельные моменты, оставшиеся за рамками внимания специалистов Левада-Центра. В ноябре 2022, 2023 и 2024 гг. сотрудниками кафедры политических наук СГУ имени Н. Г. Чернышевского в

² Специальная военная операция: два года спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-sputstja> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Украина. Опрос 20 марта (2022). URL: <https://fom.ru/Politika/14706> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Взятие российскими военными Артёмовска (Бахмута). URL: <https://fom.ru/Politika/14886> (дата обращения: 20.04.2025).

¹ Роль молодежи в поддержке мобилизованных и СВО: обзор экспертных мнений. URL: <https://actualcomment.ru/rol-molodezhi-v-podderzhke-mobilizovannykh-i-svo-obzor-ekspertnykh-mneniy-2211101750.html> (дата обращения: 05.04.2025).

общей сложности были опрошены 3796 человек в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих в 65 субъектах Российской Федерации. Онлайн-анкеты включали в себя по 30 вопросов. При формировании выборочной совокупности использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания респондентов. В результате среди опрошенных оказалось 54,5% женщин и 45,5% мужчин; 53,9% из них проживали в центрах субъектов Российской Федерации, 37,3% – в районных центрах, 8,8% – в сельской местности.

Статистическая погрешность при нашей выборке (с доверительным интервалом 0,95) не превышает 3,4% для показателей, близких к 50%; 2,9% для показателей, близких к 25/75%; 2,0% для показателей, близких к 10/90%; 1,5% для показателей, близких к 5/95%.

После статистической обработки результатов онлайн-анкетирования в программе SPSS ежегодно возникала потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого в декабре 2022, 2023 и 2024 гг. организовывались и проводились по три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 110 молодых человек (36 в 2022 г., 38 в 2023 г. и 36 в 2024 г.). Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики российской молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о причинах сформированного у них отношения к СВО.

В данном случае мы исходим из того, что проведенное таким образом исследование в целом позволяет выявить общие особенности отношения молодых людей к спецоперации. Более того, учитывая тот факт, что по своим демографическим, социально-экономическим и политическим характеристикам Саратовская область (жители которой составили порядка 65% всех респондентов, принявших участие в онлайн-анкетированиях) считается типичной российской провинцией, можно говорить о том, что характеристики, присущие проживающей в ней молодежи, могут быть свойственны основной массе молодых людей большинства других регионов страны.

Заметим также, что результаты исследования отношения российской молодежи к СВО по итогам первого и второго годов ее проведения изложены в более ранних публикациях автора [22, 23].

Результаты

Для начала обратимся к данным об уровне интереса молодых людей к СВО. Как уже отмечалось, на сайте Левада-Центра результаты опросов представлены с разбивкой по возрастам. При этом к категории молодежи там относятся две группы – 18–24 и 25–35(39) лет. На рис. 1–3 представлены средние арифметические значения этих двух категорий, показанные в динамике – начиная с марта 2022 г. и заканчивая мартом 2025 г.

Очевидно, что молодежь не проявляет большого интереса к тому, что происходит в рамках СВО. На протяжении первых трех лет ее проведения самым распространенным ответом на вопрос «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?» с осязательным отрывом был вариант «Без особого внимания». Вторым по популярности ответом долгое время достаточно уверенно являлось «Довольно внимательно», однако с конца 2024 г. число выбравших эту опцию респондентов фактически сравнялось с долей тех, кто вообще не следит за тем, что происходит. Очень же внимательно за спецоперацией наблюдают лишь порядка 10% молодых людей.

Причем, если посмотреть на линии трендов, то можно легко заметить, что варианты «Без особого внимания» и «Вообще не слежу» с течением времени демонстрируют тенденцию к росту, а «Довольно внимательно» и «Очень внимательно» – к понижению. В ходе фокус-групповых интервью мы интересовались у респондентов, почему так происходит. Самыми распространенными ответами вполне ожидаемо стали усталость от вооруженного конфликта и отсутствие каких-либо действительно значимых событий. При этом нетрудно видеть, что как только на фронте или в политической сфере происходит что-то важное или экстраординарное, интерес молодежи на какое-то время возрастает. Так было, например, в сентябре 2022 г. (когда проходили референдумы о вхождении в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей), с апреля по июль 2023 г. (активная фаза контрнаступления ВСУ) и в августе–октябре 2024 г. (бои в Курской области).

В целом же, если сравнивать с другими возрастными группами, молодежь интересуется происходящим ощутимо меньше. Судя по все-

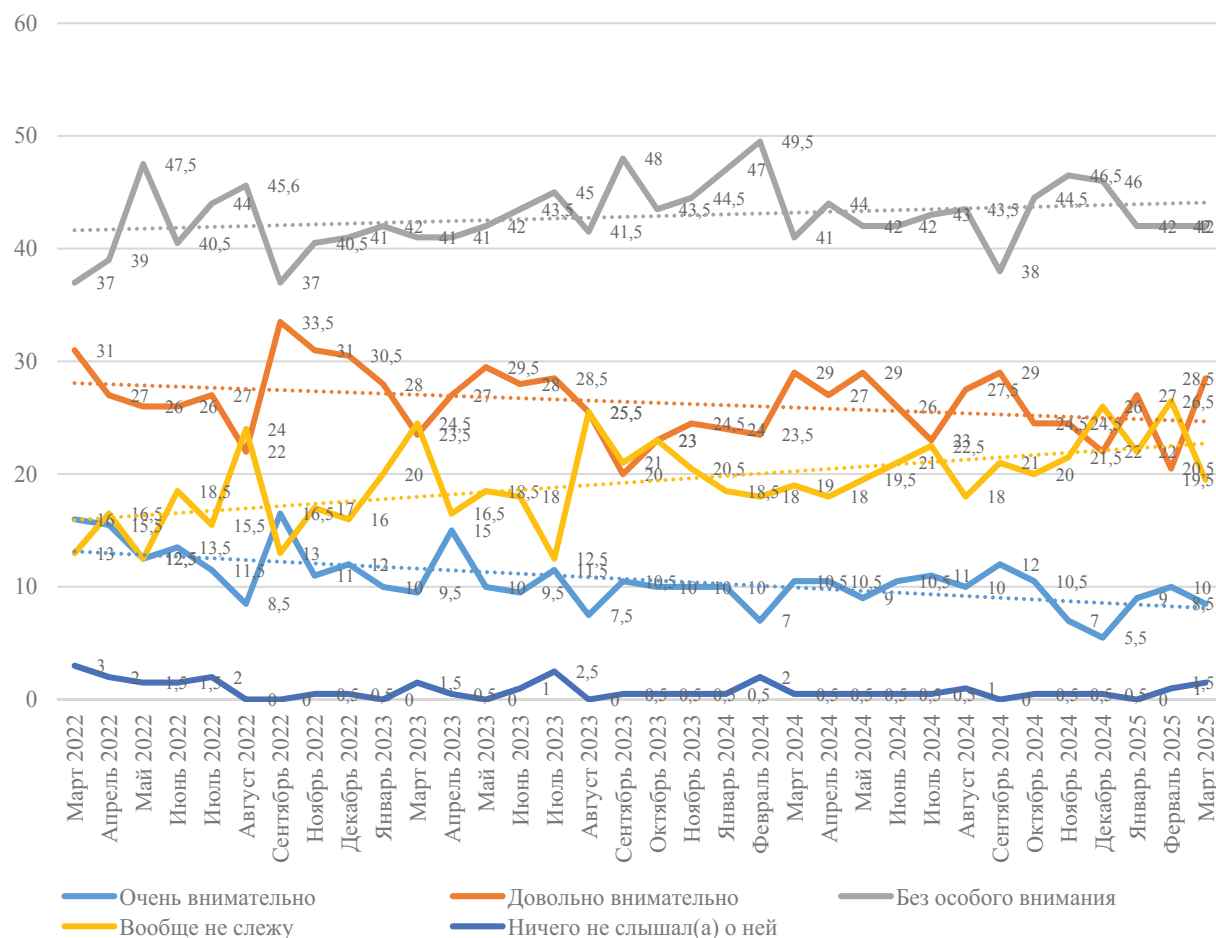

Рис. 1. «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?», % опрошенных (цвет онлайн)

му, молодые люди в полной мере не осознают важности ситуации. По крайней мере, в тех случаях, когда это не затронуло их напрямую. Скорее всего, сказывается в данном случае и то, что распространенные в молодежной среде медиапрактики и особенности медиапотребления делают юношей и девушек гораздо менее подверженными тем нарративам и информационным повесткам, которые транслируются в традиционных СМИ. И по результатам многочисленных федеральных замеров, и по данным наших собственных опросов доля молодежи, узнающей о событиях в стране и мире из Интернета, составляет от 93 до 98%. При этом чаще всего для поиска новостной информации используются социальные сети и мессенджеры – площадки, на которых российская власть работает пока не так активно и эффективно, как, например, в теле- или радиоэфире.

Однако, несмотря на это обстоятельство, среди молодежи все же больше тех, кто в той или иной степени поддерживает действия нашей

страны в конфликте с соседним государством. Хотя уровень поддержки, так же как и в случае с интересом к происходящему, среди молодых людей ниже, чем среди более старших граждан. Так, например, в марте 2025 г. определенно поддерживали действия российских вооруженных сил в Украине 45% граждан в возрасте 40–54 лет и 61% россиян 55 лет и старше⁵.

Любопытно, что, по данным Левада-Центра, наибольший уровень поддержки наблюдается у тех респондентов (вне зависимости от возраста), которые доверяют телевидению как источнику информации (58%), а наименьший – у тех, кто доверяет социальным сетям (41%) и ютуб-каналам (27%). Промежуточный результат демонстрируют поклонники интернет-изданий

⁵ Конфликт с Украиной в марте 2025 года: внимание и главные события, поддержка военных, отношение к переговорам и предложению о тридцатидневном перемирии. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/01/konflikt-s-ukrainoj-v-marte-2025-goda-vnimanie-i-glavnye-sobytiya-podderzhka-voennyh-otnoshenie-k-peregovoram-i-predlozheniyu-o-tridsatidnevnom-peremirii/> (дата обращения: 20.04.2025).

и телеграм-каналов – по 47%. Частота просмотров новостей по телевизору тоже влияет на уровень поддержки: среди тех, кто делает это ежедневно, по несколько раз в день, поддерживают действия России 64%, практически каждый день – 55%, хотя бы раз в неделю – 44%, реже, практически никогда – 33%⁶.

На наш взгляд, подобные расклады являются убедительным свидетельством того, что на отношение молодых людей к происходящему в мире политики серьезным образом влияет то, откуда они черпают информацию: практически не смотря телевизор, молодежь менее подвержена влиянию официальной позиции государства и, соответственно, более скептически относится к тому, что происходит в рамках СВО.

⁶ См.: Конфликт с Украиной в марте 2025 года...

Представленные на рис. 2 линии трендов указывают на то, что с течением времени отношение к СВО едва заметно меняется у молодежи к лучшему. Иными словами, даже находясь по большей части «вне зоны достижимости» провластных нарративов, молодые люди постепенно становятся более лояльно настроенными по отношению к происходящему. Хотя, вполне возможно, такое незначительное улучшение восприятия СВО как раз и является результатом меньшей подверженности интересующей нас возрастной группы государственной точке зрения: будь это влияние осязтимее, более заметным мог быть и рост одобрения действий российских военных.

Заметно отличается мнение молодежи и по вопросу о том, что в рамках спецоперации делать

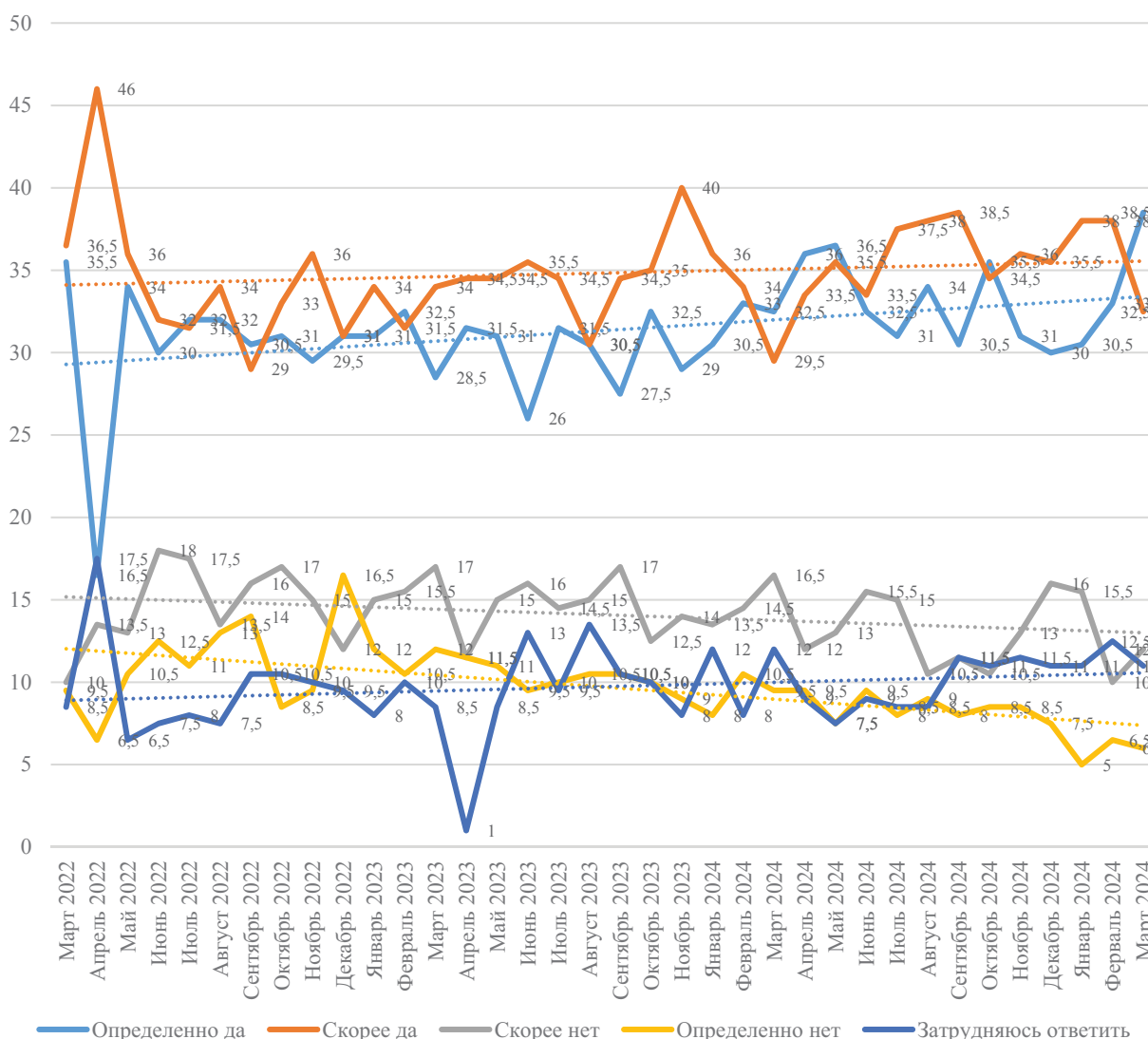

Рис. 2. «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?», % опрошенных (цвет онлайн)

дальше. Так, в марте 2025 г. убежденных сторонников продолжения боевых действий среди молодых людей было почти в два раза меньше, чем среди людей старше 55 лет (15% против 29%).

В целом же среди молодежи преобладает мнение, что так или иначе нужно стремиться завершить конфликт мирными переговорами. В этом отношении молодые граждане солидарны с совокупной позицией всего российского общества, разница заключается лишь в том, что противников продолжения боевых действий среди них больше. При этом обращает на себя внимание разнонаправленное движение линий трендов: число убежденных сторонников начала мирных переговоров постепенно снижается,

а «умеренных» – растет. Что же касается тех, кто выступает за продолжение спецоперации, то их доли с течением времени сокращаются.

Растет и количество респондентов, затрудняющихся ответить на данный вопрос. Причем эта тенденция наблюдается и в отношении поддержки действий российских военных. Получается достаточно странная ситуация: СВО продолжается уже более трех лет, а число людей, которым трудно сформулировать свою позицию по отдельным ее аспектам, незначительно, но увеличивается. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что не оправдались надежды на быстрое достижение сформулированных Президентом РФ целей

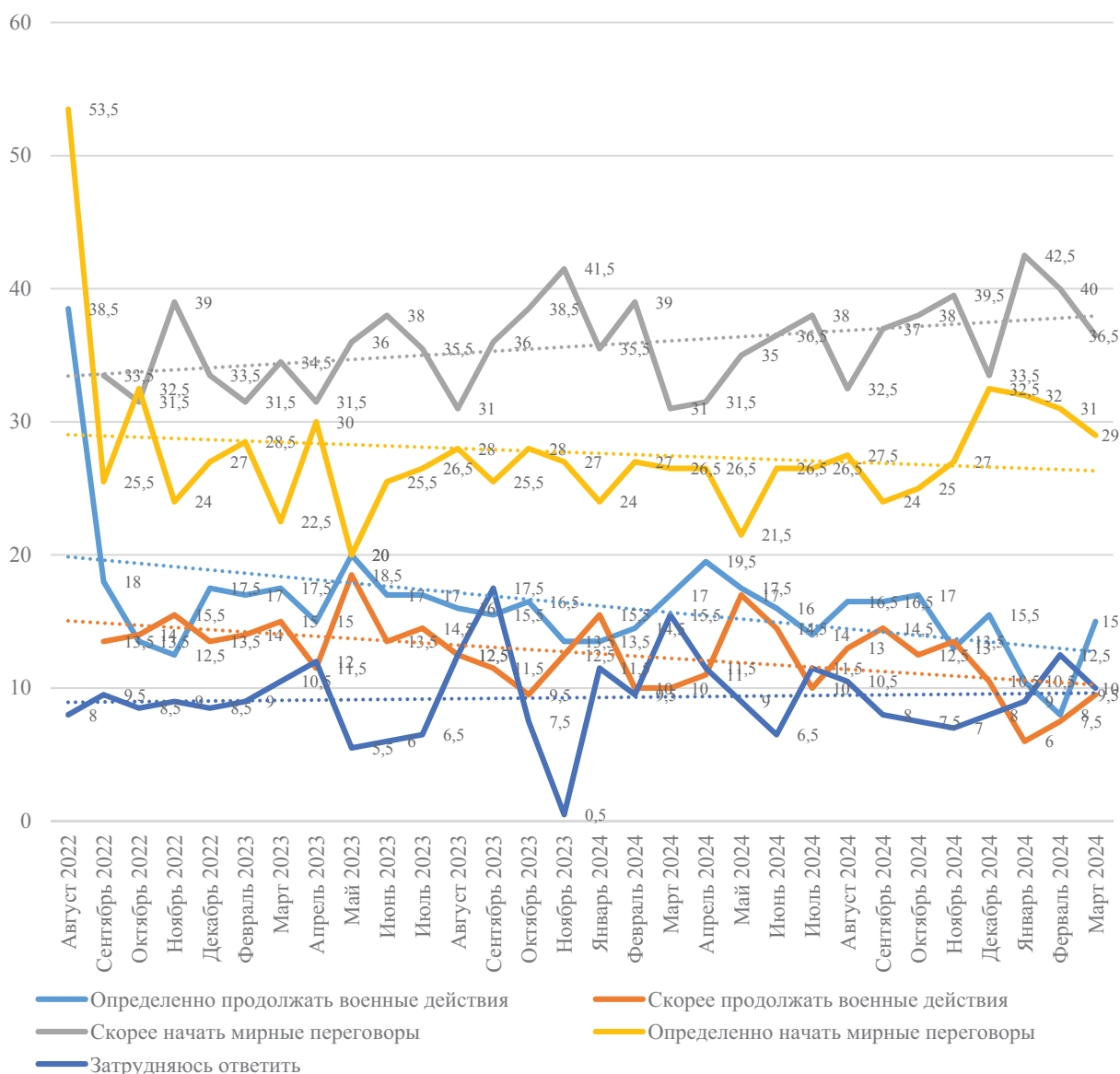

Рис. 3. «Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?», % опрошенных (цвет онлайн)

спецоперации. С одной стороны, хочется, чтобы Украину удалось-таки денацифицировать и демилитаризировать; с другой стороны, нарастают количество жертв и продолжительность этого явно затянувшегося конфликта. Отсюда, по всей видимости, и сложности с определением собственной позиции в отношении СВО.

Все чаще респонденты затрудняются сформулировать свое мнение и в отношении причин спецоперации. Так, в 2022 г. ответить на этот вопрос нашей анкеты не смог каждый пятый молодой человек (20,1%), в 2023-м – почти каждый четвертый (24,9%), а в 2024-м таковых стало еще больше (27,3%) (табл. 1).

Таблица 1

**«Как Вы считаете, каковы основные причины начала специальной военной операции на Украине?»
(можно было выбрать не более трех вариантов ответа, %)**

Основные причины	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ	52,6	52,1	54,8
Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру	45,2	39,2	38,8
Украина представляла реальную угрозу для безопасности Российской Федерации, она хотела напасть на РФ, а также получить ядерное оружие	19,8	22,9	21,2
Изменение политического курса Украины, денацификация	19,0	13,0	16,5
Стремление присоединить некоторые территории Украины или тотальное присоединение Украины к территории РФ	16,6	11,7	12,3
Установление марионеточного (зависимого) правительства на территории Украины	14,2	9,0	9,9
Повышение рейтингов государственной власти, в частности Президента РФ, в результате маленькой победоносной войны	13,6	8,6	7,7
Иные корыстные политические и экономические мотивы государственной власти РФ	12,8	9,6	8,4
Затрудняюсь ответить	20,1	24,9	27,3

Представленные в табл. 1 данные говорят о том, что из предложенных респондентам причин наиболее часто выбирались те, которые в целом соответствуют официальной позиции российской власти. При этом за три года конфликта чуть более популярными среди молодежи стали лишь причины, связанные с потенциальными угрозами расширения НАТО и обретения Укра-

иной ядерного оружия. Мотивы же, которые чаще приписываются российскому руководству нашими противниками, в большинстве своем, напротив, начали восприниматься как менее соответствующие реальности.

Мнения молодых людей об основных причинах СВО в целом коррелируют с их представлениями о виновниках конфликта (табл. 2).

Таблица 2

«Кто, по Вашему мнению, является ответственным за начало конфликта на Украине?» (% опрошенных)

Виновники конфликта	2022 г.	2023 г.	2024 г.
США	15,3	14,0	15,6
Западные страны совместно с США (блок НАТО)	46,4	27,7	27,7
Украина	11,3	13,3	22,3
Россия	21,1	7,3	9,6
Луганская и Донецкая народные республики	0,6	1,0	1,8
Все вышеперечисленное (вариант использовался в опросах 2022 и 2023 гг.)	4,4	1,6	–
Другое (вариант использовался в опросе 2022 г.)	0,9	–	–
Затрудняюсь ответить (вариант использовался в опросах 2023 и 2024 гг.)	–	35,1	23,0

Крайне любопытно, что в первый год спецоперации Россию считали ответственной за начало вооруженного противостояния 21,1% опрошенных, а уже год спустя – практически в три раза меньше респондентов. Что же касается Украины, то здесь динамика обратная – с 11,3% в 2022-м до 22,3% в 2024-м. Что послужило причиной столь резких перемен, однозначно сказать сложно. Судя по ответам, полученным в ходе фокус-групповых интервью, свою роль сыграли сразу несколько факторов: и транслируемые властью медийные нарративы (полностью от них абстрагироваться молодежь, видимо, не может), и многочисленные факты зверств украинских военнослужащих против военнопленных и мирных граждан, и вторжение ВСУ на территорию Курской области, и масштабы вовлеченности в конфликт стран Запада.

Заключение

Таким образом, представленные выше результаты опросов позволяют констатировать следующее. С одной стороны, молодежь в большинстве своем разделяет преобладающее в российском обществе отношение к СВО: поддерживает проведение спецоперации, считает, что ее начало было во многом вынужденной мерой, призванной устранить реальную угрозу, исходившую от курируемой США и европейскими государствами Украины. С другой стороны, очевидно, что уровень этой поддержки и объем внимания, уделяемого СВО, у молодых людей заметно ниже, чем у старших поколений; кроме того, представители интересующей нас возрастной группы настроены более миролюбиво в отношении вариантов завершения конфликта.

Причин подобного восприятия происходящего, на наш взгляд, несколько. Наиболее важными из них являются наблюдавшиеся до последнего времени деидеологизация образования и слом системы патриотического воспитания в нашей стране; проникновение в ткань российского общества во многом чуждых нам западных ценностей индивидуализма, ничем не ограниченной свободы (в том числе – от моральных норм и обязательств), материального благополучия, приоритета интересов личности над потребностями коллектива; возрастные особенности самой молодежи (отсутствие

богатого жизненного опыта, скептическое отношение ко всему, что «навязывается» извне, не самое хорошее знание истории и в целом невысокий интерес к политике).

Все это осложняется тем, что в силу присущих им особенностей медиапотребления молодые люди нередко оказываются «вне зоны доступа» для тех нарративов, которые конструируются в отношении СВО властью. Практически не смотря телевизор, не читая газеты и не слушая общественно-политические радиостанции, молодежь, как правило, узнает о происходящем из мессенджеров и социальных сетей – той среды, в которой информационная работа государства объективно не может быть такой же эффективной, как в пространстве традиционных медиа.

Соответственно, для того чтобы добиться более лояльного отношения молодых людей к происходящему в рамках СВО, на наш взгляд, необходимо прикладывать усилия по двум основным направлениям.

Во-первых, более активно и результативно внедрять в систему образования и воспитания патриотическую составляющую (в данном случае вполне можно было бы использовать термин «идеологическую», однако формальным препятствием для этого является 13-я статья Конституции РФ, закрепившая принцип идейно-политического плюрализма). Причем инструментальные основы для этого уже созданы (в школах введены уроки «Разговоры о важном», в вузах – «Основы российской государственности», издан Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), осталось лишь по максимуму реализовать появившиеся в связи с этим возможности.

Во-вторых, ощущается острая необходимость наращивания интенсивности и качества информационного присутствия государства в новых медиа. До тех пор, пока властные фреймы и нарративы будут транслироваться преимущественно в теле- и радиоэфирах, в востребованных у молодежи мессенджерах и социальных сетях по-прежнему будут формироваться во многом параллельные и отчасти даже альтернативные медийные повестки. А значит, и отношение молодых людей к происходящему в политике будет оставаться весьма специфичным.

Список литературы

1. Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине / под общ. ред. В. И. Филоненко. Ростов н/Д : Изд-во Южного федер. ун-та, 2024. 334 с. EDN: EVRXKK
2. Смирнов В. А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/20>, EDN: BQKUTR
3. Согомонян А. О., Медведева М. С. Факторы формирования отношения молодежи к СВО // Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Махачкала, 29 февраля 2024 г.). Махачкала : Дагестанский гос. ун-т, 2024. С. 333–338. EDN: EXEKLL
4. Лысенко П. Н., Виноградова Н. С. Четвертый год спецоперации на Украине. Социологическое исследование восприятия СВО молодежью Московской области (2025 год) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 31–36. EDN: TZSLAP
5. Зимова Н. С., Фомин Е. В. Динамика отношения российских пользователей социальных сетей к специальной военной операции России на Украине // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3 (75). С. 124–132. https://doi.org/10.52452/18115942_2024_3_124, EDN: AXFFAE
6. Дубина А. Ш., Влазнева С. А. Отношение к специальной военной операции: по материалам фокус-группового исследования молодежи Пензенской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3 (71). С. 16–25. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2024-3-2>, EDN: OZFWVV
7. Изергина Н. И. Идеино-ценностный аспект представлений студентов о специальной военной операции РФ на Украине // Идеино-ценностные перспективы политического развития современной России : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 20 мая 2022 г.). Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 47–53. EDN: UEIEDX
8. Кондратенко А. П. Организация воспитательной практики «Разговор о важном» на примере героических образов участников СВО – педагогов и преподавателей ЛГПУ // Образование Луганщины: теория и практика. 2025. № 1 (42). С. 38–41. EDN: LJCQFX
9. Марков К. В., Шевченко Е. В., Левищев В. А. Проблематика патриотического воспитания студентов вузов в связи с проведением СВО // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 12 (89). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/problematika-patrioticheskogo-vospitaniya-studentov-vuzov-v-svyazi-s-provedeniem-svo.html> (дата обращения: 05.04.2025).
10. Тумгоева Э. Р. Проведение СВО как основной фактор ускорения гражданской идентификации современной российской молодежи // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 10 ноября 2023 г.). Ростов н/Д : Ростовский гос. мед. ун-т, 2024. С. 186–189. EDN: ZFVMEQ
11. Рожков А. Ю. Риски деидеологизации российской молодежи в контексте специальной военной операции // Социология риска и безопасности: актуальные угрозы и поиск ответов : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 18 октября 2024 г.). Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 165–176. EDN: WAPIME
12. Вилков А. А. Особенности восприятия провинциальной молодежью основных направлений государственной политики в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 52–75. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-2-1470>, EDN: QTNCVC
13. Мартыненко А. В. Социально-политические настроения студенческой молодежи в условиях СВО (на примере Республики Мордовия) // Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект) / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. Нижний Новгород : НГЛУ, 2024. С. 21–30. EDN: CRSVCA
14. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 163–169. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2024.10.52059>, EDN: ZCLEUL
15. Рожкова Л. В., Воробьев В. П. Некоторые особенности молодежного патриотизма в условиях обострения современной международной обстановки и проведения специальной военной операции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4 (68). С. 62–81. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-4-5>, EDN: KKHTNV
16. Иванов К. Е. Стратегии политического поведения молодежи в условиях СВО в Алтайском крае // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы XII Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Барнаул, 13–14 июня 2024 г.) / отв. ред. М. А. Широкова, А. В. Иванов. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2024. С. 112–117. EDN: NFITWU
17. Грушина В. В. Степень вовлеченности молодежи в занятие добровольчеством в условиях СВО // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6–3 (93). С. 69–72. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-6-3-69-72>, EDN: MPWIEJ

18. Анищенко А. В. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 36–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3>, EDN: OANXOC
19. Асланов Я. А., Магранов А. С., Костырин Е. Г. Основные источники информации студенческой молодежи о СВО // Социальное самочувствие студенческой молодежи приграничных регионов России в событийном контексте СВО: Информационно-аналитические материалы / под ред. В. И. Филоненко. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2023. С. 82–100. EDN: QVIWNW
20. Соболева Е. В. Обучение способам распознавания приемов языкового манипулирования в процессе информирования обучающихся о ходе СВО // Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. по актуальным проблемам лингвистического обеспечения военной деятельности (Москва, 17 февраля 2023 г.) / под общ. ред. М. А. Смирновой. М.: Военный университет, 2023. С. 257–263. EDN: BSVCMQ
21. Дубина А. Ш., Голубев И. А. Уровень информированности региональной молодежи о ходе СВО // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2024. № 4 (105). С. 80–87. EDN: BQTNDP
22. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI
23. Казаков А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 185–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>, EDN: CXEEMK

Поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025;
принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025;
accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 314–322

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 314–322

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-314-322>, EDN: OCRFBK

Научная статья

УДК 333.792.1:338.48

Трансформация экологической политики Российской Федерации в контексте обострения международных отношений

А. В. Мурашова-Росс

Курганский филиал РАНХиГС, Россия, 640022, г. Курган, ул. Карла Маркса, 147а

Мурашова-Росс Алена Владимировна, кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Afonasova-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>

Аннотация. Обострение международной обстановки оказывает значительное влияние на экологическую политику Российской Федерации. В статье анализируется трансформация экологической политики России в новых геополитических условиях, рассматриваются изменения в приоритетах, нормативно-правовом регулировании и практической реализации природоохранных мер. Особое внимание уделяется приоритетам международного сотрудничества в сфере экологии, импортозамещения экологических технологий, переориентации на внутренние ресурсы и возможным последствиям для экологической безопасности страны. Также исследуются потенциальные риски и возможности, связанные с пересмотром экологических стандартов и снижением контроля за промышленными предприятиями в условиях санкционного давления. На основе анализа делается вывод о необходимости адаптации экологической политики к новым вызовам при сохранении приоритетов устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности населения.

Ключевые слова: экологическая политика, трансформация, экологическая безопасность, политическая экология

Для цитирования: Мурашова-Росс А. В. Трансформация экологической политики Российской Федерации в контексте обострения международных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 314–322. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-314-322>, EDN: OCRFBK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transformation of environmental policy of the Russian Federation in the context of the aggravation of international relations

A. V. Murashova-Ross

Kurgan branch of the RANEPa, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia

Alyona V. Murashova-Ross, Afonasova-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>

Abstract. The aggravation of international situation has a significant impact on the environmental policy of the Russian Federation. This article analyzes transformation of Russia's environmental policy in the new geopolitical conditions, considering changes in priorities, legal regulation and practical implementation of environmental protection measures. Special attention is paid to the priorities of international cooperation in the field of ecology, import substitution of environmental technologies, reorientation to domestic resources and possible consequences for the environmental safety of the country. The article also explores potential risks and opportunities associated with the revision of environmental standards and the reduction of control over industrial enterprises under sanctions pressure. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to adapt environmental policy to new challenges while maintaining the priorities of sustainable development and ensuring the environmental safety of the population.

Keywords: environmental policy, transformation, environmental safety, political ecology

For citation: Murashova-Ross A. V. Transformation of environmental policy of the Russian Federation in the context of the aggravation of international relations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 314–322 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-314-322>, EDN: OCRFBK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Трансформация экологической политики России в последние годы существенно повлияла на взаимодействие государства с международными партнерами. В 2023 г. обновленная

Концепция внешней политики подчеркивает важность устойчивого развития и защиты окружающей среды как одного из главных направлений государственной деятельности. Это

связано с растущими глобальными экологическими вызовами и необходимостью адаптации к новым условиям международной политики [1]. Германия и Франция, как примеры стран высокой политики, продолжили активно участвовать в экологии, поддерживая локальные инициативы, которые ввели в свою систему различные механизмы для достижения углеродной нейтральности [2].

В условиях обострения международных отношений Россия оказалась перед необходимостью не только сохранить свои экологические программы, но и интегрировать их с глобальными инициативами. Страна приняла решение о достижении углеродной нейтральности к 2060 году, что отражает подходы, принятые на международных климатических конференциях COP28, где на повестку дня вновь ставится необходимость координации усилий для борьбы с климатическими изменениями¹. Однако данная программа сталкивается с определенными вызовами, такими как растущее население и увеличивающиеся объемы промышленного производства, что создает дополнительную нагрузку на природные ресурсы.

Экологическая политика России, формируемая под влиянием изменений в международной политике, находит свое отражение в новых подходах к экологическим вопросам. Развитие семи стратегий устойчивого развития служит основой для интеграции в международные экологические инициативы. В частности, акцент на углеродной нейтральности позволяет соотнести цели государства с глобальными стандартами². В то же время ситуация усложняется отказом некоторых западных стран от сотрудничества в экологической сфере, что создает необходимость в поиске новых партнеров и моделей взаимодействия [2].

Поддержка международных экологических инициатив стала одним из центральных аспектов новой климатической доктрины России. В частности, в рамках участия в климатической конференции COP28 выдвинуты новые предложения для международного сотрудничества, сосредоточенные на разумном использовании ресурсов и достижении экологической устойчивости [1]. Принятые меры должны учитывать

как внутренние потребности России, так и требования международного сообщества, способствуя внедрению передовых технологий и научных разработок в область экологии.

Анализ текущей экологической ситуации в стране показывает, что, несмотря на сложности, экология продолжает оставаться приоритетом для государственного управления. Одной из причин этого является растущее осознание необходимости защиты окружающей среды для обеспечения качества жизни будущих поколений. В данной сфере наблюдается активное сотрудничество государственных и частных структур, а также вовлечение общественности в формирование экологической повестки³. Формирование широкого общественного консенсуса относительно экологии становится важным элементом в процессе разработки и реализации новых экологических инициатив.

Таким образом, трансформация экологической политики России отвечает как внутренним вызовам, так и внешним требованиям, связанным с глобальными изменениями. Успешная реализация новых инициатив потребует от государства не только осознания актуальности экологических вопросов, но и гибкости в подходах к международному сотрудничеству, что позволит эффективно решать задачи защиты окружающей среды⁴.

Национальный проект «Экология», стартовавший в 2019 г. и рассчитанный до 2024 г., стал важным шагом в сфере охраны окружающей среды в России. Основная задача проекта заключается в реабилитации экосистем, сокращении загрязнения и улучшении состояния природных ресурсов. Он включает шесть ключевых направлений, среди которых «Чистая страна», «Чистый воздух», «Сохранение озера Байкал», «Оздоровление Волги» и другие, что позволяет системно подходить к решению экологических проблем⁵.

Куратором проекта выступает вице-премьер Виктория Абрамченко, а Министерство природных ресурсов под руководством Александра Козлова активно участвует в реализации его ключевых инициатив. Основное внимание

¹ Доктрина России: что изменится в климатической политике страны // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310338> (дата обращения: 15.04.2025).

² К чему приведет отказ Запада от экологического сотрудничества с Россией // РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6538e1ac9a79473b71917365> (дата обращения: 15.04.2025).

³ Экологическая повестка. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/Ecology/Doklad_Ecology_16.01.2023.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

⁴ См.: Доктрина России: что изменится в климатической политике страны.

⁵ Национальный проект «Экология» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 15.04.2025).

уделяется ликвидации незаконных свалок и улучшению качества воздуха в городах. За первые три года реализации программы уже было достигнуто сокращение количества свалок и значительно улучшены условия жизни для более чем 16 млн граждан⁶.

В рамках проекта проводятся мероприятия по восстановлению водных экосистем, естественных ареалов обитания и лесов. Важным направлением является информирование населения о необходимости экологического просвещения, что способствует формированию более ответственного отношения граждан к окружающей среде. Важность данных инициатив была подтверждена выводами, озвученными на итоговом заседании Общественного совета в декабре 2023 г.⁷

В проекте предусмотрены четкие цели по снижению объемов загрязняющих веществ, сбрасываемых в водные объекты. К 2036 г. ожидается, что объем неочищенных сточных вод сократится вдвое⁸. Программные мероприятия требуют не только финансовых затрат, но и координации с региональными и местными властями для организации устойчивого управления ресурсами. Необходимость такого подхода подчеркивается актуальными требованиями к охране окружающей среды и изменениями в законодательстве, что обуславливает четкое планирование и мониторинг результатов⁹.

Важную роль в реализации проекта играют различные федеральные надпроекты, такие как «Чистый воздух», целью которого является снижение уровня загрязняющих веществ в регионах с высоким уровнем загрязнения, и «Оздоровление Волги», сосредоточенный на восстановлении одной из крупнейших рек страны. Эти проекты направлены на улучшение качества воды, а также на восстановление биоразнообразия водоемов¹⁰.

⁶ Национальный проект «Экологическое благополучие». URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (дата обращения: 15.04.2025).

⁷ Там же.

⁸ Национальный проект «Экология» // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/национальный_проект_«экология» (дата обращения: 15.04.2025).

⁹ Национальный проект «Экология» 2019–2024. Паспорт проекта. URL: <https://strategy24.ru/rf/ecology/projects/natsional-nuyu-proyekt-ekologiya> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁰ Национальный проект «Экология» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 15.04.2025).

Согласно стратегическим планам, к 2030 г. в России должно быть внедрено более 200 новых объектов инфраструктуры для обращения с отходами, что будет способствовать как улучшению экологии, так и созданию дополнительных рабочих мест¹¹. Реализация и развитие таких объектов также подразумевает долговременное экономическое планирование, что так необходимо в условиях текущей международной изоляции. Эффективное управление отходами обеспечит не только чистоту окружающей среды, но и возможные экономические выгоды.

В своем развитии проект основывается на принципах взаимосвязанности и совместного участия граждан в процессе охраны природы. Ожидается, что широкая общественность в будущем станет активным участником проектных инициатив, что позволит создать даже более устойчивую и эффективную систему управления экологической защищенностью. Таким образом, все заложенные цели и задачи активно обсуждаются и обновляются с учетом отзывов граждан и местных сообществ, что подтверждает важность общественной дискуссии в рамках этого процесса¹².

Национальный проект «Экология» является частью более широкой стратегии по улучшению экологической ситуации в стране, что подтверждается необходимостью адекватного реагирования на изменения в международной среде. В условиях обновленных геополитических реалий проект приобретает не только местное, но и глобальное значение, продвигая ценные инициативы, которые содействуют устойчивому развитию и охране окружающей среды¹³.

В заключение, несмотря на вызовы, возникшие в результате обострения международных отношений, проект «Экология» предоставляет рамки для комплексного подхода к решению экологических проблем России и вовлечения граждан в эти процессы. Успех проекта зависит от слаженной работы всех заинтересованных сторон: от государственных структур до некоммерческих организаций и активистов, что позволяет надежно строить основы для будущих побед в охране экологии и поддержании природного баланса в стране.

¹¹ См.: Национальный проект «Экологическое благополучие».

¹² Там же.

¹³ Национальный проект «Экология» // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/национальный_проект_«экология» (дата обращения: 10.04.2025).

В последние годы международная изоляция России оказала серьезное влияние на экологическую политику страны. После введения экономических санкций в 2014 г. и последующего ухудшения отношений с Западом российская экономика столкнулась с новыми вызовами. Одним из наиболее ощутимых последствий этих изменений стало замедление процесса перехода к «зеленой» экономике и сокращение международного сотрудничества в области экологии и климата. Западные страны, вводя санкции, ограничивали доступ российских исследователей к современным технологиям и инвестициям, что негативно сказалось на научных исследованиях, особенно в регионах, чувствительных к изменению климата, таких как Арктика¹⁴.

В условиях международной изоляции российская углеводородная экономика стала уязвимой. Пандемия COVID-19 усугубила эту ситуацию, продемонстрировав нестабильность энергетических рынков. Несмотря на краткосрочное сокращение углеродных выбросов в результате экономического спада, возникшие экономические трудности могут привести к упущению критически важных возможностей для инвестиций в обновляемые источники энергии, которые необходимы для долгосрочного снижения углеродного следа¹⁵. Эксперты предупреждают, что неспособность провести необходимые реформы на фоне экономических трудностей может негативно сказаться на усилиях по достижению климатических целей в будущем¹⁶.

Кроме того, потеря доступа к международным ресурсам и технологиям значительно замедляет процессы, направленные на улучшение экологической ситуации в стране. Научные исследования во многих ключевых областях, таких как экология и климатология, пострадали от отмены международных проектов и потери возможностей для сотрудничества с зарубеж-

ными партнерами. Как следствие, российская наука испытывает недостаток в свежих идеях и технологиях, способных помочь адаптироваться к изменяющимся климатическим условиям и разрабатывать эффективные стратегии по борьбе с экологическими проблемами [3].

Анализируя опыт других стран, можно отметить, что экономические вызовы могут стать как барьером, так и стимулом к смене парадигмы в экологической политике. Например, в ряде стран курс на экологическую устойчивость продолжался даже в условиях экономических трудностей благодаря акценту на инновации и активному привлечению общественности к процессу [4]. В России же наблюдается тенденция к более централизованному управлению экологическими инициативами, которые зачастую не учитывают потребности местных сообществ и их вовлеченности в процесс принятия решений.

На данный момент Российское государство пытается пережить эту международную изоляцию, внедряя программу по экологии в рамках национального проекта. Однако прогресс остается ограниченным из-за системных проблем, таких как административные барьеры и недостаточное финансирование. Ожидается, что плохие экономические условия могут еще больше замедлить реализацию планов по переходу на более экологичные технологии и уменьшению зависимости от углеводородов. Необходимость в реформировании и адаптации экологической политики становится очевидной в свете глобальных вызовов¹⁷.

В будущем необходимо искать пути налаживания сотрудничества со странами, которые также заинтересованы в борьбе с климатическими изменениями, и сохранять экологическую безопасность. В то же время необходимость реальных шагов по улучшению состояния окружающей среды и устойчивому развитию остается актуальной. Это требует не только государственной поддержки, но и активного участия гражданского общества, которое должно стать основным двигателем внедрения экологических инициатив на местах. Объединение усилий, нацеленное на долгосрочное экологическое развитие, может помочь России не только преодолеть текущие трудности, но и укрепить свои позиции на мировой арене [3].

¹⁴ Коронавирус улучшил экологическую обстановку во всем мире. Значимые ли это изменения и что будет после пандемии? URL: <https://www.sobaka.ru/ecology/ecology/105092> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁵ Правда ли, что экология стала лучше благодаря коронавирусу: 5 тезисов // Правила жизни. URL: <https://www.pravilamag.ru/articles/165113-kak-pandemiya-koronavirusa-povliyala-i-povliyaet-v-budushchem-na-ekologiyu-5-veshchey-kotorye-nuzhno-znat/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁶ Экология и пандемия // к-ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ekologiya-i-pandemiya> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁷ См.: Коронавирус улучшил экологическую обстановку во всем мире. Значимые ли это изменения и что будет после пандемии?

Современный этап трансформации экологической политики России обусловлен множеством факторов, среди которых особое место занимают изменения в международной политике и экономике. В условиях нарастающей международной изоляции и санкционного давления российская экологическая политика становится не только ответом на внутренние вызовы, но и возможностью для создания новых экономических и социальных моделей. Важнейшим шагом на этом пути стало продление национального проекта «Экология» до 2030 г. под обновленным названием «Экология и природопользование», который теперь будет выполнять задачи не только по улучшению состояния окружающей среды, но и по стимулированию технологических инноваций и энергетического перехода¹⁸.

В 2023 г. была утверждена обновленная Климатическая доктрина, где поставлена задача достижения углеродной нейтральности к 2060 г. Это стремление перекликается с глобальными экологическими трендами, выдвинутыми на последних международных конференциях, таких как COP28, где акцент был сделан на отказе от ископаемого топлива и переходе к устойчивым источникам энергии¹⁹. Россия, осознавая необходимость адаптации к этим условиям, начала активное развитие возобновляемых источников энергии и внедрение новых технологий, что, в свою очередь, снижает выбросы вредных веществ и улучшает экологическую ситуацию в стране.

Тем не менее 2023 г. также продемонстрировал существование ряда проблем в реализации экологической политики. Несколько регионов столкнулись с трудностями в разработке и внедрении планов по адаптации к климатическим изменениям, а обновления экологического законодательства, такие как изменения в тарифах на захоронение радиоактивных отходов, выявили противоречия в управлении и координации между различными уровнями власти. Важным шагом стало инициирование Министерством экономического развития Российской Федерации ежегодного отчета о ходе реализации национального плана, который будет действовать

до 2028 г. Эти отчеты позволят более системно оценивать прогресс и выявлять узкие места в реализации проекта²⁰.

Отдельное внимание следует уделить роли правительственных и неправительственных организаций в формировании экологической повестки. В условиях изоляции общественные движения и экологические активисты оказались на переднем крае защиты интересов граждан в области экологии, что способствует более активному включению общественных инициатив в процесс принятия решений. Существует необходимость в формировании платформ для диалога между государственными структурами и общественностью, что может значительно повысить эффективность и прозрачность экологической политики²¹.

Успехи в области охраны окружающей среды включают значительное снижение выбросов парниковых газов и внедрение современных экологических технологий в таких секторах, как производство и энергетика. В результате действий по адаптации и модернизации, 2023 г. стал важным для достижения многих экологических показателей. Однако требуется больше усилий для устранения существующих сложностей, а также для оптимизации законодательной базы.

Исходя из текущих тенденций в развитии экологической политики России, можно выделить несколько ключевых направлений для будущей работы: продолжение развития возобновляемых источников энергии, совершенствование системы мониторинга и контроля экологической ситуации, а также активное вовлечение граждан и общественных организаций в процесс принятия решений. Все эти аспекты в комбинации с интеграцией в глобальные экологические инициативы будут способствовать не только улучшению экологической ситуации в стране, но и экономическому развитию, что откроет новые горизонты для российской экономики в условиях глобальных вызовов.

В 2023 г. экологическая политика Российской Федерации стала предметом активного обсуждения как на внутреннем, так и на внешнем уровне. Актуальность вопросов охраны окружа-

¹⁸ Экологическая повестка в России: основные итоги 2023 года // EcoStandard.journal. URL: <https://journal.ecostandard.ru/eco/kontekst/ekologicheskaya-povestka-v-rossii-osnovnye-itogi-2023-goda/> (дата обращения: 15.04.2025).

¹⁹ Общественные итоги года в экологии – 2023. URL: <https://forumeco.ru/conf2024/ecoresults-2023/> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. № 559-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/dzvpqli7jgt7qyroogphpw69kkqregtb.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

²¹ Итоги 2023 года по экологии в России // Экологический парламентский бюллетень. URL: https://ecoparlament.ru/novosti/news_post/itogi-2023-goda-po-ekologii-v-rossii (дата обращения: 10.04.2025).

ющей среды усилилась в условиях обострения международных отношений, что повлияло на направление экологической повестки. В рамках национального проекта «Экология» были достигнуты заметные результаты, среди которых ключевые инициативы, такие как «мусорная реформа» и программа по улучшению качества воздуха. Акцент на реабилитацию водоемов и восстановление лесов стал частью стратегии страны на пути к устойчивому развитию [1].

Новые требования к законодательству, такие как обновления в Декларации о плате за негативное воздействие на окружающую среду, свидетельствуют о стремлении России повысить уровень контроля в области природопользования. Например, введение информационной системы, известной как «цифровой двойник» леса, значительно улучшает мониторинг состояния лесных ресурсов и способствует более эффективному управлению ими. Благодаря этим изменениям была расширена реализация пилотного проекта «Чистый воздух», который охватывает уже 41 населенный пункт²².

Среди актуальных тенденций можно выделить наращивание доли возобновляемых источников энергии, что важно, учитывая глобальные климатические вызовы. Стратегия по переходу на устойчивые источники энергии стала особенно актуальной на фоне растущих международных санкций и давления²³. Повышение внутреннего производства таких технологий также укрепляет независимость страны и способствует развитию новых секторов экономики.

Участие государства в проекте по ликвидации накопленного экологического вреда стало видимой частью ответственности за экологическое состояние. Важную роль в этом процессе играют госкорпорации, такие как «Росатом», которая активно развивает инициативы по обращению с отходами. Одним из ключевых аспектов проекта стало создание системы управления отходами, соответствующей современным экологическим стандартам²⁴.

Экологическая повестка приобретает дополнительную значимость за счет включения общественности в эти процессы. Гражданские инициативы и участие некоммерческих органи-

заций в формировании экологической политики становятся все более заметными. Это отражает тренд на прозрачность и открытость принятия решений в области экологии, а также способствует созданию эффективного взаимодействия государственных и частных структур [2].

Однако, несмотря на достигнутые успехи, перед Россией стоят вызовы, связанные с глобальными климатическими изменениями и необходимостью перехода к более низким уровням выбросов парниковых газов. Это требует комплексного подхода и интеграции современных технологий в существующие практики. Ожидается, что к 2030 г. программа «Экология» продолжит свое развитие и будет адаптироваться в соответствии с изменениями во внешней политике и экономической ситуации [1].

Таким образом, 2023 г. стал поворотным моментом для экологической политики России, подтвердив ее важную роль в контексте изменения международных отношений и внутренней социальной динамики. В условиях текущих глобальных вызовов и потенциальной изоляции устойчивый подход к экологии представляется как необходимое условие не только для сохранения природного баланса, но и для устойчивого социально-экономического развития страны в будущем²⁵.

С начала XXI в. экология стала важной темой в общественном сознании России, а роль общественности в ее формировании значительно возросла. Участие населения в вопросах, касающихся охраны окружающей среды, стало не только инициированной властью, но также и ответной реакцией на ухудшающуюся экологическую ситуацию. Общественные инспекторы, действующие на основе приказа Минприроды России, сыграли важную роль в этом процессе, внедрив механизмы контроля и ответственности за состояние окрестной природы [5].

Массовые акции, такие как «Зеленая Россия» и «Лес Победы», показывают, как активное участие граждан помогает увеличивать осведомленность о проблемах экологии и вовлекает общество в практические мероприятия. Эти проекты обеспечили платформу для взаимодействия граждан с государственными и местными органами власти, что, в свою очередь, привело к более эффективной реализации экологической политики. Несмотря на влияние государствен-

²² См.: Доктрина России: что изменится в климатической политике страны.

²³ См.: Экологическая повестка.

²⁴ См.: К чему приведет отказ Запада от экологического сотрудничества с Россией.

²⁵ См.: Экологическая повестка.

ных структур, общественная инициатива стала основным движущим фактором многих изменений в экологической повестке.

Важно отметить, что политические лидеры в России начали зависеть от общественного мнения. С учетом усиливающегося давления со стороны граждан, они стали более открытыми к экологическим проблемам и инициативам. Общественные организации стали партнерами в процессе принятия решений, что создало необходимую основу для конструктивного диалога власти с населением. Однако для успешной реализации экологических проектов требуется создание устойчивых партнерских отношений и стандартов в области охраны окружающей среды²⁶.

Государственные инициативы и социальные факторы взаимодействуют, создавая более сложный и многоуровневый подход к экологической политике. Общество все более активно требует от властей принятия мер по улучшению состояния экологии, что выливается в массовые протесты и обращения к властям. Такие действия формируют впечатление о социальной ответственности и требовании к государству решать экологические проблемы [6].

Общественные движения, такие как «Зеленый патруль», играют важную роль в разъяснении гражданам их прав и обязанностей в сфере защиты природы. Через образовательные проекты и программы такие организации формируют у населения традиции экологической ответственности и сознания. Активное использование социальных медиа стало ключевым элементом в распространении информации о необходимости охраны окружающей среды, что способствовало более широкому вовлечению граждан в экологические мероприятия²⁷.

Вокруг этих вопросов активно ведутся дебаты о том, как эффективно сформировать устойчивую экологическую политику в условиях роста общественной активности. Общественное мнение формируется не только через участие граждан, но и через диалог с научным сообществом и экологами. Объединение усилий различных секторов общества может привести к более устойчивым и долгосрочным решениям

экологических проблем. Это требует от граждан активного участия в обсуждениях, формировании предложений и давлении на власть с целью создания более прозрачных и подотчетных механизмов охраны окружающей среды.

Таким образом, роль общественности не ограничивается лишь контролем и участием в акциях, но также включает в себя формирование диалога, который способен влиять на политику и программы. Общество, осознающее свои права и обязанности, становится мощным инструментом в решении экологических проблем и поддержании устойчивости окружающей среды.

Наращение экологических проблем в России становится особенно заметным на фоне трансформации международных отношений, что подчеркивает необходимость нового подхода к экологической политике. Экологическая эффективность России вызывает обеспокоенность, так как страна по потреблению природных ресурсов на душу населения и образованию отходов значительно отстает от развитых государств [1]. Это свидетельствует о том, что экономические модели, применяемые в стране, требуют пересмотра.

Одним из ярких примеров является ситуация с вредными выбросами. Россия, обладая большими ресурсами, оказывается среди стран с высокими показателями эмиссии в атмосферу. По сравнению с другими развитыми странами, например Германией и Францией, уровень выбросов в России значительно выше, что ухудшает состояние экологии и здоровья населения [1]. В последние годы правительство объявило о намерениях сократить вредные выбросы, однако текущие темпы реализации этих мер остаются недостаточными. Это создает новые вызовы в условиях международной изоляции, когда Россия нуждается в поиске эффективных методов решения экологических проблем в своей стране.

Проблемы в лесном хозяйстве также иллюстрируют дисбаланс между Россией и остальным миром. В то время как площадь лесов в России увеличивается, глобальная ситуация характеризуется массовым вырубанием лесов, где соотношение восстановления к вырубке составляет 1:10 [2]. Вызывает интерес, что, несмотря на отсутствие масштабного вырубания лесов, необходимость в устойчивом управлении лесами не теряет своей актуальности. Это указывает на то, что даже в контексте положительных показателей требуется интеграция форматов устойчивого лесного хозяйства, аналогичная

²⁶ Роль общественности в экологической политике государства. URL: https://bstudy.net/688881/estestvoznaniye/rol_obschestvennosti_ekologicheskoy_politike_gosudarstva (дата обращения: 25.02.2025).

²⁷ Общественное мнение и экологические проблемы в России и мире. URL: <https://politicana.ru/society/opinion/obshchestvennoe-mnenie-i-ekologicheskie-problemy/> (дата обращения: 25.03.2025).

тем, что применяются в других странах для обеспечения баланса между экономическим ростом и сохранением природы.

Изменения в общественном сознании играют важную роль в формировании нового экологического подхода. Осознание того, что традиционные экологические меры не решают существующие проблемы, становится важной частью экологической повестки в России²⁸. Все больше участников общественных движений начинают осознавать необходимость переосмысления экологической политики, перенятия передового опыта других стран, таких как внедрение наилучших доступных технологий и более строгих норм по выбросам. Это также отражает потребность в научной и образовательной активности, направленной на повышение уровня экологического сознания у населения.

Политическая экология в России также должна учитывать успешные практики других стран, где применение экологического законодательства сыграло важную роль в улучшении экологической ситуации²⁹. Например, переход на устойчивое управление отходами и более жесткие ограничения на выбросы привели к заметному уменьшению загрязнения в некоторых западных странах. Постепенно внедряя эти элементы, Россия может до минимума сократить экологические риски и повысить уровень жизни своих граждан.

Конечно, окружающая среда в России имеет свою специфику, поэтому при внедрении зарубежного опыта важно учитывать местные условия и потребности. Необходимы решения, которые обеспечат немедленное чувство ответственности за будущее экологии как на государственном, так и на индивидуальном уровне. Без надежной стратегии и действий, постоянно реагирующих на вызовы времени, страны не смогут достигнуть устойчивого развития.

Таким образом, изменения в международной обстановке стремительно влияют на внутреннюю экологическую политику России. Реакция на внешние вызовы требует не только улучшения экологической стратегии, но и глубокого анализа текущего состояния дел в стране. Появление новых подходов и технологий представляет собой шанс для создания более безопасной и здоровой среды, соответствующей мировым стандартам³⁰.

²⁸ См.: Доктрина России: что изменится в климатической политике страны

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Трансформация экологической политики Российской Федерации в контексте обострения международных отношений представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует внимательного анализа и осмысления. В условиях ухудшения международной обстановки, особенно после 2022 г., экологическая повестка в России не только не утратила своей актуальности, но, напротив, приобрела новые черты и приоритеты. Это связано с тем, что экологические проблемы, такие как загрязнение окружающей среды, управление отходами и изменение климата, остаются важнейшими вызовами, требующими комплексного подхода и активных действий со стороны государства.

Важно, чтобы экологическая повестка оставалась в центре внимания как на уровне государства, так и на уровне общества, что позволит создать безопасную и комфортную жизненную среду для будущих поколений.

Список литературы

1. Ильичев П. В. Экологическая повестка Российской Федерации и международное сотрудничество // Окружающая среда Санкт-Петербурга. URL: <https://ecopeterburg.ru/2023/09/27/экологическая-повестка-российской/> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Мильгизин И. Эволюция подходов к эколого-климатической проблематике во внешнеполитических доктринах Российской Федерации. 22 ноября 2023 г. // РСМД: Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/evolyutsiya-podkhodov-k-ekologo-klimaticheskoy-problematike-vo-vneshnepoliticheskikh-doktrinah-ross/> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Суховерхов К. Перспективы «зеленого» перехода России в условиях санкционного давления стран Запада // РСМД: Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/activity/publications/perspektivy-zelenogo-perekhoda-rossii-v-usloviyakh-sanktsionnogo-davleniya-stran-zapada/?sphrase_id=97954927 (дата обращения: 10.04.2025).
4. Герасимова Н. Животные вернулись. Как пандемия повлияла на экологию // Аргументы и Факты. 13.06.2020. URL: https://aif.ru/society/ecology/zhivotnye_vernulis_kak_pandemiya_povliyala_na_ekologiyu (дата обращения: 10.04.2025).

5. Чикильдина А. Ю., Кокорева А. М. Участие общественности в принятии экологически значимых решений: проблемы законодательного регулирования и его совершенствование // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 240–244. URL: <https://moluch.ru/archive/368/82871/> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Шабалина Ю. С. Роль общественных экологических организаций в решении проблем природопользования и охраны среды на уровне региона // Система управления экологической безопасностью : сб. тр. XVII междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 мая 2023 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2023. С. 363–368.

Поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025;
принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025;
accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 323–330

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 323–330

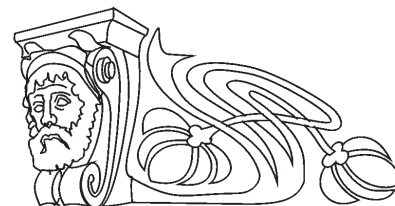
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-323-330>, EDN: PUGNNO

Научная статья

УДК 327.8

Прогнозы и сценарии арктической стратегии администрации Д. Трампа: второй срок

В. Г. Цыплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, v.tsyplin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, AuthorID: 788271

Аннотация. В статье автор обращается к новеллам в арктической повестке США, образовавшимся после второй инаугурации Д. Трампа. В ходе исследования предпринята попытка ответить на ряд вопросов. Будет ли новая администрация США полностью менять свою стратегию в Арктике, или продолжит реализовывать какой-то процент программ, доставшихся ей в наследство от демократов? Оценить реалистичность отдельных элементов республиканской арктической программы с точки зрения имеющихся возможностей и организационных мер. Проводя историографический анализ работ отечественных и зарубежных авторов, а также некоторых источников, автором был сделан вывод о том, что в условиях роста геополитической и геоэкономической значимости Арктики в системе внешнеполитических приоритетов США при республиканско-демократическом противостоянии существует определенная преемственность, которая позволяет укреплять как материально-технические, так и политико-дипломатические фундаменты для американского доминирования в арктическом регионе. Исследуются различные параметры и масштабы взаимодействия приарктических государств с США от их экономического, политического, военного сотрудничества, в том числе с применением силовых методов для реализации своих замыслов, до идеи Д. Трампа о вхождении новых территорий в состав США.

Ключевые слова: Арктика, США, администрация Д. Трампа, стратегия, угрозы безопасности, внешняя политика

Для цитирования: Цыплин В. Г. Прогнозы и сценарии арктической стратегии администрации Д. Трампа: второй срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 323–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-323-330>, EDN: PUGNNO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forecasts and scenarios of the Trump administration's Arctic strategy: Second term

V. G. Tsyplin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vitaly G. Tsyplin, v.tsyplin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, AuthorID: 788271

Abstract. In the article, the author refers to the novelties in the US Arctic agenda that emerged after the second inauguration of D. Trump. In the course of the research, an attempt was made to answer a number of questions. Will the new US administration completely change its strategy in the Arctic, or will it continue to implement some percentage of the programs inherited from the Democrats? To assess the realism of individual elements of the republican Arctic program in terms of available capabilities and organizational measures. Having conducted a historiographical analysis of the works of domestic and foreign authors, as well as some of the author's sources, it is concluded that in the context of the growing geopolitical and geo-economic importance of the Arctic in the system of US foreign policy priorities in the context of the Republican-democratic confrontation, there is a certain continuity that allows strengthening both the logistical and political-diplomatic foundations for American dominance in the Arctic region. Various parameters and scales of interaction between the Arctic states and the United States are being investigated, from their economic, political, and military cooperation, including through the use of force to realize their plans, to D. Trump's idea of new territories joining the United States.

Keywords: Arctic, USA, D. Trump administration, strategy, security threats, foreign policy

For citation: Tsyplin V. G. Forecasts and scenarios of the Trump administration's Arctic strategy: Second term. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 323–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-323-330>, EDN: PUGNNO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Неудивительно, что проблематика арктического региона пребывает в топе внимания правительств, информационных агентств и научной общественности многих странах мира. Потенциал Арктики не до конца изучен. В связи с этим она выступает в роли своеобразного полигона, на котором приарктические государства и другие акторы современной мировой политики и международных отношений, стремящиеся занять более благоприятное положение в трансформируемой системе, осуществляют военно-стратегическую, социально-экономическую, культурологическую, территориальную, природно-ресурсную, транспортно-логистическую и туристическую деятельность.

Современные приполярные геополитические измерения имеют два главных принципиальных параметра: добыча полезных ископаемых, которую мировые игроки рассматривают как средство обретения энергетической независимости; Северо-Западный проход и Северный морской путь, в свете масштабной инициативы Китая «Один пояс – один путь», которые в условиях таяния льдов за счет сокращения времени в пути облегчат морское судоходство и будут способствовать интенсивной эксплуатации арктических ресурсов.

Приполярный регион как объект исследования, связанный с изучением разных сторон, вызывает повышенный интерес у таких отечественных авторов, как А. И. Смирнов, А. Н. Вылегжанин, П. А. Гудев, А. В. Фененко, А. В. Загорский, М. А. Кобзев, В. З. Дворкин, М. Р. Проскуряков. Среди зарубежных исследователей, занимавшихся арктической проблематикой, можно отметить труды Х. Экснер-Пирота, А. Пикфорда, Дж. Ф. Коллинза, А. Керстена, С. Чейза, К. Хилле, С. А. Майерса, Дж. Лоулесса, Э. Росса. В особом историографическом списке научных работ, связанных с арктическим регионом в преломлении к политике США, просматриваются труды таких отечественных исследователей, как М. Ю. Гутенев, А. А. Сергунин, В. Н. Конышев, А. В. Котлова, Н. Плевако, Ф. Х. Соколова, А. Е. Шарапов, А. Г. Казанин. К числу зарубежных исследователей, занимавшихся арктическим вектором внешней политики США, относятся К. Берг, С. Лами, К. Л. Андерсон, У. Кейден, Дж. Уорланд, Р. Хьюберт. В своих исследованиях они с разных ракурсов анализировали стратегии Овального кабинета Д. Трампа, обозначенные в меморандуме от 9 июня 2020 г. «О защите

национальных интересов США в Арктическом и Антарктическом регионах»¹. Особый упор авторы делали на механизм принятия внешнеполитических решений в этом секторе и на конкретные дальнейшие шаги по реализации намеченных планов.

В США к заявлениям Д. Трампа относительно Арктики в начале его второго президентского срока относятся так же, как и к его привычной тактике агрессивного и громкого политического давления, ориентированного на продвижение американских экономических и геополитических интересов. Такая оценка с некоторыми вариациями характерна для представителей отдельных политических субъектов – внутрипартийных групп интересов, «мозговых центров», общественных и лоббистских организаций. Просматривается и научная необходимость разобраться в особенностях моделирования современной международной ситуации в Арктическом регионе, обратить внимание на то, что собралась делать вновь сформированная администрация Д. Трампа в противовес политике предыдущего демократического правительства. Согласно оценке американской исследовательской организации «Арктический институт», в период президентства Джо Байдена Арктика была недостаточно приоритетна среди других конкурирующих глобальных интересов США [1].

В материалах СМИ в 2025 г. стали тиражироваться рекомендации, что в момент обострения конкуренции со стороны России и Китая руководству Белого Дома во взаимодействии со своими союзниками необходимо разработать упреждающую арктическую стратегию. Документ «Арктическая стратегия 2024 года»², разработанный Министерством обороны США, призывающий мониторить и реагировать, представителями экспертных сообществ неоднократно оценивался как неадекватный. Они призывали к занятию более активной позиции в регионе, без боязни ответного противодействия России и отвлечения важных ресурсов от Азиатско-Тихоокеанского региона. В этом ключе встречаются конкретные прогнозы и

¹ Memorandum on Safeguarding United States National Interests in the Arctic and Antarctic Regions. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/memorandum-safeguarding-united-states-national-interests-the-arctic-and-antarctic-regions> (дата обращения: 04.03.2025).

² U.S. Department of Defense Arctic Strategy 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/jul/22/2003507411/-1/-1/0/dod-arctic-strategy-2024> (дата обращения: 06.03.2025).

предложения силовиков. Так, по мнению одного из представителей ВМС США А. Канг, Россия в 2025 г. останется одним из ключевых арктических игроков, хотя ее позиции и военные составляющие в этом регионе ослабнут. Кроме того, значительно снизится интерес КНР к инвестиционным вложениям в Арктику. Соответственно, у США и у их союзников по НАТО есть уникальная возможность обострить ситуацию в регионе. Сделать это предлагается путем проведения учений и тем самым разморозить арктический военно-морской театр [2].

Одной из первых инициатив новой администрации Д. Трампа стало массовое увольнение сотрудников. После нескольких недель незаметной подготовки, сбора списков сотрудников, недавно принятых на работу и находящихся на испытательном сроке, на которых еще не распространялась полная защита системой государственной службы, и тех, кто был переведен или повышен на новые должности, начались мероприятия по сокращению численности федеральной рабочей силы. В соответствии с этим в рамках общенациональных усилий были запланированы увольнения порядка 1300 федеральных служащих на Аляске с испытательным сроком из 11,7 тыс. числящихся федеральных служащих по всему штату по состоянию на август 2024 г. Они теряли все льготы и медицинские страховки [3]. При этом национальный представитель Американской федерации государственных служащих (AFGE) Д. Оуэнс заявлял об неоднократном получении информации от увольняемых сотрудников относительно неправильно указанной в документах причины увольнения. В электронном письме было написано, что сотрудник плохо работает, а это не соответствует действительности. Причем работник, находясь на испытательном сроке, не может подать апелляцию и обратиться за помощью. Сенатор-республиканец от Аляски Л. Мурковски вначале поддерживала профсоюз, способствовавший увольнению сотрудников, но в конце февраля 2025 г. в ходе телеконференции она высказала свое несогласие с политикой федеральных увольнений.

В регионе особенно ценными являются сотрудники, работающие в северо-западной части Арктики. По данным AFGE, из-за малочисленности населения Аляски увольнения могут привести к потере критически важных институциональных знаний региона, потому как нарушается преемственность в передаче навыков и опыта. Кроме этого, будет ослож-

нено функционирование основных служб, на которые возложены функции по мониторингу и защите окружающей среды в арктической части Аляски [4].

В традиционном обращении к совместной сессии Конгресса, продлившемся 100 минут и ставшем самым долгим за всю историю, Д. Трамп заявил, что в США системно прорабатывают вопрос получения контроля над Гренландией. По его информации, эта территория будет непременно принадлежать США [5]. По мнению нового американского руководителя, совершенно недопустимо, что стратегически важная для США Гренландия, две трети которой находятся за Полярным кругом, в полной мере задействована в ресурсных и транспортных арктических проектах Китая: в Белой книге китайской арктической политики объявлено о Полярном шелковом пути; китайская компания Jiangxi Zhongrun имеет патент на добычу меди в Гренландии; на острове обосновались китайские банки ExIm Bank и China Development Bank; инвесторы из Поднебесной были замечены в строительных проектах аэропортов в Нууке, Иллулисате и Какортоке; в южной части Гренландии китайская государственная компания, являющаяся обладателем 12,5% акций, имеет право на разработку крупного месторождения редкоземельных металлов Кванефьельд; на этом же месторождении компания Shenghe в сотрудничестве с Китайской национальной атомной корпорацией начала технологические работы по извлечению урана и тория из редкоземельных металлов [6].

Премьер-министр Дании М. Фредериксен оценила символический частный визит Трампа-младшего в Нуук 7 января 2025 г. на самолете вновь избранного президента Д. Трампа Trump Force One как возможное начало арктической экспансии [7]. Несмотря на то что Трамп-младший анонсировал свою поездку в СМИ не более чем развлечение, в виде непродолжительной остановки на острове, которую он очень ждет, информационные агентства стали тиражировать предположительную информацию о планах нового состава Овального кабинета на приарктические территории, не принадлежащие США. М. Фредериксен отметила, что Гренландия не продается, что нам нужно сохранять спокойствие и не отступать от традиционных принципов. В то же время она заявила, что США являются важным союзником Дании, а интерес Д. Трампа к Арктике можно приветствовать, так как он подразуме-

ваает уважение к гренландскому народу и позволяет осуществлять всеобъемлющее сотрудничество США и Дании в рамках НАТО [8].

Премьер-министр Гренландии М. Эгед, позиционирующий свою территорию как автономный остров, являющийся частью Датского королевства [9], в ходе своих публичных выступлений постоянно призывает к избавлению от ненавистной колониальной истории и полной независимости от Дании. Действующее правительство острова, возглавляемое инуитами, являющимися коренным народом острова, актуализирует свои требования относительно независимости от Дании. Представитель Гренландии в парламенте Дании А. Хемниц констатирует нежелание большинства населения острова в любом виде присоединиться к США, а способ покупки другой страны по образу и подобию Аляски без учета мнения инуитов является бесцеремонным [10]. Январский 2025 г. опрос показал, что 85% населения острова против идеи присоединения к США.

Поэтому неудивительно, что, назначая новым американским послом в Данию инвестора-предпринимателя, соучредителя системы платежей PayPal и венчурного фонда Founders Fund К. Хауэри, который выполнял обязанности посла США в Швеции в период первого президентского срока Д. Трампа³, новый хозяин Овального кабинета в круг его дополнительных обязанностей включил задачи по контролю над Гренландией. В социальных сетях по поводу решения назначить нового американского посла в Дании, которая владеет Гренландией, можно найти обобщенные комментарии: данный государственный служащий имеет бесценный опыт в обеспечении американского лидерства в области инноваций и технологий; такой специалист просто необходим в вопросах представления интересов США за рубежом, укрепления обороны, безопасности и экономического сотрудничества между странами, обеспечения национальной безопасности США и свободы во всем мире. Эти витиеватые формулировки характеризуют национальные интересы США, в которых заметно возвращение интереса Д. Трампа к Гренландии и его новое видение объединенной североамериканской Арктики [7]. Для К. Хауэри работы непочатый край. Ему придется разбираться во всех хитросплетениях в Датском королевстве:

значительном увеличении в Дании в конце 2024 г. военных расходов для Гренландии; одобрении датской королевской семьей в январе 2025 г. измененного королевского герба, где актуализирована важность белого медведя, символизирующего полярный остров; в заявлениях бывшего премьер-министра Гренландии К. Клейста просматривается мнение старшего поколения острова, что Д. Трамп относительно возможности продажи больше общался с гражданами США, чем с гренландцами.

Видя, как США обращаются со своими собственными коренными народами, беспокоясь за судьбу своего населения, К. Клейст скептически относится к размышлениям гренландских политиков, готовых предложить администрации Д. Трампа особую ассоциацию, по образу договоров США с Маршалловыми островами, Микронезией и Палау, позволяющих противодействовать росту влияния Китая в АТР. Желающие стать частью американской конституционной семьи мечтают, что Гренландия будет иметь суверенитет, но в то же время получит американскую финансовую поддержку в обмен на определенные стратегические уступки Вашингтону [11].

Накануне парламентских выборов правительство Гренландии пересмотрело требования закона об иностранном вмешательстве в сторону ужесточения. Политическим организациям острова было запрещено получать как иностранные, так и анонимные пожертвования. 10 марта 2025 г. администрация Д. Трампа повторила свои предложения жителям Гренландии пересмотреть подходы к диалогу с Вашингтоном, пообещав многомиллиардные инвестиции и рабочие места. Такие инициативы Д. Трампа, а также его публичные выражения политических идей, тиражируемые информационными агентствами, инициировали внутривнутриполитические дискуссии как формы политического диалога, направленные на прояснение ряда противоположных мнений по поводу отделения острова от Дании. В результате левая оппозиционная партия Naleraq, которой накануне выборов прогнозировали набор 16,5% голосов избирателей, в своих предвыборных программах выступала за полную независимость и заключение соглашения об оборонном сотрудничестве с США по причине невозможности самостоятельной защиты Гренландии. Такие расклады в материалах СМИ были оценены как своего рода репетиция референдума о независимости острова.

³ Сооснователь PayPal Кен Хауэри стал послом США в Швеции. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6899825> (дата обращения: 02.03.2025).

Совершенно противоположные предложения содержали программные документы правоцентристской консервативной партии Atassut, обеспокоенной отсутствием программы по обретению островом независимости и ратующей за единство его с Данией. Согласно прогнозам, эта партия должна была набрать 9,7% голосов избирателей [12].

В режиме ожидания каких-либо действий от нового руководства Белого дома находится крупный российский проект по производству сжиженного природного газа «Арктик СПГ 2», реализация которого позволит использовать Северный морской путь для поставки крупных объемов СПГ на рынки Европы и Азии. Россия за счет сокращения времени нахождения в пути, избегая целого ряда промежуточных пунктов, сможет существенно улучшить свои экспортные показатели и конкурентоспособность своего СПГ. Прежняя администрация США путем введения санкций с 1 мая 2024 г. ограничила доступ подрядным организациям, вовлеченным в реализацию проекта, к западным технологиям и процессам финансирования работ. Объемы ограничений не только коснулись отдельных судов и компаний, но и распространились на широкую инфраструктурную сеть холдингов, задействованных в разноплановых сервисных услугах по экспорту российских энергоносителей в Арктике. Аналитики с приходом Д. Трампа ожидают, что руководство США в отношении «Арктик СПГ 2» займет прагматичную позицию, смягчит санкции, тем более что предыдущее республиканское руководство отметилось гораздо менее строгими подходами к российским энергетическим проектам, чем демократическое [13].

У Д. Трампа есть и собственные амбиции в отношении СПГ, которые при нем наверняка будут реализовываться за счет расширения американского присутствия на рынках Европы и Азии. Избыточное предложение американского СПГ будет способствовать долгосрочному понижению цены на жидкое голубое топливо, что создаст дополнительные препятствия для «Арктик СПГ 2», не позволит России привлечь постоянных покупателей и продавать им свой арктический СПГ по прежним ценам. В то же время возникающая здоровая ценовая конкуренция позволит реализовывать российские и американские проекты с позиций рентабельности.

Буквально сразу после победы Д. Трампа на президентских выборах 2024 г. администрация Байдена забеспокоилась по поводу своего

экологического наследия в Арктике. В результате были введены ограничительные меры по защите частей Арктического национального заповедника дикой природы Аляски (ANWR). Они касались площадей, отводимых для бурения нефтяных скважин на территории Аляски. В противовес демократам Д. Трамп, реализуя свою повестку дня «Америка прежде всего», последовательно выступил за расширение площадей бурения на Аляске для извлечения из недр неиспользованных запасов «жидкого золота». Согласно данным Геологической службы США, 22% неразведанных мировых запасов углеводородов находится в Арктике. Поэтому увеличение добычи в Арктике, по мнению Д. Трампа, будет одномоментно способствовать повышению энергетической независимости США и экономического роста за счет внутренней добычи ископаемого топлива. Но залежи углеводородного сырья между Россией и США расположены непропорционально: 58% принадлежит России, а 18% – США [14]. В арктическом регионе выделено 19 геологических бассейнов, каждый из которых обладает значительными объемами углеводородного сырья. Кроме того, на Аляске находится около 150 месторождений редкоземельных металлов [15]. Администрация Белого дома сосредоточивает на этих богатствах свое пристальное внимание. В ближайшее время начнется их разработка.

Администрация Д. Трампа прекрасно понимает необходимость российско-американского сотрудничества в Арктике, что обусловлено целым рядом факторов, например: Россия, имея континентальные шельфы, может претендовать на запасы, находящиеся за пределами 200-мильной зоны территориальных вод, у США же с этим проблемы; у России есть трудности в добыче углеводородов в сложных арктических условиях; нефтепровод, проложенный с аляскинского месторождения в заливе Прадхо моря Бофорта, для безаварийной эксплуатации в условиях давления льдов должен постоянно перекачивать большое количество нефти, для чего просто необходим приток «черного золота» с других арктических месторождений. До присоединения Крыма к России арктическое сотрудничество между Москвой и Вашингтоном временно осуществлялось по целому ряду направлений, но с введением санкций все прекратилось.

Смелое заявление Д. Трампа относительно слияния США и Канады подразумевает расчет на возможность американского контроля над

большей частью континента, арктическими акваториями, трубопроводами, железными дорогами, мостами, что является стратегическим преимуществом. Достижения благоприятного баланса сил с другими глобальными игроками в Арктике путем такого объединения с Канадой далеко от реальности и больше напоминает провокационное заявление [16]. Профессор геополитики и главный редактор журнала *Territory Politics Governance* К. Доддс усомнился, что Д. Трамп, озвучив свои резкие предложения о присоединении Канады, знает, что канадская судостроительная компания *Davie* является владельцем судового флота в Хельсинки, курирующей около 50% мирового производства ледокольного флота [17]. Хотя еще при прежней администрации в июле 2024 г. американцы подписали документы с Финляндией и Канадой о сотрудничестве в строительстве полярных судов. Наиболее вероятно, что реализация этих проектов будет продолжена. С помощью именно канадско-финских ресурсов США будут пытаться преодолеть ледокольный разрыв с Россией, имеющей в своем составе флот, состоящий из 40 ледоколов, среди которых 8 являются атомными. С их помощью Россия в условиях санкций все еще поставляет СПГ на рынки Европы. В настоящий момент у США в наличии всего два полярных ледокола, остальные плавсредства относятся к категории буксиров, судов снабжения, а в составе ВМС США подобные средства вообще отсутствуют. Канада имеет 24 полярных судна. Однозначно, что новая администрация Д. Трампа будет рассматривать новые варианты финансовых вложений в ледокольный флот, а также строительство новой портовой инфраструктуры на Аляске. В материалах СМИ уже появилась информация о телефонном разговоре министра иностранных дел Финляндии Э. Валтонен с госсекретарем США М. Рубио, в котором они касались вопросов взаимодействия в строительстве полярных судов⁴.

С началом спецоперации на Украине все члены Арктического совета прекратили сотрудничество с Россией в рамках этой организации, а Москва приостановила выплату взносов. Но это решение не помешало новой администрации Д. Трампа совместно с российскими официальными лицами заявить о совместном арктическом экономическом сотрудничестве, распространенном на разведку природных

ресурсов и использование торговых путей. Американские инвесторы будут участвовать в российских арктических проектах в случае выполнения западными компаниями ряда условий: руководство и контроль созданными западными структурами не должно осуществляться из-за рубежа; мозговые центры программного обеспечения должны иметь российскую составляющую; все процессы, касающиеся геологоразведки и добычи, не должны идти вразрез с требованиями российского законодательства.

На фоне таких заявлений из секретариата Арктического совета появляются заключения, что внимание Д. Трампа пока не переключилось на эту организацию, а когда это произойдет, то последствия будут разрушительными. Даваемые прогнозы неутешительны. Они колеблются от полного переформатирования параметров работы организации до ее полного прекращения [18]. Объяснения, приводимые членами Арктического совета, в целом вписываются в общую повестку работы новой администрации Д. Трампа: прекращение помощи в рамках целого ряда программ международных организаций и многосторонних соглашений, что распространится и на любые программы Арктического совета; критика и прекращение действий экономических соглашений США с другими странами ради американской выгоды; отрицание всех соглашений и программ, касающихся климатической повестки и всех ссылок на Парижское соглашение; маловероятно, что хоть как-то будут поддержаны инициативы в интересах коренных народов Севера; попытки поглотить территории двух государств-членов совета не позволят Канаде и Дании работать с США в прежнем формате; единственное арктическое государство, с которым США пока планирует нормализовать взаимодействие, – Россия, но контакты с ней других приарктических государств являются проблемными.

В результате такой политики, полностью противоречащей предыдущей работе Арктического совета, возможен выход США, Канады и Дании из его состава, в результате чего там останутся только четыре активных члена организации, а реализация любых климатических инициатив станет невозможной. При таком раскладе США могут продолжить работу за рамками совета Арктических государств, например в Форуме береговой охраны Арктики (ACGF), правда, назначаемая в ней на каждые два года страна-председатель идентична стране-председателю Арктического совета. Полу-

⁴ Телефонный разговор государственного секретаря Рубио с министром иностранных дел Финляндии Валтонен. URL: <https://www.state.gov/translations/> (дата обращения: 08.04.2025).

чается, что это установленное правило будет нарушено. Впечатляет, что Д. Трамп из состава ACGF уволил командира – первую женщину-адмирала на этом посту Л. Фейган, которой было предъявлено обвинение в неэффективном использовании сил для поддержки безопасности национальных границ, а также за действия по обеспечению разнообразия и инклюзивности⁵. В аналитических кругах высказываются опасения, что при таких раскладах Арктический совет может вплоть до новых президентских выборов полностью выпасть из поля зрения как руководства США, так и простых американцев.

Государства по-своему готовятся к военному противостоянию за полярным кругом. В недавних маневрах НАТО Arctic Forge – 2025, проводившихся в период с 17 по 28 февраля 2025 г. на территории Финляндии и Норвегии, граничащей с Россией, приняли участие американские, канадские и финские военнослужащие. В Норвегии отрабатывались варианты нанесения дальнего точного удара в арктических условиях. Учения являлись частью плана по сдерживанию российских инициатив в Арктике и усилению присутствия западных стран в Приполярье. В ходе мероприятия предполагалось: достигнуть тактической слаженности и стратегической координации между подразделениями НАТО в Арктике; проверить адаптацию войск для действий в условиях экстремальных температур, повысить эмоционально-волевую устойчивость военнослужащих в сложных погодных условиях при ограниченном количестве дневного света.

Данные маневры проводились уже после второй инаугурации Д. Трампа. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что его администрация вернулась к своей прежней тактике по расширению военных составляющих в Арктическом регионе, в конечном счете сводящихся к сохранению контроля над арктическими маршрутами и возможностью проведения безопасных работ при разработке потенциальных месторождений. Кроме этого, команда Д. Трампа, концентрируя свое внимание на национальной безопасности и военной мощи во всех уголках мира, особое внимание сосредоточивает на обеспечении своего доминирования в этом спорном регионе, которое подразумевает арктическое развертывание, многопрофильные операции, обеспечивающие арктическое присутствие

США. Для полномасштабного военного присутствия у Вашингтона уже есть определенный задел: на Аляске две авиабазы с парком истребителей F-22 и F-16 и новыми F-35A LightingII; параллельно на Аляске ведется строительство новых военных объектов, на которых можно будет расквартировать около 10 тыс. военнослужащих НАТО; Вашингтон в своем распоряжении имеет еще две авиабазы, расположенные на севере Гренландии и в Норвегии. Примечательно, что F-35A LightingII является пока единственным сертифицированным носителем термоядерного оружия 5-го поколения, имеющим возможности нанесения ударов по российским арктическим военным объектам.

При новой администрации Д. Трампа проведение ежегодных учений NORAD Operation Noble Defender с использованием F-35 под предлогом решения текущих вопросов будет продолжено. Их основная задача – защита США и Канады от угроз со всех направлений во всех средах – остается весьма актуальной [19]. Под этой ширмой продолжит маскировать свою деятельность американская корпорация Lockheed Martin, являющаяся одной из основных бенефициаров процесса милитаризации Приполярья, специализирующаяся на довольно активных поставках странам НАТО продукции авиастроения, авиакосмической техники и судостроения. Дальнейшие шаги в плане милитаризации Арктики могут быть предприняты в плане размещения дополнительных многопрофильных оперативных групп MDTF, имеющих на вооружении гиперзвуковые комплексы Dark Eagle, об успешных испытаниях которых недавно информировал Lockheed Martin.

Таким образом, проекты Д. Трампа относительно присоединения США и Канады подразумевают под собой военное присутствие на всем Северном полушарии, а также возможность ведения боевых действий в рамках многодоменного противостояния – одновременного ведения войны в различных физических средах.

Пересмотр арктической политики новой администрацией Д. Трампа связан, в первую очередь, с развитием партнерских отношений между Россией и КНР. Планируемые действия, анонсируемые в виде ряда заявлений после инаугурации президента, носят, в первую очередь, геостратегический и военный характер. В настоящий момент они не конкретны, лаконичны, изложены в основном в материалах новостных агентств и недостаточно скоординированы с общим курсом администрации Белого дома.

⁵ Администрация Трампа сняла с должности командующую Береговой охраной США. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22944081> (дата обращения: 09.04.2025).

В условиях отсутствия каких-либо концептуальных документов на уровне национальной стратегии США лидеры многих государств с опасением относятся к тиражируемой информации о параметрах возможных действий новой администрации США в Арктике, называя ее непоследовательной, не имеющей всесторонней полной поддержки как среди американцев, так и среди населения союзных с США государств. В то же время все понимают, что Арктика в настоящее время является зоной постоянной конкуренции и может быть самостоятельным театром военных действий в возможных атлантических и тихоокеанских конфликтах.

Список литературы

1. *Murkins S.* The Future Battlefield is Melting: An Argument for Why the U.S. Must Adopt a More Proactive Arctic Strategy. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/future-battlefield-melting-argument-us-must-adopt-more-proactive-arctic-strategy/> (дата обращения: 05.03.2025).
2. *Kang A.* Cold, But Not War: How the U.S. and NATO Can Anchor the Arctic. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2024/october/cold-not-war-how-us-and-nato-can-anchor-arctic> (дата обращения: 05.03.2025).
3. *Kotz D. H.* Federal employees in the Northwest Arctic laid off in massive national sweep. URL: <https://www.adn.com/arctic-sounder/2025/03/03/federal-employees-in-the-northwest-arctic-laid-off-in-massive-national-sweep/> (дата обращения: 05.03.2025).
4. *Wong E.* The Arctic This Week Take Five: Week of 3 March, 2025. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-week-take-five-week-3-march-2025> (дата обращения: 04.03.2025).
5. *Wolff S.* Thawing Arctic heats up US-Russia imperialist instincts. URL: <https://asiatimes.com/2025/04/thawing-arctic-heats-up-us-russia-imperialist-instincts/> (дата обращения: 02.03.2025).
6. *Lanteigne M., Mingming Sh.* China Steps up Its Mining Interests in Greenland // *The Diplomat*. 2019. February, 12. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/china-stepsup-its-mining-interests-in-greenland/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. *Zellen B. S.* Greenland During Trump 2.0: Is America Poised for an Historic Arctic Territorial Expansion? URL: <https://www.thearcticinstitute.org/greenland-during-trump-2-0-america-poised-historic-arctic-territorial-expansion/> (дата обращения: 07.03.2025).
8. *Weissert W., Miller Z.* Trump refuses to rule out use of military force to take control of Greenland and the Panama Canal // *Associated Press*. January 7, 2025. URL: <https://apnews.com/article/trump-biden-offshore-drilling-gulf-of-america-fa66f8d072eb-39c00a8128a8941ede75> (дата обращения: 02.03.2025).
9. *Levy J.* Trump's Arctic Policy Is No Folly. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2025/01/trump_s_arctic_policy_is_no_folly.html (дата обращения: 02.03.2025).
10. *Keaten J., Gera V.* Donald Trump Jr. arrives in Greenland with a message from his dad: Were going to treat you well // *Associated Press*. January 7, 2025. URL: <https://apnews.com/article/greenland-us-trumps-son-visit-56bc01f1d3431c035b22ad6564579938> (дата обращения: 02.03.2025).
11. *Paddison L.* Trump wants to buy Greenland again. Here's why he's so interested in the world's largest island. URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/07/climate/trump-greenland-climate/index.html> (дата обращения: 07.03.2025).
12. *Васильева М.* Гренландцы игнорируют президентские аргументы. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/03/11/67cef9239a794793cf292951?ysclid=m8g7buui2109289090> (дата обращения: 04.04.2025).
13. *Amir S. A.* Could a Trump Presidency Revive Russia's Arctic LNG Project Amidst U.S. Sanctions? URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/11/10/could-a-trump-presiden-cy-revive-russias-arctic-lng-project-amidst-u-s-sanctions/> (дата обращения: 07.04.2025).
14. *Clark R.* Does Trump want to strike an Arctic oil deal with Putin? URL: <https://www.spectator.co.uk/article/does-trump-want-to-strike-an-arctic-oil-deal-with-putin/> (дата обращения: 07.04.2025).
15. *Milligan E. P.* Trump's threats to seize Greenland and the imperialist scramble for the Arctic. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2025/01/22/avjp-j22.html> (дата обращения: 08.04.2025).
16. *Mounier J. J.* Trump and the revival of Pan-Americanism. URL: <https://katehon.com/en/article/trump-and-revival-pan-americanism> (дата обращения: 07.04.2025).
17. *Dodds K.* The hitch in Trump's plan for Arctic dominance. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-hitch-in-trumps-plan-for-arctic-dominance/> (дата обращения: 07.04.2025).
18. *Huebert R.* Can the Arctic Council survive the Trump administration? Probably not. Here's why. URL: <https://www.arctictoday.com/can-the-arctic-council-survive-the-trump-administration-probably-not-heres-why/> (дата обращения: 09.04.2025).
19. *Степанов А.* США претендуют на «вершину мира». Чем обернется арктическая экспансия Пентагона. URL: <https://tass.ru/opinions/22848477> (дата обращения: 10.04.2025).

Поступила в редакцию 20.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 20.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 331–337

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 331–337

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-331-337>, EDN: QPKJZS

Научная статья

УДК 323.3

Государственная политика воспитания патриотизма российской молодежи как фактор обеспечения национальной безопасности: мнение экспертов вузов

М. Е. Анциферов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Анциферов Максим Евгеньевич, аспирант кафедры политических наук, mr.rar1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6534-4658>

Аннотация. В статье обобщены результаты исследования, проведенного автором среди преподавателей и студентов вуза. Целью исследования было определение приоритетов в представлениях граждан о смысле патриотического воспитания и о тех задачах укрепления национальной безопасности России, решить которые это воспитание позволяет. Исследование показало актуальность такого направления патриотического воспитания молодежи, как формирование устойчивой гражданской идентичности нынешнего поколения российских граждан. Выявлены институциональные и ценностные ориентиры, привязка к которым патриотического воспитания молодых граждан позволяет повысить результативность процесса формирования их гражданских идентичностей.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, национальная безопасность, воспитание, государственная политика, Россия

Для цитирования: Анциферов М. Е. Государственная политика воспитания патриотизма российской молодежи как фактор обеспечения национальной безопасности: мнение экспертов вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 331–337. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-331-337>, EDN: QPKJZS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State policy of education of patriotism of Russian youth as a factor of ensuring national security: Opinion of university experts

M. E. Antsiferov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maksim E. Antsiferov, mr.rar1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6534-4658>

Abstract. The article summarizes the results of the study conducted by the author among teachers and students of the university. The purpose of the study was to determine the priorities in the ideas of citizens about the meaning of patriotic education and about the tasks of strengthening the national security of Russia, which this education allows to solve. The study showed the relevance of such a direction of patriotic education of youth as the formation of a stable civic identity of the current generation of Russian citizens. Institutional and value guidelines are identified, the linking of patriotic education of young citizens to which allows to increase the effectiveness of the process of forming their civic identities.

Keywords: youth, patriotism, national security, education, public policy, Russia

For citation: Antsiferov M. E. State policy of education of patriotism of Russian youth as a factor of ensuring national security: Opinion of university experts. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 331–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-331-337>, EDN: QPKJZS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема обеспечения национальной безопасности страны в последние три года стала наиболее значимой и актуальной для Россий-

ского государства и общества в целом. Одним из важнейших направлений государственной политики в этом вопросе является формирование гражданской идентичности молодежи на основе воспитания патриотизма и социальной

ответственности подрастающего поколения. От решения данной задачи во многом зависит не только обороноспособность нашей страны, но и обеспечение экономического, технологического, научного, культурного суверенитета современной России.

Различные аспекты данной проблемы привлекают внимание представителей различных наук в современной России.

Наиболее активно рассматриваются сюжеты, связанные с трактовкой самого понятия «национальная безопасность» в условиях гибридной войны коллективного Запада против России. Правоведы, прежде всего, делают акцент на национальной безопасности как теоретико-правовой категории [1–6]. Данные работы дают представление об основных доктринальных подходах к категории национальной безопасности, о ее правовом оформлении, о содержательной эволюции, об основных элементах ее структуры.

Важным направлением является изучение ценностных основ укрепления национальной безопасности современной России [7–14]. В исследованиях акцент сделан на функциональности традиционных ценностей в качестве фактора обеспечения единства народов России в рамках одного государства, в качестве гаранта национальной безопасности и суверенитета страны.

Многие исследования посвящены различным аспектам взаимосвязи государственной политики по формированию общегражданской идентичности и задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [15–20]. Материалы данных публикаций дают представление о новых маркерах политической идентификации российской молодежи в условиях СВО, о роли нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности, о значимости гражданского единства в качестве фактора обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Особо можно выделить работы, посвященные непосредственно патриотическому воспитанию российской молодежи в качестве фактора обеспечения национальной безопасности современной России [21–25]. Авторы делают акцент на сущности патриотизма и его политической функциональности, на технологиях его формирования, на его роли в качестве фактора укрепления национальной безопасности в современной России.

В целом, анализ литературы показал, что большинство исследователей имеют в виду взаимосвязь государственной политики по формированию общегражданской идентичности, воспитанию патриотизма подрастающего поколения и задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Тем не менее ряд аспектов изучения этой взаимосвязи остается открытым. Одним из важнейших, на наш взгляд, является проблема логического согласования обозначенной выше взаимосвязи в рамках начавшегося три года назад официального реформирования системы высшего и школьного образования в Российской Федерации.

Поэтому целью данной статьи является анализ восприятия снизу (со стороны профессорско-преподавательского состава) характера государственной политики по патриотическому воспитанию подрастающего поколения в российских вузах в контексте обеспечения национальной безопасности страны. В качестве основных источников статьи стали материалы экспертных интервью 15 преподавателей вузов Саратовской, Самарской, Волгоградской, Тамбовской и Пензенской областей.

Результаты исследования

Важнейшее значение в рамках исследования имело выявление понимания сущности понятия «национальная безопасность» со стороны тех субъектов политической социализации российской молодежи, которые являются низовым звеном и непосредственными участниками воспитательной работы со студентами. Вопрос был сформулирован следующим образом: **«Как бы Вы определили смысл понятия “национальная безопасность”? Что более всего угрожает безопасности России?»**

Материалы интервью вузовских работников показывают высокий уровень понимания содержательной сущности данной категории. Примечательно, что во всех 15 ответах ее объяснение дано экспертами достаточно близкими по смыслу определениями. Среди ответов можно выделить следующие:

Способность к отражению внешних и купированию внутренних угроз в военной, экономической, демографической и прочих областях (доктор наук, профессор, стаж работы в вузе 39 лет);

Национальная безопасность – это состояние защищенности государства и общества от

внутренних и внешних угроз, носящих ярко выраженный политический, социально-экономический, демографический, военный, геополитический, идеологический, нравственно-ценностный характер (доктор наук, профессор, стаж работы в вузе 22 года);

Национальная безопасность – защищенность (охрана) общества и государства от внешних и внутренних угроз, имеющих экзистенциальный характер (кандидат наук, доцент, стаж работы в вузе 45 лет);

Национальная безопасность России – это защита ее национальных интересов от внутрен-

них и внешних угроз, гарантирующая реализацию конституционных прав и свобод граждан, надлежащее качество и уровень жизни для них, мир и согласие между людьми в стране, защиту суверенитета, независимости и единства нации, социально-экономическое развитие страны (старший преподаватель, стаж работы в вузе 8 лет).

Гораздо более разнообразны оценки того, что более всего угрожает безопасности России: если суммировать ключевые позиции всех вариантов ответов, то они будут выглядеть следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Что более всего угрожает безопасности России?

Внешние угрозы	Внутренние угрозы
Возможность агрессивной экспансии (культурной, либо территориальной) организованной внешней силы	Депопуляция коренного населения Организованная преступность и коррупция в госструктурах Кадровый голод в правоохранительных органах Неконтролируемая миграция, прежде всего из Средней Азии Олигархия, компрадорская элита
Военное, политическое и экономическое противостояние со странами Запада	Социальное и материальное неравенство Доминирование торговли энерго- и прочими сырьевыми ресурсами Внутренний раскол на идейной, национально-религиозной и социальной почве
Терроризм, деятельность диверсионных групп на нашей территории	Межэтническая конфронтация, сопряженная с нелегальной миграцией Отсутствие представлений об «образовательной» безопасности страны, а следовательно, кадровая беда в ключевых сферах для национальной безопасности
Угрозы информационной безопасности	Финансовая незащищенность граждан «Пожарная работа» в сфере продуктовой безопасности
Негативное информационное воздействие (в том числе на историческую память)	Стремление к «ручному» управлению «Ярмарочная» работа в молодежной среде
Санкционное давление	Технологическое отставание по ряду отраслей: машиностроение, станкостроение, гражданское авиастроение, фармацевтика Малое внимание развитию человеческого капитала в стране Проблемы, связанные со здоровьем населения

Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает, что преподаватели вузов, понимая опасность внешних угроз для России, акцент делают на внутренних проблемах в различных сферах общественной жизни, представляющих угрозу национальной безопасности страны. Многообразие данных угроз можно объяснить определенными профессиональными и научными интересами каждого из экспертов, а также их идейно-мировоззренческими установками. Последний фактор особенно характерен для критических оценок со стороны старшего поколения преподавателей вузов, которые сравнивают сегодняшнее положение дел с советским опытом. Более молодое поколение ППС акцент делают на технологическом и научном отставании России.

Еще один вопрос: «Что в политической культуре нынешнего молодого поколения российских граждан, какие правовые и моральные ценности, экономические интересы и психологические установки представляют собой угрозу национальной безопасности Российской Федерации? Какие, напротив, являются ресурсом ее укрепления?»

Варианты ответов ППС на данный вопрос трудно свести в единую таблицу. Наиболее развернутый ответ выглядит следующим образом:

Значительное число молодых людей (не менее трети) не связывают планы на будущее с Россией. Винить молодежь здесь не за что. Это стало результатом радикальной социально-политической и культурной трансформации общества в 90-е годы, что качественно по-

влияло на родителей, а позже семейную среду, нынешней молодежи. «Идеократию» сменила «мамонократия». В условиях провозглашенных «рыночных отношений» основные ценности сместились в экономическую сферу, а потому ныне оправдано все, что укрепляет твоё материальное состояние. Достаточно посмотреть на масштабы телефонного и интернет-мошенничества. Этим, по преимуществу, занимаются молодые люди, не обременённые моральными условностями. Для определенной части современной российской молодежи образцом для подражания являются жизнь и уклад российского (и не только) олигархата. И, справедливости ради, следует отметить, что идеи, символы и мифы этих «хозяев жизни» активно продвигаются в информационном пространстве. Эффективного противодействия этой тенденции пока не просматривается. Социальная дистанция между «богатыми» и «бедными» в России очень велика, и она только возрастает. Это – реальная угроза для будущего страны (доктор наук, профессор, стаж работы в вузе 40 лет).

Ответы других преподавателей во многом идентичны вышеприведенному развернутому ответу профессора с сорокалетним стажем работы в вузе. Если суммировать обозначенные экспертами характеристики элементов политической культуры современной молодежи, представляющих угрозу национальной безопасности страны, то их можно представить следующим образом: политическая и правовая неграмотность; индивидуализм; приоритет материального над духовным; ориентация на потребление и развлечения, гедонизм; моральный нигилизм; приоритет личных интересов над значимостью коллективных интересов; высокий уровень недоверия у молодежи к системе государственного управления в России; политический абсентеизм; распространение модели «двоемыслия» (декларируя в обществе одни ценности, а на практике, поддерживая совершенно другие); националистические установки у ряда народов России; установки в сети Интернет на поддержку ЛГБТ – прежде всего у творческих специальностей, чайлдфри, распространенность мнения о крайне невыносимой болезненности родов; пренебрежительное отношение к собственному здоровью; отсутствие у части молодежи умения работать с поступающей информацией, в том числе критически ее воспринимать, что открывает широкие возможности для манипуляции молодежью, формированию искаженных представлений об истории и текущем положении вещей.

Политико-культурные ресурсы для укрепления национальной безопасности эксперты видят следующим образом: высокий уровень образования нынешнего поколения; утрата веры в либеральные западные ценности; достаточно высокий уровень патриотизма и приверженности традиционным ценностям у значительной части молодежи; перспектива подключения большего количества представителей молодежи к процессу выработки и принятия политических решений; преподавание гуманитарных дисциплин; поддержка высокого статуса учителя, преподавателя, медицинского сотрудника, полицейского, «человека труда» и представителя власти в целом; индивидуализм молодежи не является абсолютным, сохраняются традиции совместного, коллективного решения проблем.

Как видно из ответов, преподаватели вузов не оценивают студенческую молодежь как единую социальную группу с унифицированными характеристиками. Они исходят из того, что студенты различаются по своему мировоззрению, ценностным ориентациям, уровню социально-политической активности, гражданской ответственности и т.д. Кроме того, варианты ответов преподавателей позволяют оценить характеристики части студентов, как амбивалентные, основанные на принципе «с одной стороны – с другой стороны». Именно в отношении последних особенно важно усилить воспитательную работу по формированию патриотизма и гражданской ответственности за национальную безопасность страны.

Выявлению связи между двумя данными понятиями был посвящен отдельный вопрос (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, показывают, что абсолютное большинство экспертов были единодушны в оценке прямой зависимости обеспечения национальной безопасности от уровня патриотизма населения страны, особенно подрастающего поколения. Наиболее наглядно данную взаимосвязь осознают представители старшего поколения ППС, которые апеллировали к опыту формирования советского патриотизма, как важнейшего фактора победы СССР в Великой Отечественной войне.

Важное значение имел вопрос, нацеленный на выявление путей и способов повышения эффективности работы по патриотическому воспитанию ведущих субъектов политической социализации (табл. 3).

Таблица 2

Что такое, по Вашему мнению, патриотизм? Как этот феномен связан с задачей обеспечения национальной безопасности страны?

Определение патриотизма	Связь с обеспечением национальной безопасности
<p>Преданность своей стране, знание и уважение ее истории и культуры, а также готовность действовать в ее интересах</p> <p>Не только любовь к своей Родине, к ее народу, гордость за нее, ее успехи и достижения, но и преданность Родине и готовность в любой момент принести себя в жертву</p> <p>Определенная система ценностей, система мировоззрения и чувств человека, выражающаяся в способности принести себя в жертву ради своего Отечества</p> <p>Чувство любви к Отечеству, выраженные в позитивно-деятельностном к нему отношении</p> <p>Осознанная любовь к Отечеству (прежде всего – это межличностные отношения, которые формируют представления о своей Родине)</p> <p>Уважение и любовь к своей стране без каких-либо причин и обстоятельств</p> <p>Любовь к Родине как понятие, противоположное космополитизму</p> <p>Наряду с эмоциональной привязанностью (к малой родине или стране в целом), осознанная ответственность за свои поступки и действия в зависимости от контекста мирного или военного времени</p> <p>Нравственный и политический принцип преданности своей Родине, своему народу</p>	<p>Национальная безопасность страны немыслима без осознанного патриотизма ее граждан</p> <p>Нет патриотизма и есть незащищенность государства – это закономерность</p> <p>Патриотизм в обществе является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения национальной безопасности страны</p> <p>Составляя основу духовной безопасности, патриотизм непосредственно влияет и на все иные аспекты национальной безопасности: военный, социальный, экономический, научно-технологический, образовательный, культурный и т.д.</p> <p>Патриотически настроенное население – это лояльные государству люди. Это позволяет обеспечивать стабильность и управляемость страны с меньшими затратами</p> <p>При этом поступки и действия как минимум не должны быть во вред близким, обществу, индивидуальным, общественным и государственным ресурсам, а в норме должны носить созидательный характер либо быть направлены на решение задач, соответствующих общественным и государственным интересам, в том числе обеспечение национальной безопасности страны</p> <p>Чем выше истинный патриотизм (а не просто декларируемый), тем выше вероятность того, что национальным интересам государства не будет причинен вред</p>

Таблица 3

За счет чего, на Ваш взгляд, российские СМИ, политические партии, учреждения культуры и молодежные организации могли бы повысить эффективность своей деятельности по патриотическому воспитанию молодых граждан?

Проблемы, связанные с деятельностью, социальными и профессиональными характеристиками субъектов патриотического воспитания	Предложения экспертов по решению проблем
<p>Доминирование «информационного шума»</p> <p>Наличие формализма в мероприятиях по патриотическому воспитанию</p> <p>Навязчивый характер патриотических мероприятий и программ</p> <p>Проблема патриотического мировоззрения у кадрового состава учреждений культуры, СМИ и молодежных организаций</p> <p>Отсутствие доверия у молодежи к обозначенным субъектам политической социализации</p> <p>Интернет – главный источник информации для молодежи</p>	<p>В центре внимания должны быть люди – носители патриотических идей, на деле доказавшие преданность своей стране</p> <p>Значительное расширение патриотического контента в информационном, общественно-политическом и культурном пространстве</p> <p>Знакомство с достижениями отечественной экономики, науки, современного российского общества</p> <p>Проводить патриотические мероприятия, связанные с живым общением</p> <p>Эффективнее использовать интернет для трансляции патриотических идей</p> <p>Работа по патриотическому воспитанию должна носить более прикладной характер</p> <p>Необходимо «погружать» студентов в жизнь своего региона</p> <p>Демонстрировать наглядные примеры успешной работы на благо страны и своего региона в сфере производства, сельского хозяйства, культуры, спорта</p> <p>Активнее использовать интернет-ресурсы и технологии для патриотического воспитания</p>

Анализ ответов на данный вопрос позволил выделить несколько факторов, от которых, по мнению экспертов, зависит повышение эффективности патриотического воспитания молодежи в современной России. Многие характеристики накопившихся проблем в деятельности ведущих субъектов политической социализации достаточно близки по смысловому содержанию (формализм воспитательных мероприятий, низкий уровень доверия молодежи к официальным источникам воздействия, доминирование интернет-ресурсов в формировании мировоззрения).

Раскрывая свое видение улучшения положения дел в данной области, часть экспертов (примерно треть) на первое место по значимости поставили политические и социально-экономические факторы и указали на необходимость первоочередных государственных решений именно в этих сферах. По их мнению, только совершенствование политического и социально-экономического устройства страны и устранение явного неравенства и повсеместной коррупции может решить проблему повышения доверия со стороны молодежи ко всем направлениям государственной политики и государству в целом, а также ко всем официальным субъектам политической социализации.

Вторая группа факторов связана с определенными проблемами и недостатками в деятельности именно субъектов патриотического воспитания, которые прямо или косвенно можно выявить из ответов. Суть предложений экспертов по их устранению сводится к усилению «живого» общения со студентами и более активному использованию в патриотических мероприятиях реальных современных героев фронта и тыла, а также наглядных достижений и примеров из жизни своего региона.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал, что взаимосвязь между государственной политикой по патриотическому воспитанию и обеспечением национальной безопасности современной России осознается как на теоретическом уровне в научном дискурсе, так и на уровне практической воспитательной работы преподавателей со студентами.

Результаты экспертного опроса позволяют констатировать высокий уровень понимания преподавателями вузов сути задач по

формированию патриотизма подрастающего поколения и его функционального значения в обеспечении национальной безопасности во всех ее проявлениях в современной России. Тем самым можно говорить о хорошем ресурсном потенциале профессорско-преподавательского состава рассмотренных в статье вузов в обеспечении общеобязательной дисциплины «Основы российской государственности» и воспитательной работы в целом.

Большинство опрошенных отметили позитивные изменения в государственной политике РФ в данной сфере, произошедшие в последние три года. В качестве ключевых препятствий дальнейшего повышения ее эффективности эксперты выделили остающиеся проблемы и противоречия в политической и социально-экономической системе страны и недостатки в деятельности самих субъектов политической социализации молодежи.

Значительная часть экспертов увязала перспективу позитивных изменений в практиках патриотического воспитания молодежи и в укреплении всей системы национальной безопасности с усилением акцентов во внутренней российской политике на вопросах образования и трудоустройства молодых людей.

Список литературы

1. Гвинтовкин М. В. Национальная безопасность как теоретико-правовая категория // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 1 (62). С. 17–23. EDN: LKRWVM
2. Зимовец Л. Г., Куликовский А. В. Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 25–30. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-25-30>, EDN: YHLCFCV
3. Новиков А. В. Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 3А. С. 27–34. EDN: MOWVNQ
4. Подройкина И. А., Алексеева М. В. Правовой и структурно-функциональный подходы к исследованию категории «национальная безопасность Российской Федерации» // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1 (66). С. 172–176. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2024.66.886>, EDN: MMUYVB
5. Савченко М. С. К вопросу эволюции понятия «национальная безопасность» и месте «духовной безопасности» в стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2 (63). С. 20–29. EDN: MTINHS

6. Хрящевская Т. А., Каленский П. В. Сущность системы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 149–160. EDN: BRVGFF
7. Ананичева С. Р., Лебедева К. Д. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Ученые заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 3. С. 1–5. EDN: SEEGZA
8. Афанасьева Н. В. Традиционные ценности как гарант национальной безопасности // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. Т. 10, № 4. С. 7–11. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-4-7-11>, EDN: WVJEU
9. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
10. Зубов В. В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 38–47. EDN: NYOKIB
11. Копылов И. А. Культурные и духовно-нравственные основы управления национальной обороной Российской Федерации в условиях современного межгосударственного противоборства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 189–201. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-6-189-201>, EDN: TIYMUP
12. Миловзорова М. Н. Аксиологические рубежи обороны системы национальной безопасности: функциональное предназначение // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10. С. 100–105. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.10.13>, EDN: REQIFO
13. Погорелый А. П. Духовно-идеологическая безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 169–174. EDN: GZQTVK
14. Редкоус В. М. Ценностные характеристики национальной безопасности // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия : сб. ст. Вып. 6 / под общ. ред. Т. М. Заниной. Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2024. С. 149–155. EDN: MKSWBO
15. Вилков А. А. Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY
16. Вилков А. А. Конституционно-правовые основы идеологической идентификации молодежи в современной России // Правовая культура. 2024. № 3 (58). С. 29–35.
17. Джинибалаян С. М. Гуманитарное образование – основа формирования гражданской идентичности молодежи России // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2024. № 4. С. 80–90. EDN: GVOKZQ
18. Радиков И. В. Гражданское единство россиян как фактор упрочения национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 1. С. 122–137. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.111>, EDN: GHRQDC
19. Скрыбин Д. И. Роль нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 275–279. EDN: UYXDAL
20. Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. «Конвертируемость» политических идентичностей молодежи как политическая и научная проблема // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 149–170. <https://doi.org/10.28995/20736339-2024-3-149-170>
21. Андреев М. В. Патриотическое воспитание как фактор укрепления национальной безопасности России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 30–33. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-4>, EDN: CYVRMJ
22. Вилков А. А., Колесников К. Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Политология». 2015. № 1. С. 1–10. EDN: TNQIHL
23. Дьяченко А. Н., Синютин А. А. Патриотизм как духовно-нравственный феномен в современном социокультурном пространстве // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 4. С. 121–133. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.8>, EDN: MMEXQA
24. Олешкевич Т. А., Лескова И. В., Бурляева В. А., Семкина Е. Н. Политические технологии формирования патриотизма в современной России: десятилетний анализ // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.24158/rep.2025.3.1>, EDN: WSKHNB
25. Пономарев П. А., Шалин В. В., Самыгин С. И. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 95–102. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.9>, EDN: ILENXC

Поступила в редакцию 16.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025;

принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 16.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025;

accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 338–343

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 338–343

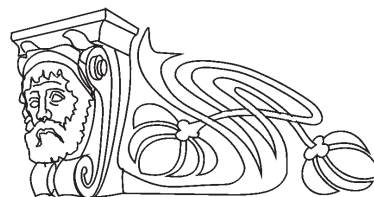
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-338-343>, EDN: RTDZDM

Научная статья

УДК 37.035.4

Смысловые неопределённости в государственной стратегии политического воспитания молодых граждан

Н. С. Барановский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Барановский Никита Сергеевич, аспирант кафедры политологии, anreal32@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3684-0312>

Аннотация. В настоящей публикации предметом анализа являются проблемы смысла некоторых принципиально важных установок современной государственной стратегии политического воспитания молодых российских граждан. Неопределённости смысла таких установок обнаруживаются в нормативных документах, определяющих цели и задачи всей работы институтов государства в этом направлении. Возникает, соответственно, трудность с достоверным определением того, насколько результат этой работы соответствует ожиданиям государства и общества, их политическим интересам. Причина существования смысловых неопределённостей в государственной стратегии политического воспитания российских граждан видится в сложной организации идеологических основ российской внутренней политики, конкуренции либеральных и консервативных мотиваций её субъектов. В статье обоснована авторская позиция, согласно которой по условиям текущего политического момента необходима конкретизация тех понятий и определений, на которых сегодня держится вся политико-воспитательная работа государства с гражданами. Без этого невозможны системность в воспитательной работе и точность в оценке её результатов.

Ключевые слова: политическое воспитание, молодёжная политика

Для цитирования: Барановский Н. С. Смысловые неопределённости в государственной стратегии политического воспитания молодых граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 338–343. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-338-343>, EDN: RTDZDM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic ambiguities in the state strategy of political education of young citizens

N. S. Baranovsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikita S. Baranovskiy, anreal32@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3684-0312>

Abstract. The subject of this publication is the analysis of problems of the meaning of some fundamentally important guidelines of the modern state strategy of political education of young Russian citizens. Uncertainties in the meaning of such guidelines are found in regulatory documents that define the goals and objectives of all work of state institutions in this direction. Accordingly, there is a difficulty in reliably determining to what extent the result of this work meets the expectations of the state and society, their political interests. The author sees the reason for the existence of semantic uncertainties in the state strategy of political education of Russian citizens in the complex organization of the ideological foundations of Russian domestic policy, the competition of liberal and conservative motivations of its subjects. The article substantiates the author's position, according to which, under the conditions of the current political moment, it is necessary to specify those concepts and definitions on which all political and educational work of the state with citizens is based today. Without this, systematicity in educational work and accuracy in assessing its results are impossible.

Keywords: political education, youth policy

For citation: Baranovskiy N. S. Semantic ambiguities in the state strategy of political education of young citizens. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 338–343 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-338-343>, EDN: RTDZDM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На фоне обострения конфронтации России с западным миром необходимость разработки стратегии политического воспитания молодых

российских граждан становится всё более актуальной. Российское государство делает акцент на патриотическом воспитании, кото-

рое, в сравнении с политическим воспитанием, имеет более узкую направленность и, думается, лишь частично решает задачу подготовки лояльного российского гражданина. Дело в том, что лояльность гражданина, даже не во всём согласного с государственной политикой, обычно идёт на пользу государству. Лояльный гражданин если и не поддерживает государственные меры напрямую, то и не мешает их реализации. Развитие же в молодом человеке патриотического чувства может как укрепить его лояльность интересам своего государства, так и направить его на путь антигосударственной деятельности.

Есть граждане России, которые после начала СВО предпочли покинуть свою страну и занимаются сегодня антироссийской деятельностью за рубежом. При этом они искренне считают, что являются настоящими патриотами России и что их деятельность направлена на её благо. Они даже могут апеллировать к оценкам известного философа Н. А. Бердяева, который с симпатией относился к идеологическим метаниям мыслителя XIX столетия (сначала профессора Московского университета, а потом политического эмигранта) В. С. Печерина [1]. Н. А. Бердяев, вспоминая откровенно русофобские стихотворения В. С. Печерина, утверждал, что написать подобное мог «...только русский и притом русский, который, конечно, страстно любит свою Родину» [2, с. 46–47].

Есть в то же время немалое число российских граждан, которые не обличают перед всем миром своё государство, так как они понимают, что без устойчивой государственной формы Россия перестанет существовать. Лояльность политической позиции гражданина обеспечивает, таким образом, конструктивную направленность его патриотического чувства, обеспечивает оптимальный контекст для всей совместной работы институтов государства и общества в этом направлении.

О том, что стратегия государственной внутренней политики учитывает этот важный момент, говорится в Указе Президента РФ от 25 января 2023 г.¹ В частности, в той его части, где определено содержание понятия «культурный суверенитет». Этим понятием обозначена

совокупность условий, совместное соблюдение которых государством и обществом обеспечивает им возможность противостоять внешним угрозам и адекватно реагировать на внутренние вызовы. Конкретнее – формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищёнными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Такое определение обеспечивает понимание субъектами российской политики общего направления, в котором намерены действовать институты государства, и того общего состояния, к которому в обозримой перспективе должна прийти российская политическая жизнь.

Указ, однако, оставляет открытым вопрос, кто и как должен привить гражданам и государственным управленцам понимание необходимости соблюдать упомянутые условия взаимодействия между собой и с внешним миром. Для воспитания гражданина лояльным тем интересам государства и общества, которые эти государство и общество продекларировали и по поводу которых пришли к согласию, достаточно вызвать в нём сочувствие этим интересам, а также убедить не мешать их реализации, даже если с чем-то гражданин внутренне не согласен. Для того чтобы сделать лояльного гражданина гражданином-патриотом, необходимо внушить ему, что реализации интересов государства и общества он обязан помогать всеми доступными ему средствами. В его активном содействии реализации интересов государства и общества состоит его патриотический долг. А активное практическое содействие требует уже более конкретной привязки мыслей и поведения человека к содержанию поставленных перед ним задач.

Тут обнаруживает себя проблема смысла ориентиров, на которые должна быть направлена патриотическая активность гражданина. Во-первых, заявленная государством готовность «придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» следствием имеет вопрос: в условиях многонациональной и многоконфессиональной России, в условиях исторического сосуществования социумов с разными хозяйственно-бытовыми укладами какие ценности можно считать тра-

¹ О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 22.06.2023).

диционно российскими, а какие нет? Примеры разночтений можно найти даже в нормативных документах. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р, которое предлагает утвердить «Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», содержит в себе список традиционных духовно-нравственных ценностей². В то же время существует указ Президента от 9 ноября 2022 г., в котором также обозначен список традиционных ценностей³. Разумеется, список приведённых в разных нормативных актах традиционных ценностей, различен. Более того, подобная правовая конкретизация традиционных ценностей широко не оглашается и, скорее, разработана для тех государственных структур, которые будут реализовывать воспитательные стратегии.

Опорой для приверженности россиян традиционным российским ценностям должна быть, как определено указом Президента от 25 января 2023 г., коллективная историческая память граждан. Но что такое «историческая память»? Знакомясь с заявлениями первых лиц Российского государства, можно сделать вывод о том, что данное определение связано исключительно с сохранением воспоминаний о героических подвигах российской армии на поле боя, в особенности это касается правдивого освещения событий времён Великой Отечественной войны, которое, безусловно, нуждается в защите от посягательств ревизионистов и фальсификаторов с Запада⁴. Научная же среда формирует иные смыслы данной дефиниции. К примеру, Л. А. Тюкина определяет историческую память как совокупность эмпирического опыта каждого отдельно взятого индивида, которая формирует групповые воспоминания [3, с. 185].

² Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201506020017?index=3> (дата обращения: 28.02.2025).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.02.2025).

⁴ Володин рассказал, почему важно защищать историческую память // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/volodin-rasskazal-pochemu-vazhno-zashhishhat-istoricheskuyu-pamyat.html> (дата обращения: 22.02.2025) ; Путин призвал сохранять историческую память // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 22.02.2025).

Во всех определениях сути исторической памяти присутствует акцент на том, что само её существование так или иначе связано с традицией. Но что такое традиция и каким образом те или иные социальные практики устанавливают её связь с исторической памятью? Вопрос важный для выбора средств воспитательной работы государственных и общественных институтов с гражданами.

Не менее важен и вопрос идеологических и правовых границ, в которых молодой человек может и должен легально и легитимно на практике демонстрировать государству и обществу свою патриотическую позицию. Неопределённость таких границ, существующая сегодня в государственной стратегии воспитания молодых граждан, на практике создаёт условия для участия последних не только в общественно-политических организациях государственнической ориентации. Неясность таких границ, как уже показали события минувших постсоветских десятилетий, приводит к участию молодых людей в деятельности организаций со специфической идейной ориентацией. В качестве примера можно вспомнить историю общества «Мемориал». Оно начинало свою деятельность с исследований репрессий в СССР, активно вовлекало в свои ряды молодых активистов. А позже стало заниматься оправданием преступлений немецких нацистов в годы Великой Отечественной войны и поддержкой несанкционированных акций протеста в России⁵. Также можно вспомнить историю общества «Память», которое позиционировало себя как национал-патриотический фронт, чья деятельность связана с сохранением исторической памяти, чем привлекло в свои ряды часть лояльно настроенной молодёжи. На деле же данное «общество» оказалось неонацистским движением с праворадикальной риторикой и действиями⁶.

Ещё меньше ясности с тем, как гражданам, для которых информационная среда стала одной из сред постоянного обитания, избегать «социально-психологической и культурной за-

⁵ «Мемориал» стал одним из лауреатов Нобелевской премии мира // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2022/633fc0619a79472d1457bac5> (дата обращения: 20.02.2025).

⁶ Их обвиняли в фашизме, про них пел Летов, с ними дружил Тальков. Как общество «Память» стало сенсацией в СССР? // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/09/12/pamyat/> (дата обращения: 20.02.2025).

висимости от внешнего влияния» и защищать себя «от деструктивного идеологического и информационного воздействия» согласно Указу Президента РФ «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики». Особенно в ситуации, когда само государство побуждает их осваивать и использовать самые передовые цифровые технологии, при том, что многие из этих технологий изначально как раз и создавались для того, чтобы осуществлять информационное воздействие на людей. Это требование к гражданам «защищать себя» по смыслу следовало бы обратиться к компетентным государственным службам. Гражданину же его выполнение практически не по силам. Представляется, что если в голове молодого человека родится вопрос «патриот ли я, если пользуюсь поисковиком Гугл?», то сам по себе такой вопрос будет вносить в процесс политического воспитания этого человека больше идейной неразберихи, чем пользы.

Слишком общее определение государством своих ориентиров в воспитательной работе с гражданами оставляет широкий простор для активности бизнеса в этой сфере там, где его интересы так или иначе пересекаются с интересами государственными и общественными. Бизнесу важно, чтобы политическое воспитание гражданина включало в себя формирование у него лояльности к интересам частного капитала и государственных корпораций. Бизнес как раз успешно конкурирует с государственными и общественными институтами в привлечении к себе внимания граждан, потому как делает акцент на конкретных решениях. К примеру, глава Сбербанка Герман Греф периодически высказывается по поводу того, каким должно быть современное российское образование⁷.

Любопытен прогноз, выполненный представителями Сбербанка и имеющий название «Будущее 2035+». Команда Сбербанка выделила шесть основных дискурсов российского общества: конформный (люди, для которых важно иметь стабильность и безопасность), патристический (патристически настроенные граждане), достигаторский (люди, рассматривающие становление карьеры как главный жизненный

ориентир), пессимистический (пессимистически настроенные граждане по отношению к собственному благополучию), социалистический (граждане, выбирающие такие ценности, как равенство, справедливость и социальные гарантии) и семейный (люди, для которых семья является самой важной ценностью в жизни).

Сбербанк выделил пять мегатрендов, которые определяют облик будущего Российского государства к 2035 г.: поляризация на уровне поколений, поляризация на уровне агломераций и малых городов, поляризация на уровне доступа к технологиям, поляризация по профилю компетенций и поляризация между богатыми и бедными. По прогнозам Сбербанка, старшие поколения будут контролировать младшие, так как более молодым поколениям будет свойственна пассивность. Молодые люди встретятся с такими проблемами, как сложность карьерного роста, дефицит рабочих мест, одиночество, ментальные расстройства и низкий уровень финансового благополучия.

Кроме того, как считают аналитики Сбербанка, искусственный интеллект потеснит многих граждан на рынке труда, крупный бизнес, из-за чего соискателям придётся постоянно обучаться чему-то новому, чтобы приобретать компетенции, позволяющие занять высокооплачиваемую вакансию. Вместе с тем многие люди будут вынуждены работать по частичной занятости, так как по причине отсутствия специальных компетенций будут заменены на прежнем рабочем месте искусственным интеллектом.

Всё это напрямую окажет серьёзное влияние на процесс образования и, как полагает команда Сбербанка, для того чтобы образование не потеряло своей актуальности из-за молниеносного устаревания знаний, следует отдать предпочтение коротким образовательным программам, а также растить кадры внутри производственных цепочек. Вдобавок аналитики Сбербанка считают, что контролировать граждан для государства станет гораздо проще благодаря тому, что человек будет повсеместно оставлять свой информационный след. Конкурентоспособность государства при этом будет напрямую зависеть от конкурентоспособности населения. При этом возможно увеличение количества бедных в два раза⁸.

⁷ Греф назвал пять принципов современного образования // Казанский федеральный университет. URL: <https://kpfu.ru/womens-league/aktualno/obrazovanie/gref-nazval-pyat-principov-sovremennogo-401304.html> (дата обращения: 03.02.2025).

⁸ «Будущее 2035+». URL: <https://drive.google.com/file/d/11yoRu2hSarD80lqAyTpbcc008--xWwNFu/view> (дата обращения: 22.09.2023).

Подобное внимание крупного бизнеса к тематике воспитания лояльных граждан кроется в желании получать сверхприбыли. Нужен ли бизнесу гражданин-патриот – это вопрос. Под надлежащим контролем государства бизнес может содействовать патриотическому воспитанию российских граждан, а может и не содействовать, перенаправлять свои и государства усилия в русло воспитания в гражданах одной только лояльности. Главная проблема здесь на сегодняшний день – это отсутствие устойчивого сценария взаимодействия государства и бизнеса в рамках политического воспитания граждан [4, 5].

Сегодня на Западе такой сценарий сложился и работает. Опыт его реализации позволяет понять, насколько многое в воспитательной работе государства с гражданами зависит от того, кем и как этот сценарий создан. Крупный бизнес, специализирующийся на производстве контента для медиаиндустрии, активно вмешивается в процесс политического воспитания молодого поколения. Многие высокобюджетные проекты имеют назидательный характер. Они прививают гражданам сознание необходимости лояльно относиться к различным сексуальным и национальным меньшинствам, согласовывать свои мысли и поступки с обязанностью уважать интересы таких групп населения. Например, в индустрии компьютерных игр существует такая компания, как Sweet Baby Inc., которая консультировала ряд крупных проектов, чтобы сюжет и персонажи в видеоиграх были более инклюзивными⁹. С победой Дональда Трампа на выборах Президента США и с преобладанием республиканцев после выборов в американский Конгресс «прогрессивная повестка» начала резко угасать. Однако, на наш взгляд, в скором времени мы будем наблюдать диаметрально противоположную картину, где финансирование и продвижение будут получать так называемые антиповесточники, а крупный бизнес, по примеру Марка Цукерберга, станет менять ценностную политику своей компании на 180 градусов, в связи с резко изменившейся политической обстановкой¹⁰.

⁹ Sweet Baby Inc // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sweet_Baby_Inc. (дата обращения: 05.02.2025).

¹⁰ Meta разрешила называть представителей ЛГБТ в соцсетях психбольными // РИАМО. URL: <https://riamo.ru/news/obschestvo/meta-razreshila-nazyvat-predstavitelej-lgbt-v-sotssetjah-psihbolnymi/> (дата обращения: 05.02.2025).

Но крупный бизнес в США остаётся незаменимым помощником государства в продвижении политической повестки в рамках многих направлений, в том числе и в вопросе воспитания лояльных граждан. Такая модель взаимодействия государства и крупных компаний представляется довольно результативной, однако в случае ослабления государства бизнес может стать сильным конкурентом государства в информационном пространстве.

Подобный пример присутствует в российской истории и связан с постсоветским периодом, когда СМИ перестали быть исключительно государственными [6]. Положительной же стороной взаимодействия государства и крупного бизнеса в вопросе политического воспитания являются всевозможные ресурсы компаний, в первую очередь финансовые. То есть государство не обременяет себя довольно весомой статьёй расхода на обеспечение деятельности всех субъектов, вовлечённых в воспитательный процесс.

Таким образом, на сегодняшний день в России существуют две конкурирующие стратегии политического воспитания граждан: одна – ценностно-гуманитарная, представленная и продвигаемая государством, направленная на постепенное превращение гражданина лояльного в гражданина-патриота; другая – коммуникативно-технологическая, транслируемая представителями крупного бизнеса и отражающая естественный его интерес к тому, чтобы процесс воспитания гражданина притормаживался на этапе формирования у него политической лояльности. В государственной стратегии много проблемных смыслов. В стратегии бизнеса всё более понятно, но менее соответствует интересу государства к воспитанию поколения сознательных, патриотично настроенных и активных граждан.

Возможно ли объединение этих воспитательных стратегий ради предотвращения конкуренции в сфере воспитания молодого поколения? Окончательный ответ на этот вопрос требует конкретизации позиции государства. Российский бизнес своё представление о цели и средствах формирования лояльного гражданина конкретизировал. Остаётся государству конкретизировать смысл своих интересов и задач хотя бы до того же уровня.

Список литературы

1. *Щербатова И. Ф.* Индивидуалистический вызов Владимира Печерина // *VOX. Философский журнал*. 2016. № 21. С. 245–259. EDN: ZXNBIT
2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб. : Азбука, 2015. 316 с. (Азбука-классика, Non-fiction).
3. *Тюкина Л. А.* Память и историческая память: соотношение понятий // *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 1 (20). С. 181–187. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187>
4. Взаимодействие власти, бизнеса и общества в сохранении и укреплении общественного здоровья / под ред. Г. Н. Комковой, С. А. Куликовой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2024. 168 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04890-9>, EDN: LCLEQP
5. *Кутмамбетов Н. А.* Организационные модели государственно-частного взаимодействия: поиск оптимального баланса интересов // *Endless Light in Science*. 2025. С. 22–29.
6. *Касаткин С. С.* Особенности работы СМИ в советский и постсоветский периоды // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2013. № 2 (103). С. 67–73. EDN: PZYDNT

Поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025;

принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025;

accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 344–350

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 344–350

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-344-350>, EDN: SWARWC

Научная статья

УДК 32.019.52

Способы противодействия негативным последствиям политизации спорта в оценках участников экспертного опроса

М. М. Гандилян

Дипломатическая академия МИД России, Россия, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Гандилян Мгер Миранович, аспирант кафедры политологии и политической философии, mgergandilyan.duma@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6330-2778>

Аннотация. В последние несколько лет наблюдается беспрецедентная политизация спорта высших достижений. Несмотря на то, что отечественные ученые весьма активно анализируют различные связанные с этим процессом аспекты, до сих пор недостаточно исследованными остаются способы борьбы с проявлениями дискриминационной политики в отношении российских спортсменов. Автор предлагает набор вариантов противодействия политизации спорта, которые гипотетически могла бы задействовать в текущей ситуации Россия, и выясняет отношение к ним представителей экспертного сообщества. Выяснилось, что наиболее эффективными на сегодняшний день средствами борьбы с негативными эффектами политизации могут быть более активная защита отечественных спортсменов правовыми средствами, использование инструментов спортивной дипломатии и широкое распространение пророссийских медийных нарративов в мировом информационном пространстве. Отмечено также, что идея проведения собственных, альтернативных международных соревнований в настоящий момент не вызывает у экспертов большого энтузиазма.

Ключевые слова: спорт, политика, политизация спорта, Олимпиада, МОК, ВАДА, Россия

Для цитирования: Гандилян М. М. Способы противодействия негативным последствиям политизации спорта в оценках участников экспертного опроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 344–350. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-344-350>, EDN: SWARWC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ways of counteracting negative effects of politicization of sports in the assessments of expert survey's participants

M. M. Gandilyan

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, bld. 1, 53/2 Ostozhenka St., Moscow 119021, Russia

Mger M. Gandilyan, mgergandilyan.duma@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6330-2778>

Abstract. In the last few years, there has been unprecedented politicization of high-performance sports. Despite the fact that Russian scholars are actively analyzing various aspects related to this process, methods of combating manifestations of discriminatory policies towards Russian athletes remain insufficiently studied. The author offers a set of options for counteracting the politicization of sports that Russia could hypothetically use in the current situation, and finds out the attitude of representatives of the expert community towards them. It turned out that the most effective means of combating negative effects of politicization today may be more active protection of domestic athletes by legal means, the use of sports diplomacy tools and widespread dissemination of pro-Russian media narratives in the global information space. It also turned out that the idea of holding our own, alternative international competitions does not currently arouse much enthusiasm among experts.

Keywords: sport, politics, politicization of sport, Olympics, IOC, WADA, Russia

For citation: Gandilyan M. M. Ways of counteracting negative effects of politicization of sports in the assessments of expert survey's participants. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 344–350 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-344-350>, EDN: SWARWC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Масштабные ограничения, наложенные на российских спортсменов в последнее десятилетие, естественным образом актуализиро-

вали вопрос о причинах, формах, способах и последствиях политизации спортивной сферы. Отечественные ученые достаточно активно начали анализировать самые различные свя-

занные с этим сюжеты. Среди прочих затрагивались следующие аспекты данного феномена: взаимное проникновение политики и спорта как социальных институтов [1, 2]; политизация национально-государственной идентичности в спорте [3, 4]; двойные стандарты в мировом спорте, возможности спортивной дипломатии по противодействию политизации данной сферы [5, 6]; коммуникационные особенности политизации [7, 8] и др. Однако до сих пор детально не были исследованы варианты борьбы с проявлениями дискриминационной политики в отношении российских спортсменов.

В этой связи в рамках данной статьи будут рассмотрены возможные способы противодействия политизации спорта, которые гипотетически могла бы задействовать в текущей ситуации наша страна. При этом считаем важным не просто изложить потенциальные варианты реагирования на актуальные вызовы, но и оценить их с точки зрения отношения к ним представителей экспертного сообщества, специализирующегося на самых различных связанных со спортом вопросах. Убеждены, что их мнение непременно должно учитываться при разработке государственной политики в данной сфере.

Методология исследования

В проведенном нами экспертном опросе приняли участие 17 специалистов (восемь ученых, пять тренеров и по два спортивных функционера и журналиста / блогера), уровень квалификации и профессиональный опыт которых не оставляет сомнений в том, что они обладают глубокими знаниями по интересующей нас проблематике. Анкета экспертного опроса включала в себя шесть содержательных вопросов и один вопрос относительно основного рода занятий респондента.

Эксперты были заранее предупреждены о том, что их личные данные (фамилии, места работы, возраст) не будут указываться в материалах, содержащих результаты опроса. Поэтому в дальнейшем их мнения будут приводиться здесь лишь с отсылкой к сфере профессиональной деятельности каждого из них: например, «Э.-Ученый-1» будет означать первый (по времени заполнения онлайн-анкеты) эксперт, исследующий спортивную проблематику; кроме этого, далее также будут использоваться обозначения «Э.-Тренер», «Э.-Функционер» и «Э.-Журналист» с соответствующими числовыми маркерами.

Результаты

Прежде всего, нужно отметить, что среди экспертов преобладает очень скептическое отношение к возможности полной деполитизации спорта. При этом в качестве аргументов приводятся различные по своему характеру доводы – от экономической обусловленности вмешательства политики в эту сферу до геополитической востребованности спорта в качестве инструмента решения имиджевых задач конкретного государства. Между тем среди экспертов есть и те, кто гипотетически допускают возможность автономного существования спорта и политики. И пусть таковых значительно меньше – полностью отрицать вероятность обособления спорта и политики в обозримом будущем, на наш взгляд, было бы неправильно.

Возникает вопрос: можно ли в принципе противостоять процессу политизации спорта в современном мире и под силу ли отдельно взятому государству изменить что-либо в плане масштабов, интенсивности и эффектов политизации спорта? Этот вопрос мы также посчитали необходимым адресовать уважаемым экспертам.

Анализ высказанных на этот счет мнений дал нам основания разделить респондентов на три условных блока: «пессимистов», «оптимистов» и тех, кто полагает, что противодействовать политизации спорта в современном мире можно, но это сопряжено с большим количеством всевозможных сложностей и препятствий.

Исходя из упомянутых наименований выделенных нами «лагерей», понятно, что первые категорически не верят в успех попыток противодействия политизации спорта. Приведем лишь наиболее емкие и показательные в этом смысле мнения сторонников данной позиции.

Противостоять нельзя. Тем более – одному государству. Против него всегда возможно создание блоков в международных федерациях и комитетах, которые «продавят» выгодные для своих государств решения (Э.-Журналист-2).

Политизация спорта – это процесс не новый. Спорт и появился как ненасильственное соперничество государств. Как только спорт вошел в новую массовую культуру и как только он стал интернационализироваться, он немедленно приобрел глобальное политическое измерение в качестве инструмента «мягкой силы» для государств и брендинга нации. Поэтому вы-

сказывать весьма популярное мнение, что так называемая политизация спорта – это новое явление и было бы неплохо вернуться в некий «золотой век спортивного аполитизма», – это абсолютная наивность. ... Каждое государство заинтересовано в успехе своего спортсмена, поскольку это символ власти и влияния. Через успешный образ спортсмена государство продвигает свои социальные и политические идеи, пропагандирует собственные ценности (Э.-Ученый-4).

В отличие от «пессимистов», «оптимисты» в целом верят в возможность борьбы с политизацией спорта.

Противостоять политизации спорта можно, но успешность этого дела зависит от авторитета страны и предпринимаемых государством действий (Э.-Тренер-1).

В спорте задействовано множество акторов – государства, международные организации (как межправительственные, так и неправительственные), спортсмены и т.д. В рамках многосторонних отношений возможно достижение наиболее приемлемых договоренностей для снижения уровня политизации спорта (Э.-Функционер-2).

Наконец, самой распространенной среди экспертов позицией оказалась та, которая занимает своего рода промежуточное место между условно оптимистическим и пессимистическим взглядами на эту проблему.

Противостоять политизации спорта в целом крайне сложно. Необходимо противостоять деструктивной политизации спорта. Имею в виду санкционные рестрикции по отношению к национальным олимпийским комитетам, федерациям, антидопинговым службам и персонально к спортсменам (Э.-Ученый-1).

Для того, чтобы не было политизации спорта, необходимо исключить спорт из политического инструментария. Сделать это в рамках одной страны нереально. Об этом необходимо договариваться на межгосударственном уровне (Э.-Ученый-8).

Несмотря на то, что эксперты в целом весьма скептически относятся к идее о целенаправленном противодействии политизации спорта, мы все же решили поинтересоваться их мнением о том, как лучше это сделать. Следует заметить, что на основе анализа научной литературы по данной проблематике и имеющегося у нас опыта профессиональной деятельности в этой сфере к моменту проведения экспертного опроса мы уже сформулировали перечень мер, которые,

на наш взгляд, могли бы быть более или менее эффективными в борьбе против политизации спорта. Однако до того вопроса, в котором мы попросили экспертов оценить по пятибалльной шкале эффективность предложенных нами мер, в формате открытого вопроса им было предложено самим сформулировать собственное видение вариантов противодействия политизации спорта. Таким образом, мы рассчитывали, во-первых, не ограничивать экспертов оценкой только наших предложений и, во-вторых, максимально расширить спектр вариантов действий по борьбе с политизацией спорта.

Забегая немного вперед, скажем, что, по большому счету, в том или ином виде эксперты предложили такие средства борьбы с политизацией спорта, которые во многом оказались аналогичными тем, что изначально были сформулированы нами. В нюансах и акцентах, конечно же, имелись различия, однако основные векторы, в рамках которых необходимо двигаться, у нас, можно сказать, не сильно отличались друг от друга. Ниже приведем лишь наиболее типичные и содержательные из полученных ответов.

Все высказанные экспертами мнения при желании можно свести в три магистральных направления. Первое из них акцентирует внимание на потенциале совместных действий всех сторон, заинтересованных в деполитизации спорта высших достижений в современном мире:

Необходимо формирование широкой международной коалиции стран, готовых и стремящихся к противостоянию политизации спорта. Необходимы значительные усилия со стороны властных структур, с одной стороны. С другой – само спортивное сообщество должно выработать конвенциональные механизмы противодействия политизации спорта (Э.-Ученый-1);

Всем заинтересованным в этом сторонам нужно договориться и хотя бы декларативно закрепить постулат о том, что спорт должен быть вне политики (Э.-Ученый-6).

Второе направление подчеркивает важность задействования правовых механизмов борьбы с политизацией спорта:

Во-первых, необходимо придерживаться общепринятых международных нормативно-правовых актов – например, Олимпийской хартии (отстранение России – явное нарушение хартии и является дискриминацией по национальному признаку). Во-вторых, подходить к принятию решений взвешенно и с учетом

всех факторов относительно коллективной или индивидуальной ответственности (кейсы с допингом). В-третьих, важен открытый диалог, учитывающий интересы всех сторон (Э.-Журналист-1);

Ввести регулирование норм и правил, касающихся политического влияния на [Олимпийские] игры, отрегулировать все законодательно. Единообразие для всех политических игроков с последующим политическим и экономическим воздействием на нарушителей (Э.-Тренер-4).

Наконец, третье направление предполагает организацию альтернативных соревнований, которые изначально были бы построены на принципах справедливости, равноправия и по возможности не имели бы никакой политической подоплеки:

России необходимо создавать альтернативные международные спортивные институты. Это позволит нам влиять на развитие спорта в мире, нашим спортсменам иметь международные контакты, держать в тонусе наших «партнеров». Подобный опыт у нас имеется: до 1952 г. советские спортсмены не принимали участие в Олимпийских играх, соревнуясь с иностранными спортсменами в рамках альтернативных международных организаций. Колоссальный успех наших атлетов на летних Олимпийских играх 1952 г. и на последующих Олимпиадах об этом свидетельствует (Э.-Ученый-7).

Перейдем теперь к тем вариантам противодействия политизации спорта, которые изначально сформулировали мы сами. Заметим при этом, что набор возможных действий был условно разделен нами на две группы средств.

Первая включала в себя механизмы, нацеленные на борьбу с политизацией спорта в целом, во всем мире – без привязки к конкретному государству. Вторую группу составили меры, ориентированные на преодоление проблем и трудностей, которые в последнее десятилетие, на наш взгляд, искусственно были созданы для российского спорта западными странами и подконтрольными им международными структурами.

К первой группе мы посчитали возможным отнести следующие варианты политико-управленческих действий:

- реформирование МОК, ВАДА, Спортивного арбитражного суда в Лозанне (далее – САС) и других международных спортивных организаций;
- изменение антидопингового законодательства;
- кардинальное переустройство всей системы управления мировым спортом;
- строгое соблюдение уже существующих норм, исключение использования «двойных стандартов».

Любопытно посмотреть теперь на то, как те же самые варианты противодействия политизации спорта оценили эксперты. Учитывая, что их было всего 17 человек и подобная выборка сугубо в статистическом отношении не является репрезентативной и показательной, мы попросили участников экспертного опроса не выбрать наиболее предпочтительный для них вариант, а оценить эффективность каждого из четырех способов противодействия политизации спорта по пятибалльной шкале. Результаты такого оценивания представлены на рис. 1.

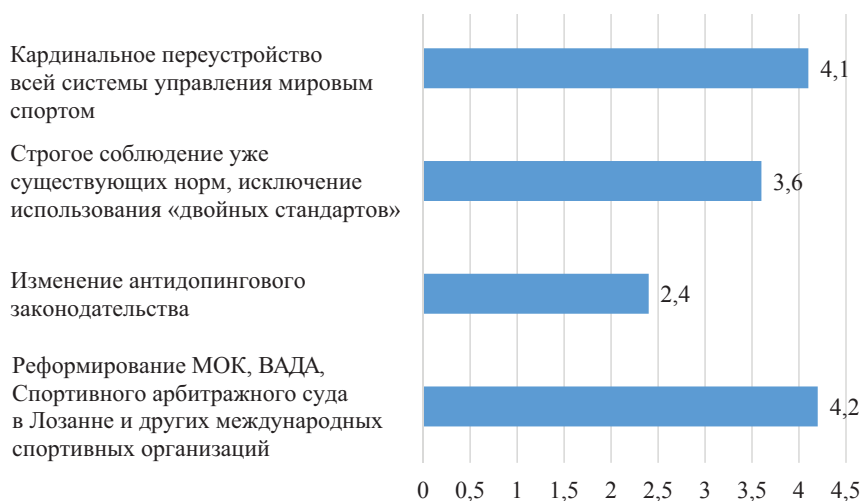

Рис. 1. Экспертная оценка эффективности вариантов противодействия политизации спорта в мире (средний балл)

О чем может говорить подобное восприятие экспертами эффективности способов борьбы с политизацией спорта? На наш взгляд, это свидетельствует о серьезных сомнениях специалистов в возможности добиться неукоснительного соблюдения существующих норм и правил. По всей видимости, потенциал для этого они считают уже во многом исчерпанным. Вместо этого эксперты делают ставку на более радикальные меры, предполагающие либо реформирование существующих институтов, либо же и вовсе фундаментальную трансформацию всей системы управления и функционирования спорта высших достижений в современном мире. Судя по всему, только такими решительными шагами, по их мнению, можно добиться более или менее осязаемого результата.

Так или иначе, но нам представляется, что имплементация даже наиболее «умеренной» части рассмотренных выше мер (не говоря уже о кардинальном переустройстве всей системы управления мировым спортом) станет возможной лишь при условии наличия политической воли по изменению положения, в котором оказался мировой спорт. Причем эта политическая воля должна появиться у тех, кому под силу повлиять на ту ситуацию, которая сложилась на данный момент. По большому счету, речь в данном случае идет о тех же государствах, которые являются субъектами (первого уровня) текущей политизации мирового спорта. Убеждены, что без их желания (или, по крайней мере, молчаливого согласия) ничего в этой сфере меняться не будет.

К сожалению, на сегодняшний день ситуация такова, что особых предпосылок к тому, чтобы эти субъекты решили вдруг отказаться от инициированной ими же политизации спорта или хотя бы сделать что-то для минимизации ее масштабов, мы не наблюдаем. Стало быть, в обозримой временной перспективе надеяться на претворение в жизнь хоть сколько-нибудь значимых мер по противодействию данному процессу вряд ли приходится.

В связи с этим возникает вопрос о том, что могут (и могут ли вообще?) предпринять государства, которые больше остальных ощущают на себе пагубные последствия политизации спорта? Способна ли, например, наша страна реально повлиять на что-то, если не в масштабах всего мира, то хотя бы в отношении самой себя? На наш взгляд, изменить положение дел в глобальном смысле в нынешней ситуации России будет крайне сложно. При этом вероятность добиться существенного улучшения

положения собственных спортсменов (прежде всего тех, кого сегодня не допускают до участия в крупнейших международных соревнованиях) мы расцениваем существенно выше.

Как и в случае с мерами борьбы против политизации спорта в мире в целом, здесь нами также был составлен краткий перечень мер, реализация каждой из которых потенциально могла бы способствовать устранению существующих сегодня проблем и препятствий, которые приходится преодолевать российским спортсменам. Однако, не желая даже косвенным образом влиять на мнения экспертов, перед тем как попросить их оценить сформулированные нами меры, им снова предложили самим подумать над этим, ответив на следующий открытый вопрос: «На Ваш взгляд, каким образом наша страна должна реагировать на ограничения и санкции, которые накладываются на российских спортсменов?».

Нужно заметить, что сразу три эксперта затруднились или не захотели ответить на данный вопрос. Позиции же тех, кто все же сформулировал свое видение потенциальных действий России, условно могут быть разделены на два блока.

Самым многочисленным оказался блок, который составили мнения сторонников суверенного развития нашей страны в спортивной сфере:

Развивать спорт внутри страны и заботиться о детском и юношеском спорте, развивать любительский спорт, не реагировать на внешние раздражители (Э.-Тренер-3);

Прежде всего – отказаться от гуманистической, но не работающей концепции «спорт вне политики». Мы должны выработать свою концепцию влияния через спорт, не обращая внимание на мнение международных спортивных организаций. ... Претворение в жизнь каждого из них будет способствовать нивелированию русофобии и ограничений против российских спортсменов. Но здесь речь должна идти именно о комплексной, целенаправленной политике государства (Э.-Ученый-4).

Второй блок вобрал в себя мнения только трех человек, являющихся сторонниками идеи о том, что России не следует замыкаться в себе и отдаляться от международного спортивного движения:

Не нужно пытаться отстраниться от мирового спорта! Сделать это сегодня практически не реально. Наши недавние попытки организовать собственные международные соревнования прекрасно это доказывают. Просто нельзя давать даже малейшего повода для введения против нас каких-то санкций и все (Э.-Тренер-5);

Очевидно, что все попытки абстрагироваться от международного олимпийского движения обречены на провал. Ни у одного государства не хватит для этого ни сил, ни ресурсов. По крайней мере, пока. Рано или поздно мы все равно вернемся туда, откуда нас временно исключили (Э.-Ученый-5).

По большому счету предложенные нами способы противодействия политизации спорта тоже укладываются в эти два магистральных направления возможных действий. Условному первому блоку мер соответствуют следующие действия:

- сосредоточение усилий на проведении собственных, альтернативных международных соревнований (по примеру прошедших в 2024 г. Спортивных игр БРИКС, «Игр Будущего» или отложенных «до особого решения» Всемирных игр дружбы);
- более активная защита прав спортсменов юридическими средствами, в САС и судах общей юрисдикции;
- активное распространение пророссийских медийных нарративов в мировом информационном пространстве: на Западе целенаправленно формируется очень своеобразное, предвзятое представление о том, что происходит в российском спорте, при этом альтернативная (т. е. наша) точка зрения на эти процессы практически отсутствует. Поэтому чем больше будут масштабы,

интенсивность и эффективность присутствия альтернативных западным подходах в зарубежном медийном поле, тем больше появится шансов на то, что изменение общественного мнения в отношении России и ее роли в развитии мирового спорта в конечном итоге приведет и к трансформации политики государств и подконтрольных им институтов в этой сфере;

– привлечение для защиты российского спорта звезд – лидеров мирового общественного мнения: это могут быть узнаваемые личности не только из сферы спорта, но также из шоу-бизнеса, культуры, кинематографа, науки, технологий и т.д.

Второму блоку содержательно ближе два других варианта потенциальных действий:

- использование инструментов спортивной дипломатии, механизмы которой способны помочь в снижении политической напряженности между Россией и западными государствами и улучшить образ нашей страны на международной арене;
- увеличение представительства граждан России и лояльных нам граждан других стран в руководящих органах международных спортивных структур и организаций.

Все эти меры (без деления их на смысловые блоки) также было предложено оценить по пятибалльной системе участникам экспертного опроса. Результаты представлены на рис. 2.

Рис. 2. Экспертная оценка эффективности вариантов противодействия дискриминационной политике в отношении российского спорта (средний балл)

Очевидно, что среди экспертов лидирует вариант, предполагающий более активную защиту отечественных спортсменов правовыми средствами, а относительным аутсайдером в данном случае является идея с проведением альтернативных соревнований. Вторым по своей эффективности эксперты посчитали использование инструментов спортивной дипломатии. При этом разброс оценок применительно к данному механизму оказался наименьшим – всего 2 балла, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне единодушия специалистов в отношении этой меры. Остальные способы борьбы с дискриминационной политикой в отношении российских спортсменов набрали чуть меньшие средние баллы.

Заключение

Таким образом, завершая анализ потенциальных способов противодействия политизации спорта, можно сказать следующее. Очевидно, что для начала движения в сторону «отката» политики из сферы спорта высших достижений необходимо предпринимать целенаправленные усилия. Сам по себе – естественным путем – этот процесс не начнется и тем более не приведет к каким-либо осязаемым результатам. При этом круг субъектов, которые способны инициировать начало возвращения спортивной сферы в более или менее исходное состояние, не так уж и широк.

Если речь идет о противодействии политизации спорта в целом, в масштабах всего мира, то здесь прекратить этот процесс или «отыграть» все к тому, что было хотя бы пятнадцать лет назад, на наш взгляд, в состоянии только те субъекты первого уровня, которые, собственно, изначально и принимали решения о необходимости использования спорта в решении своих собственных политических задач. Имеем в виду США и ведущие государства Европы, обладающие реальными рычагами воздействия на субъекты политизации спорта второго уровня – международные спортивные организации и мировую прессу, которые осуществляют оперативное управление процессами политизации и создают для этого необходимые условия. Иными словами, можно сказать, что субъекты первого уровня осуще-

ствляют стратегическое управление политизацией, а субъекты второго уровня – тактическое.

Если же мы говорим о борьбе с негативными последствиями политизации в отношении отдельно взятого государства (нас, естественно, в этом смысле интересовала исключительно Российская Федерация), то, разумеется, рассчитывать на помощь в этом со стороны упомянутых выше субъектов (как первого, так и второго уровней) абсолютно бессмысленно. Нашей стране в этом плане приходится надеяться лишь на саму себя и полагаться только на те ресурсы и возможности, которые имеются в ее распоряжении.

Список литературы

1. Воинов Д. Е. Типологизация влияния политики на современные Олимпийские игры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 5. С. 21–38. EDN: RWQKHR
2. Савинов Л. В., Алоян М. С., Шумасов М. А. Политизация спорта как явление и проблема // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 3. С. 107–118. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-107-118>, EDN: TBGHUV
3. Дебелова Л. И., Фартеев Е. К. История политизации спорта // Наука и образование сегодня. 2020. № 6–1 (53). С. 24–27. EDN: ЕТОНMG
4. Кузина С. И., Руденко О. С. Политизация национально-государственной идентичности в спорте как фактор деструкции спортивных традиций и принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 183–190. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-183-190>, EDN: UWAEKE
5. Бродская Н. П., Соловьев Э. Г. Спорт больших достижений как эффективный инструмент «мягкой силы» в мировой политике // Вопросы политологии. 2018. Т. 8, № 11 (39). С. 1012–1024. EDN: YPDGPR
6. Романов А. Ю. Спорт и холодная война. Т. 1. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 262 с.
7. Гарсия-Каселес К. К., Златоверхников Д. С. Политика и спорт в современном информационном медиапространстве // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61, ч. 11. С. 88–92. <https://doi.org/10.18411/lj-05-2020-251>, EDN: FJLBNP
8. Казанцева Н. В., Амосова Т. В. Допинг в российском спорте: технологии формирования негативно-оценочной медиаповестки // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 375–379. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4\(43\).375-379](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4(43).375-379), EDN: XWIIQU

Поступила в редакцию 18.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 19.05.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 18.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 19.05.2025; published 29.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–358

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–358

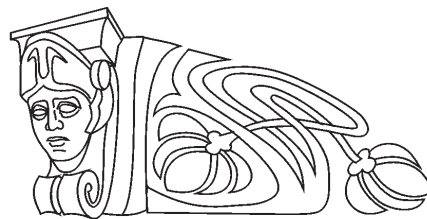
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-351-358>, EDN: YQTZMU

Научная статья

УДК 327

Внешняя политика Румынии между глобальными амбициями и ограниченными возможностями

А. А. Азаренкова

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Азаренкова Алина Александровна, аспирант, преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, azarenkova_alina99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8466-3668>

Аннотация. В статье рассматривается специфика определения приоритетов внешней политики Румынии на глобальном уровне. Анализируются основные стратегические цели и задачи, которые стоят перед страной в международных отношениях, а также оценивается ее роль и влияние на мировой арене. Целью работы является выявление иерархии глобальных ориентиров современной внешней политики Румынии, для чего был проведен контент-анализ основных стратегических документов в данной сфере, а также дискурс-анализ основных внешнеполитических идей. Особое внимание уделяется анализу взаимоотношений Румынии с Европейским союзом, НАТО и США, а также позиционированию страны в международных организациях. Делается вывод о том, что на данный момент страна далека от полноценного включения в мировую политику, хотя и имеет для этого некоторые наработки.

Ключевые слова: внешняя политика, политика безопасности, Румыния, глобальные приоритеты, мировая политика, международные организации, НАТО, Европейский союз, США

Для цитирования: Азаренкова А. А. Внешняя политика Румынии между глобальными амбициями и ограниченными возможностями // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 351–358. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-351-358>, EDN: YQTZMU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Romania's foreign policy between global ambitions and limited opportunities

A. A. Azarenkova

Moscow State Linguistic University, 38, build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Alina A. Azarenkova, azarenkova_alina99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8466-3668>

Abstract. The article examines specifics of determining the priorities of Romania's foreign policy at the global level. The main strategic goals and objectives that the country faces in international relations are analyzed, as well as its role and influence on the world stage are assessed. The aim of the work is to identify the hierarchy of global guidelines of Romania's modern foreign policy, for which a content analysis of the main strategic documents in this area, as well as a discourse analysis of the main foreign policy ideas, was carried out. Special attention is paid to the analysis of Romania's relations with the European Union, NATO and the United States, as well as the country's positioning in international organizations. It is concluded that at the moment the country is far from being fully integrated into world politics, although it has some achievements for this.

Keywords: foreign policy, security policy, Romania, global priorities, world politics, international organizations, NATO, European Union, USA

For citation: Azarenkova A. A. Romania's foreign policy between global ambitions and limited opportunities. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 351–358 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-3-351-358>, EDN: YQTZMU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Полноценное включение Румынии в мировую политику произошло недавно, после выбора в пользу евроатлантической интеграции при адаптации национальной составляющей в основные направления внешней политики,

которые, в свою очередь, можно разделить на глобальные и региональные. Отличительной чертой в формировании глобальных приоритетов у малых и средних государств, таких как Румыния, является выстраивание отношений с международными организациями и «великими державами», так как они пытаются

выступить основой для трансформации системы международных отношений или же преследуют более локальную цель – региональное лидерство для дальнейшего включения в мировую систему и приобретение определенного политического влияния. В связи с этим можно выделить несколько ключевых характеристик внешнеполитической деятельности Румынии: анализ баланса сил в регионе, ориентация на крупные державы, а также достаточно быстрая переориентация внешней политики при изменении геополитической ситуации в мире [1].

Глобальные амбиции в доктринальных документах Румынии

Генезис румынских глобальных амбиций берет свое начало с истоков внешнеполитического позиционирования государства, ключевыми ориентирами которого выступало, например, лавирование между «великими державами», создание великорумынского проекта национального объединения и использование дипломатии как важнейшего ресурса внешней политики. Современные же содержательные направления во внешней политике Румынии стали появляться на пути к приобретению статуса регионального лидера, а наличие таких глобальных направлений может свидетельствовать о стремлении Румынии быть вовлеченной во все мировые процессы по аналогии с европейскими державами, например Францией. Так, в недавнем интервью бывший кандидат на пост Президента Румынии Кэлин Джеорджеску заявил, что «Румыния – самая важная страна в мире»¹. Такое заявление может свидетельствовать о распространенности идей румыноцентризма среди политической элиты страны и о понимании румынской элитой места государства в мире.

Глобальное измерение внешней политики отражается в стратегических документах Румынии. Так, в действующей редакции *Стратегии национальной обороны* обозначаются следующие содержательные направления:

- укрепление профиля Румынии в системе альянсов, партнерств и коллективной обороны на трансатлантическом уровне;

¹ Călin Georgescu revine cu o profeție uluitoare: Țările NATO „vor să pornească Al Treilea Război Mondial din România”. URL: <https://adevarul.ro/politica/calin-georgescu-vor-sa-porneasca-al-treilea-2435508.html> (дата обращения: 14.04.2025).

- активное участие в укреплении Европейского союза, а также углубление процессов интеграции внутри него;

- повышение способности НАТО эффективно реагировать на актуальные и возможные угрозы и вызовы безопасности, основанной на прочных трансатлантических отношениях и неделимой безопасности союзных государств;

- усиление вклада Европейского союза в безопасность и оборону, его взаимодополняемость и синергия с НАТО;

- активная роль Румынии в этих двух организациях в управлении угрозами и проблемами безопасности, непосредственно ее затрагивающими;

- укрепление трансатлантических отношений в сотрудничестве ЕС и США для обеспечения безопасности и стабильности Европы;

- укрепление многосторонности и международного порядка на основе согласованных правил через Устав ООН и документы, лежащие в основе ОБСЕ;

- эффективное использование преимуществ, полученных из геостратегической позиции Румынии².

В первую очередь, Румыния стремится укрепить свой статус как полюса региональной стабильности, при этом став центром продвижения евроатлантических интересов, используя свое уникальное геополитическое положение, что говорит о намерении не потерять свою национальную идентичность, при этом включая в нее элементы европеизма и атлантизма. В современной румынской внешней политике отчетливо видно появление глобальных направлений, в которых Румыния стремится приобрести статус на мировой арене, и градация региональных приоритетов, которые подразумевают реализацию национальных интересов в приграничных государствах (Республика Молдова, Украина, Венгрия), на Черном море, Балканах и в Восточной Европе.

Более концентрированное выражение данные направления получили в *Программе деятельности Правительства*, где иерархия глобальных приоритетов выстроена следующим образом.

1. Укрепление профиля Румынии в Европейском союзе. Предполагается превращение ЕС из регионального в глобальный союз, а

² Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020–2024. URL: https://www.presidency.ro/files/user-files/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

также способствование прагматичным трансатлантическим отношениям. Не менее важным представляется расширение присутствия на руководящих должностях в европейских институтах. Новыми направлениями являются также энергетическая и кибернетическая безопасность. Солидарность ЕС и Украины, обеспечение стабильности и безопасности государств имеют геостратегическое значение для Румынии, так же как и участие в общей политике безопасности и обороны. Деятельность Румынии в области общей политики безопасности и обороны (ОБПО) ЕС регулируется соответствующей Стратегией³, где среди основных направлений можно отметить участие румынских экспертов в международных гражданских миссиях ОБПО.

2. Усиление роли Румынии в НАТО. Страна открыто выступает за дальнейшее расширение Североатлантического альянса, продвигая и свои стратегические интересы.

3. Укрепление стратегического партнерства с США. Помимо военного присутствия, особое внимание уделяется энергетической и кибернетической безопасности, росту инвестиционной привлекательности, а также поддержке США тех геополитических проектов, в которых принимает участие Румыния. Отмечается, что именно трансатлантические отношения жизненно важны для сохранения ценностей и обеспечения безопасности⁴.

4. Другие приоритеты на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, например, включение в стратегическое видение таких регионов, как Ближний Восток, Индо-Тихоокеанский регион, Африка, Арктика и т.д.

5. Развитие экономической дипломатии и вступление Румынии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

6. Поддержка эффективной многосторонности, а также использование международного сотрудничества в качестве эффективного инструмента внешней политики. В рамках этого приоритета можно отметить несколько ключевых инициатив: продвижение демократии в рамках Сообщества демократий, где Румыния

являлась председателем с 2020 по 2022 г., политика устойчивого развития (Национальная стратегия устойчивого развития до 2030 г.), проект «Глобальная Европа» и др.

7. Развитие культурной, образовательной и научной дипломатии, в том числе продвигая румынский язык, культуру и цивилизацию. В последнее время Румыния все чаще стала позиционировать себя как цивилизация, границы которой включают и другие суверенные государства, в частности Молдову.

В Зеленой книге многосторонней дипломатии 2020 г. также рассматриваются вопросы глобального позиционирования государства. В документе идет отсылка к деятельности таких организациях, как ООН, ОЭСР, ОБСЕ, Совет Европы, Сообщество демократий, Альянс цивилизаций, а также в других, уже региональных форматах. Сама себя Румыния позиционирует как «государство среднего размера, которое благодаря членству в Европейском союзе является составной частью глобального полюса власти»⁵ и в долгосрочной перспективе должна оказывать влияние на мировую политику и принятие решений. Так, многосторонняя дипломатия является одним из основных инструментов внешней политики Румынии в глобальном измерении, при этом определяющим вектором будет отстаивание своих национальных ценностей и интересов. Одновременно Румыния признает, что коллективный Запад более не играет ключевую роль на международной арене, и в дальнейшем его влияние будет лишь сокращаться, что связано с широко распространяющимся процессом регионализации: возникновением таких влиятельных международных объединений, как БРИКС. Ввиду того, что все ресурсы долгое время были направлены сначала на вступление, а в дальнейшем и на укрепление своей позиции в ЕС и НАТО, долгое время игнорировались крупные международные форматы взаимодействия, которые сейчас Румыния пытается наверстать.

Деятельность Румынии в ООН в свое время способствовала формированию ее евроатлантической идентичности посредством участия, например, в операции в Албании. Также в рамках гуманитарной политики рисуется явное превосходство Румынии относительно других новых членов ЕС. В Многолетней стратегической программе международного сотрудничества

³ Strategia Națională pentru implementarea Pactului Civil în domeniul Politicii de Securitate și Apărare Comună a Uniunii Europene și Planul de acțiune al Strategiei Naționale pentru implementarea Pactului Civil în domeniul Politicii de Securitate și Apărare Comună a UE. URL: <https://sgg.gov.ro/1/wp-content/uploads/2020/12/ANEXA-1.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Program de guvernare 2023–2024. URL: https://gov.ro/fisiere/pagini_fisiere/23-06-16-12-32-52Programul_de_Guvernare_2023-2024.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

⁵ Cartea verde a diplomației multilaterale. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/carte_verde_diplomatie_multilaterala.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

в области развития и гуманитарной помощи на 2024–2027 гг. глобальной стратегической целью ставится искоренение бедности, в связи с чем планируется выделять 0,33% из валового национального дохода, а также участвовать в различных проектах через международное сотрудничество⁶. Стратегически важными для Румынии регионами будут выступать Западные Балканы, Черноморский регион, Африка и Ближний Восток. Именно поэтому в рамках ООН для продвижения своих интересов Румыния будет использовать гуманитарный вектор внешней политики. Он реализуется, например, через сотрудничество с различными агентствами, фондами, а также путем участия в программах ООН и других международных и неправительственных организаций, включая ЕС. В приоритете также поддержка отношений ООН с НАТО, ЕС и ОБСЕ, используя дипломатию. Агентство международного сотрудничества в области развития (Agenția României de Cooperare Internațională pentru Dezvoltare (RoAid)) под руководством Министерства иностранных дел отвечает за реализацию программ и проектов в области развития и гуманитарной помощи. Однако, учитывая тенденцию на сокращение гуманитарной помощи со стороны западных государств, остается открытым вопрос о дальнейшем развитии RoAid.

Возрастает и интерес Румынии по большей части как члена Евросоюза к ресурсно богатым регионам, в частности к Африканскому континенту, которому придается глобальное значение. В связи с этим была принята *Стратегия «Румыния – Африка – будущее партнерство через мир, развитие и образование»*, где особое внимание уделяется региону Африки южнее Сахары. Тремя основными направлениями сотрудничества указаны образование, поддержание мира и безопасности и экономика. В первую очередь, внимание обращается, конечно же, на ресурсную и энергетическую составляющие, что является стратегически важным не столько для самой Румынии, сколько для всего ЕС. В документе отмечается и достаточно положительный образ Румынии в Африке, созданный при помощи дипломатических усилий. Наряду с приувеличением роли Румынии идет и неко-

торая дискредитация российского положения в Африке в ситуации, связанной с низкой продовольственной безопасностью и обвинением коллективного Запада, что напрямую связывается со специальной военной операцией, проводимой на территории Украины, но не указываются конкретные действия, которые Румыния могла бы предпринять, например, по транзиту зерна из Украины. Что касается вопросов безопасности, то здесь демонстрируется полная солидарность с ООН и участием в ее миссиях. Таким образом, Румыния является очередным и не самым активным проводником евроатлантических ценностей в Африке. Интересно, что в африканской стратегии также заявляется, что «в политическом плане для Румынии глобальный порядок, основанный на уважении международного права и многосторонности, является центральным аспектом стратегического и внешнеполитического профиля»⁷. Как представляется, данный документ можно рассматривать как стратегию для определенного региона, но с глобальным уклоном, что является новым форматом для стратегического планирования в Румынии.

Пониманию видения Румынией иерархии глобальных приоритетов способствует проведенный контент-анализ основных внешнеполитических документов. Результаты представлены в таблице.

В качестве единиц анализа были выделены международные организации, а также те регионы мира, которые находятся в фокусе внимания большинства развитых государств. Стоит аргументировать включение таких регионов, как Азия, Африка, Ближний Восток и Южный Кавказ, в число глобальных приоритетов. Очевидно, что данные направления Румыния рассматривает не в контексте выстраивания отношений в регионе, а копируя направления с таких акторов мировой политики, как США. Итак, на основе комплексного контент-анализа вышеперечисленных официальных документов можно выделить следующие приоритетные направления в глобальном измерении по мере важности:

- Европейский союз, преимущественно в дипломатическом и региональном контексте;
- НАТО как главный институт обеспечения национальной безопасности;

⁶ Programul multianual strategic de cooperare internațională pentru dezvoltare și asistență umanitară 2024–2027. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/anul_2023/pdf_2023/20231124_program_multianual_strategic_2024-2027.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

⁷ România – Africa: parteneriat pentru viitor prin pace, dezvoltare și educație. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/anul_2023/pdf_2023/strategie_africa_2023_ro.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

Контент-анализ глобальных приоритетов в доктринальных документах Румынии

Единица анализа	Количество упоминаний				
Документ	Стратегия национальной обороны	Белая книга обороны	Зеленая книга дипломатии	Военная стратегия	Программа Правительства
Организация Объединенных Наций (ООН)	3	13	106	4	0
Европейский союз (ЕС), Совет Европы	78	81	130	34	39
Североатлантический альянс (НАТО)	70	119	93	57	10
Соединенные Штаты Америки (США)	24	24	13	10	3
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	4	6	66	1	0
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	0	0	11	0	3
Ближний Восток	5	2	2	1	5
Африка	3	0	3	1	1
Азия	3	1	14	0	0
Южный Кавказ	1	0	6	0	0

- ООН для большей интеграции в мировую политику;
- ОБСЕ как один из инструментов обеспечения европейской безопасности;
- участие румынской армии в миссиях за рубежом;
- глобальные проблемы, касающиеся преимущественно энергетического суверенитета, борьбы с изменением климата, здравоохранения и т.д.
- модернизация экономики Румынии через вступление в ОЭСР;
- Ближний Восток, Азия, Индо-Тихоокеанский регион, Латинская Америка, Африка, Кавказ как развивающиеся и конфликтогенные регионы.

Стоит заметить, что в дискурсе Румынии присутствует стратегическое видение важности определенных регионов, но все еще стоит вопрос о наличии ресурсов для проведения своей внешнеполитической линии при условии, что так называемые сферы влияния и геополитические интересы уже давно определены другими акторами мировой политики. Так, например, при наличии исторически сложившейся успеш-

ной дипломатической практики, в том числе культурной и научной, экономические ресурсы, несмотря на рост ВВП (350,8 млрд долл. США⁸), все еще не позволяют Румынии полноценно выйти на реализацию своих интересов. Текущая внутривластная нестабильность ввиду отмены и переноса выборов, а также ухода К. Йоханниса, под руководством которого и создавались приведенные выше документы, в отставку, также не совсем соответствует провозглашаемому глобальным амбициям.

Стремление к формированию мирового порядка при поддержке США

Стратегическое видение Румынией мирового порядка представлено с точки зрения перехода к новой парадигме безопасности, в которой отмечается тенденция двустороннего сотрудничества государств, в том числе в рамках альянсов, что позволило бы международной среде стать предсказуемой. Главной угрозой

⁸ GDP (current US\$) Romania. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=RO> (дата обращения: 14.04.2025).

в этой связи представляется Россия, которая, нарушая нормы международного права, усугубляет и расширяет разногласия с европейскими государствами и странами-членами НАТО. Определенную опасность Румыния видит в тех государствах, которые наряду с ней пытаются стать региональными лидерами.

В Белой книге обороны Румынии также рассматривается вопрос перспектив миропорядка. Отмечается, что глобальная среда безопасности характеризуется тенденцией к изменению баланса сил в мировой политике и переходу к такой многополярной системе, в которой будут как глобальные, так и региональные центры власти, а в таких условиях национальные государства, наподобие Румынии, находятся в состоянии стратегической незащищенности⁹. Говорится в документе и о таких тенденциях в мировой политике, как возрождение геополитического соперничества, возвращение к политике власти и предпочтение двусторонних отношений многосторонним, что, в свою очередь, влияет на глобальную архитектуру безопасности, в том числе и на контроль над вооружениями, распространением оружия массового поражения, усиление конкуренции за доступ к ресурсам, снижение эффективности санкционной политики и т.д. Для Румынии глобальный контекст несет за собой такие вызовы, опасности и угрозы, как усиление стратегической конкуренции между ведущими мировыми державами, участие негосударственных субъектов в международных отношениях, информационное противоборство, а также такие традиционные для многих государств угрозы, как терроризм, миграция и изменение климата, глобальное здравоохранение, трансграничная преступность и коррупция. Важно отметить, что Правительство Румынии считает оборону одной из приоритетных областей внешней политики и политики безопасности.

В качестве главного глобального ориентира в вопросе мироустройства было выбрано стратегическое партнерство Румынии и США, которое берет свое начало в 2011 г., когда была подписана совместная «Декларация о стратегическом партнерстве между Румынией и Соединенными Штатами Америки». В документе, в частности, отмечается общая история между народами, приверженность демократии, готовность реагировать на общие угрозы и вызовы,

⁹ Cartea albă a apărării 2021. URL: <https://sgg.gov.ro/1/wp-content/uploads/2021/03/CARTA-ALBA-A-APARARII-.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

что подтверждается действиями по укреплению безопасности, экономическому сотрудничеству и культурному обмену¹⁰. Упоминается в Декларации и размещение элементов противоракетной обороны на румынской авиабазе в Девеселу, проведение совместных учений в центральноевропейском и черноморском регионах, что также регламентируется Соглашением между Румынией и Соединенными Штатами о деятельности вооруженных сил США, расположенных на территории Румынии, от 2005 г.¹¹ Ключевыми областями сотрудничества, наряду с военной, которая, как видится Румынии, способствует в том числе и региональной стабильности в рамках НАТО, разоружения и контроля над вооружениями, является экономическая, энергетическая, политическая (продвижение демократии и универсальных ценностей) и научно-образовательная.

Исключительно при американской поддержке на территории Румынии расположены несколько авиабаз и одна военно-морская в Констанце. В 2024 г. было объявлено о запуске военно-воздушной базы «Михаил Когэлничану», на которой расположен самый большой контингент американских военнослужащих в Румынии (около 1200 чел.). В долгосрочной перспективе планируется превращение объекта в центр управления войсками НАТО в Юго-Восточной Европе [2]. Все это находит свое подтверждение и в *Военной стратегии* Румынии, где представлены планы по модернизации армии и укреплению военного потенциала. Для США, в свою очередь, проамериканская позиция Румынии имеет большое значение в региональном плане. Как отмечает отечественный исследователь Т. Г. Биткова, Румыния «держится в фарватере внешней политики США и гордится этим» [3, с. 242]. На данный момент вооруженные силы США в Румынии насчитывают 2,4 тыс. военнослужащих [4].

США, в свою очередь, в Интегрированной стратегии в отношении Румынии основными целями видят решение проблем в области безопасности как внутри страны, так и на глобальном и региональном уровнях, содействие энергетической безопасности и экономическому

¹⁰ Declarația comună privind parteneriatul strategic pentru secolul XXI între România și Statele Unite ale Americii. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/2011.09.13_declaratie.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

¹¹ Acord între România și Statele Unite ale Americii privind activitățile forțelor Statelor Unite staționate pe teritoriul României. URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/tratate/2011.09_scut_ro.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

процветанию и укрепление демократических ценностей, утверждая, что страна является лидером в своем регионе и в НАТО¹². Упомянется и перспектива энергетической независимости Румынии, которая в период кризиса 2022 г. помогла многим странам Центральной Европы. Так, Румыния неуклонно сохраняет свою непоколебимую поддержку США и проводит внешнюю политику уже не только в региональном, но и в глобальном плане, синтезируя свои интересы с интересами США.

Однако переориентация американской внешней политики в период президентства Д. Трампа не может не коснуться американско-румынских отношений и в целом евроатлантической стабильности. США планирует сокращение вооруженных формирований на территории стран Восточной Европы, в том числе и Румынии, также присутствует и недовольство администрации Д. Трампа текущей внутривосточной ситуацией, сложившейся после отмены выборов в конце 2024 г. Можно предположить, что утрата США в качестве ориентира вынудит Румынию пересмотреть свое глобальное позиционирование в сторону общеевропейских интересов. При этом известно, что движущей силой политического курса США традиционно является эгоистическое стремление к глобальной гегемонии в мире [5]. Румыния же, равно как и другие игроки, призвана быть лишь объектом и инструментом американской политики. И нынешние власти Румынии не могут не понимать рисков ориентации на США.

Участие Румынии в международных организациях как отражение глобальных амбиций

Отдельно как средство реализации румынских глобальных амбиций стоит рассмотреть проведение внешней политики в рамках международных организаций. Стремясь стать актором мировой политики, Румыния участвует в инициативах в рамках ООН и ОБСЕ, например миссии ООН в Африке. В 2023 г. вооруженные силы Румынии принимали участие в миссиях в Конго, Судане и Мали, а также в Пакистане и Косово, а в 2024 г. – в Центральноафриканской Республике и Южном Судане.

Ключевым интересом Румынии в НАТО заявляется, в первую очередь, гарантия выполнения условий 5-й статьи Вашингтонского

договора, о чем говорится в нескольких официальных документах, а также непосредственное участие Румынского государства и поддержка его позиций в решении вопросов, касающихся евроатлантической безопасности и военной трансформации. Румыния позиционирует себя как региональный лидер по отношению к тенденциям в международных отношениях, а также к геополитическим перераспределениям, влияющим на стратегическое партнерство. В этой области Румыния активно прибегает к региональному проектированию.

Свою роль в ОБСЕ Румыния видит, прежде всего, через призму разрешения региональных конфликтов в Черном море, на Балканах и на постсоветском пространстве. В области общеевропейской безопасности Румыния активно участвует в процессе Корфу (неформальной дискуссии по европейской безопасности). Для Румынии это подходящая платформа для продвижения своих интересов во всех трех измерениях ОБСЕ (безопасность в общем смысле, а также экономическая и гуманитарная безопасность).

Присоединение к ОЭСР также является одной из приоритетных целей внешней политики Румынии, к которой она стремится с 2022 г., в связи с чем была реформирована нормативно-правовая база, в частности, создан специальный национальный комитет по вступлению Румынии в ОЭСР (Comitetul național pentru aderarea României la Organizația pentru Cooperare și Dezvoltare Economică (OCDE))¹³ – международную организацию прозападной направленности, включающую развитые страны и продвигающую политику экономического роста на общемировом уровне. На данный момент Румыния находится на этапе оценки соответствия румынского законодательства и проводимой политики экспертами ОЭСР. Для достижения данной цели Румыния также участвует в некоторых региональных программах организации, таких как «Конкурентоспособная Евразия», «Региональная программа Юго-Восточной Европы», «Укрепление координации и стратегического руководства Западной Африки (ЭКОВАС)», а также уже входит в две подведомственные организации ОЭСР: Агентство по ядерной энергетике и Международный

¹² Integrated Country Strategy. Romania. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/ICS_EUR_Romania_18MAR2024_PUBLIC.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

¹³ Decizia nr. 481/2022 privind înființarea, organizarea și atribuțiile Comitetului național pentru aderarea României la Organizația pentru Cooperare și Dezvoltare Economică (OCDE). URL: <https://lege5.ro/gratuit/gezdmnrrhayda/decizia-nr-481-2022-privind-infiintarea-organizarea-si-atributiile-comitetului-national-pentru-aderarea-romaniei-la-organizatia-pentru-cooperare-si-dezvoltare-economica-ocde> (дата обращения: 14.04.2025).

транспортный форум¹⁴. ОЭСР, в свою очередь, публикует ежегодные отчеты касающиеся состояния румынской экономики. В последнем докладе за 2024 г. в качестве основных проблем были отмечены как внешние обстоятельства (украинский конфликт 2022 г. и последовавший энергетический кризис), так и внутренние (например, «зеленая повестка», дальнейшее реформирование и денежно-кредитная политика¹⁵). Также, судя по приведенным данным, Румыния по многим показателям, например по уровню жизни, бедности, декарбонизации и т.д., отстает от многих стран-членов ОЭСР.

Участие Румынии в *Сообществе демократий* (в 2022 г. завершился период ее президентства в организации, что, по официальной версии, подтверждает приверженность демократическим ценностям на протяжении тридцатилетней государственности) также в некотором смысле продиктовано интересами США, так как является проектом Госдепартамента, а Альянс цивилизаций по большей части – культурным проектом. Стоит отметить, что представительство Румынии в крупных международных организациях весьма ограничено, в связи с чем разрабатывается определенная стратегия в этой области.

Заключение

Как можно заметить, глобальные приоритеты Румынии, за исключением НАТО и ЕС, не конкретизированы и носят, скорее, общий характер, что связано с первостепенной задачей становления государства как регионального лидера, а также в угоду США как гегемона для сохранения собственного существования. Для усиления своей роли на мировой арене Румынии, помимо использования ресурса евроатлантических структур, нужно делать упор на свою независимость, ориентироваться на свои национальные интересы, скорректированные с учетом истинно румынских ценностей, а не западно-демократических. Также эта однобокая направленность внешней политики существенно ограничивает возможности Румынии относительно выстраивания отношений с другими

государствами, в частности с такими перспективными регионами, как Азия, Африка и Латинская Америка. Такая внешнеполитическая замкнутость в некотором смысле противоречит и национальным интересам Румынии, так как одним из них является расширение международного сотрудничества.

Несмотря на первоочередное, хотя и достаточно размытое положение глобальных приоритетов в документах, их реализация стоит далеко не на первом месте и во многом имплементируется через различные региональные инициативы, что связано, в первую очередь, с процессом евроатлантической интеграции, а также ресурсной ограниченностью. Ввиду трансформации американской политики Румыния будет больше тяготеть к европейским, т.е. региональным институтам сотрудничества. Достигнув регионального лидерства, она старается выйти на глобальный, международный уровень, к чему будет стремиться в ближайшем будущем при условии стабильной внутривластной ситуации. Роль, которую стараются играть малые и средние государства Европы не только в обеспечении безопасности, но и в балансе сил между, например, ЕС и НАТО, приняла на себя и Румыния. В связи с этим необходимо отслеживать заявки Румынии на глобальные направления, перечень которых может быть существенно расширен, например, в сторону Арктики.

Список литературы

1. Путинцев И. С. Внешняя политика Румынии после вступления в НАТО и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 11. С. 66–75. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-66-75>
2. Биткова Т. Г. Авиабазы «Михаил Когэлничану» в Румынии: значение и перспективы развития // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2024. Вып. 73 (89). С. 37–44.
3. Биткова Т. Г. Румыния и Балканы: Политические и историко-культурные аспекты // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 2 (110). С. 233–252. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.11>, EDN: EFCFKC
4. *Международная безопасность в эпоху глобальных перемен* / под ред. О. П. Иванова, С. М. Гавриловой; Дипломатическая академия МИД России. М. : Квант Медиа, 2024. 322 с.
5. Белозеров В. К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2015. Т. 8, № 1. С. 126–134. EDN: TUNETF

¹⁴ Organizația pentru Cooperare și Dezvoltare Economică (OCDE). URL: <https://www.mae.ro/node/1481> (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁵ OECD Economic Surveys: Romania. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-romania-2024_106b32c4-en.html (дата обращения: 14.04.2025).

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2025. Том 25, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

